

Edited by Florian Stammmler and Gertrude Eilmsteiner-Saxinger

BIOGRAPHY, SHIFT-LABOUR AND SOCIALISATION IN A NORTHERN INDUSTRIAL CITY – THE FAR NORTH: PARTICULARITIES OF LABOUR AND HUMAN SOCIALISATION

Proceedings of the International Conference in Novy Urengoy, Russia, 4th - 6th December 2008

Флориан Штаммлер, Гертруде Эйльмштейнер-Саксингер (Ред.)

КРАЙНИЙ СЕВЕР: ОСОБЕННОСТИ ТРУДА И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА – БИОГРАФИЯ, ВАХТОВЫЙ ТРУД И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В СЕВЕРНОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Материалы научной-практической конференции в г. Новом Уренгое, Россия, 4 - 6 декабря 2008

**Крайний Север: особенности труда и социализации
человека – Биография, вахтовый труд и социализация человека в
северном индустриальном городе**

Материалы научно-практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4–6 декабря 2008

**Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern
Industrial City – The Far North: Particularities of Labour and
Human Socialisation**

Proceedings of the International Conference in Novy Urengoy, Russia, 4th – 6th December 2008

Флориан Штаммлер / Гертруде Эйльмштейнер-Саксингер (ред.)
Florian Stammer and Gertrude Eilmsteiner-Saxinger (eds.)

Крайний Север: особенности труда и социализации человека – Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе

Материалы научно – практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4 – 6 декабря 2008

**Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern Industrial City – The Far North:
Particularities of Labour and Human Socialisation**

Proceedings of the International Conference in Novy Urengoy, Russia, 4th – 6th December 2008

Штаммлер, Флориан / Эйльмштейнер-Саксингер, Гертруде (ред.)
Stammler, Florian / Eilmsteiner-Saxinger, Gertrude (eds.)

Online publication – 2010 / Книга в электронном виде – 2010****

Скачать / Download: <http://www.arcticcentre.org/anthropology>

Скачать / Download: <http://raumforschung.univie.ac.at>

Contact

fms36@cam.ac.uk

gertrude.eilmsteiner-saxinger@univie.ac.at

© Арктический Центр Университета Лапландии, Финляндия

www.arcticcentre.org/anthropology

© Проект «Жизни в движении: Вахтовики в Северо-Западной Сибири», Институт географии и регионального исследования, Венский Университет, Австрия

<http://raumforschung.univie.ac.at>

© Коллектив авторов

© Arctic Centre, University of Lapland, Finland

www.arcticcentre.org/anthropology

© FWF Project „Lives on the Move: Vakhtoviki in North-western Siberia” at the Department of Geography and Regional Research, University of Vienna, Austria

<http://raumforschung.univie.ac.at>

© Individual Authors

** Примечание: Это исправленная и дополненная версия одноименной предварительной онлайн публикации под редакцией Дзиды/ Штаммлера/ Эйльмштейнер (и др.) которая была в доступе онлайн 13.04.2010.

** Note: this is a revised and extended version of a preliminary online edition under the same title edited by Dzida/ Stammler/ Eilmsteiner (et al.) which was available online until 13.04.2010

Оформление обложки: Урсула Майер, Вена, Австрия

Cover design: Ursula Meyer, Vienna, Austria

Фотографии сделаны: Г. Эйльмштейнер, кроме ч/б фотографии в первом верхнем ряду снятой А.Н. Зелинским в Музее Газпрома, Новый Уренгой, Россия

Picture credits: G. Eilmsteiner except black and white picture in the first row left: by Aleksandr Zelinskij – photograph taken in the Gazprom Museum, Novy Urengoy, Russia

Предисловие

Этот сборник представляет международные и российские исследования на тему адаптации пришлого населения Северной Сибири. Книга является результатом совместно-организованной международной конференции, состоявшейся в Новом Уренгое (Западная Сибирь, Россия). Организаторы: Филиал Тюменского государственного университета в г. Новый Уренгой, НИИ Уральского отделения Российской Академии образования в г. Новый Уренгой (Россия), Арктический Центр Университета Лапландии (Финляндия), Проект «Жизни в движении – Вахтовики в Северо-Западной Сибири» – Институт географии и регионального исследования, Венский Университет (Австрия).

Книга объединяет два раздела. Первая часть посвящена теме, связанной с процессами передвижения, заселения и переселения северного населения, мигрировавшего в регион из средней полосы, что включает в себя анализ российской экономической политики относительно промышленного развития Российского Севера, стимулирования такого рода движения населения, строительства северных индустриальных городов. Малоизученный вопрос, обретающий все большую актуальность в таких городах – это организация труда в нефтяной и газовой индустрии с использованием постоянной рабочей силы, внутри-региональной вахты или межрегионального вахтового метода работы. Второй раздел затрагивает проблемы молодого поколения в северных промышленных городах, в частности вопросы социализации, организации семьи и образования молодых.

Большая часть статей сборника основывается на презентациях, представленных на конференции, и включает в себя результаты исследований из Канады, Америки, Финляндии, Австрии, Германии, а так же Российских университетов, представителей городской администрации, некоммерческих организаций и представителей промышленности. Следуя программе конференции, статьи данного издания объединяют научные работы так же, как и доклады специалистов-практиков о результатах их работы.

Редакторы надеются, что данный сборник будет полезным для усиления диалога между наукой, политикой и практикой, объединенные интересом к жизни и развитию в северных индустриальных городах. Издание вызовет интерес специалистов в области социологии, антропологии, географии, медицины, педагогики, привлечения трудовых ресурсов и всех, интересующихся социализацией и адаптацией населения в экстремальных природных и социальных условиях.

Данный сборник является одним из результатов исследовательского проекта БОРЕАС–МУВ–ИННОКОМ, финансируемого Академией Финляндии, решение 118702, а так же исследовательского проекта «Жизни в движении – Вахтовики в Северо-Западной Сибири» Института географии и регионального исследования, финансируемого FWF Австрийским научным фондом (P 22066-G17), руководитель проекта профессор Хайнц Фассманн.

Мы хотим выразить благодарность нашим многочисленным партнёрам, друзьям и информантам в Новом Уренгое. Редакторы сборника выражают благодарность Г.А. Дзиде, М.А. Павловой, Т.А. Вахрушевой, З.Э. Борлаковой, М.Х. Нуриевой, Е.В. Нуйкиной, С.А. Крыжановской, Е.С. Алешкевич, Х. Фассманну, П. Швайцеру, Х. Гурр и Тиму Хелениаку за их вклад в подготовку этого сборника.

Preface

This volume introduces international and Russian research on the adaptation of the (incomer) population of northern Siberia. The book developed out of a jointly organised international conference in Novy Urengoy, West Siberia by NII – Research Institute for Problems of Development of Education under Sub-polar Conditions at the Urals Branch of the Russian Academy of Education, Novy Urengoy (Russia), the Arctic Centre at the University of Lapland, Rovaniemi (Finland) and, the Department of Geography and Regional Research at the University of Vienna (Austria).

The volume consists of two sections. The first is dedicated to topics connected to processes of movement, settlement and re-settlement of the northern population that migrated there from more temperate regions. This includes analyses of Russian economic policy towards industrial development of the Russian North, ‘inducing’ such population movements, and the establishment of northern industrial cities. One little-analysed question of increasing importance in such cities is the labour organisation in the oil and gas industry with the choices of permanent work force, intra-regional shift work, or inter-regional long distance commuting. The second section about the younger generation in northern industrial cities focuses on questions of socialisation, family organisation and education of young people.

Most articles in the volume came out of presentations at the conference and include research from Canada, USA, Finland, Austria and, Germany as well as from Russian universities and representatives from city-administration, non-commercial organisations, and the industry. Following the layout of the conference, articles in this volume include academic contributions as well as practitioners’ reports about their work.

The editors believe that this combination is useful for enhancing the dialogue between science, politics and practitioners, all of which are united in their vital interest for life in and development of northern industrial cities. This volume will be interesting for specialists in the fields of sociology, anthropology, geography, pedagogy, medicine, human resources and for all those interested in human socialisation and adaptation in “extreme” natural and social environments.

The volume is one of the outcomes of the research project BOREAS–MOVE–INNOCOM, funded by the Finnish Academy, decision 118702 as well as of the research project funded by the FWF Austrian Science Fund (P 22066-G17) “Lives on the Move–Vakhtoviki in North-western Siberia” conducted at the Department of Geography and Regional Research, University of Vienna with Prof. Heinz Fassmann as project leader.

We thank all our numerous partners, friends and informants in Novy Urengoy. Many thanks to G.A. Dzida, M.A. Pavlova, T.A. Vakhrusheva, Z.E. Borlakova, M.Kh. Nourieva, E.V. Nuykina, S.A. Kryzhanovskaja, E.S. Aleshkevich, H. Fassmann, P. Schweitzer, H. Gurr and T. Heleniak for contributing to the preparation of this volume.

Содержание Table of Contents

Введение: Северный индустриальный город как место проживания и исследования.....	1
Ф. Штаммлер, Г. Эйльмштейнер-Саксингер	
Introduction: The Northern Industrial City as a Place of Life and of Research.....	9
F. Stammer, G. Eilmsteiner-Saxinger	
От прошлого, через настоящее, к будущему Ямала.....	17
Г.А. Дзида	
From the past, through the present to the future of Yamal.....	19
G.A. Dzida	
I	
Биографии и вахтово-экспедиционный метод организации труда – Biography and Shift Labour Organisation	
Развитие вахтового метода в Канаде и Австралии.....	22
К. Стори	
The Evolution of Commute Work in Canada and Australia.....	23
K. Storey	
«Город стал родиной для жителей, но умирать здесь никто не собирается»: Антропологические размышления о человеческих сообществах в северном городе.....	33
Ф. Штаммлер	
“The City became the Homeland for its Inhabitants, but Nobody is Planning to die here” – Anthropological Reflections on Human Communities in the Northern City.....	41
F. Stammer	
Глазами очевидцев: изучение освоения Тюменского Севера через воспоминания свидетелей событий.....	43
Л.Ф. Липатова	
The Eyes of Witnesses: Studying the Development of the Tyumen North through Memoirs.....	47
L.F. Lipatova	
Переселение на Российском севере: трудности реализации.....	49
Е.В. Нуйкина	
Resettlement in the Russian North: Problems of Implementation.....	52
E.V. Nuykina	
Государственная политика регулирования трудовых отношений на Ямале. Роль социального партнерства в сфере труда.....	54
Л.И. Панова	
State Policy for the Regulation of Labour Relations in Yamal.....	57
L.I. Panova	

Современные проблемы формирования кадрового потенциала государственных и муниципальных служащих ЯНАО.....	58
Д.А. Демин	
The modern problems of forming the staff potential of the state and municipal clerks in Yamalo-Nenetsky autonomous region.....	61
D.A. Djomin	
Дизайн повседневности как средство формирования коллективной идентичности жителей северного поселения.....	62
Д. Жуковская	
“Design of Everyday Life” as an Instrument for Creating a Collective Identity of the Residents of a Northern Industrial Settlement.....	65
D. Zhukovskaya	
Особенности профессиональной адаптации молодых специалистов в северных широтах.....	67
И.А. Боровикова	
Peculiarities of the Young specialists’ Professional Adaptation in Northern Latitudes	68
I.A. Borovikova	
Комплексное социально-гигиеническое исследование по охране здоровья работающих в газодобывающей промышленности в условиях Крайнего Севера Западной Сибири	70
А.П. Кривощёков	
Integrated Social and Hygienic Research in Health Safety of the Gas Industry Employees working in the Far North of West Siberia	72
A.P. Krivoschekov	
Социальная и экологическая физиология представителей новой популяции человека на Тюменском Севере	73
В.С. Соловьев, С.В. Соловьева, А.В. Елифанов, С.В. Панин	
Social and Ecological Physiology of the New Human Population Representatives in the North of Tyumen Region.....	75
V.S. Solovyev, S.V. Solovyeva, A.V. Yeliphanov, S.V. Panin	
Использование вахтового метода труда при освоении ресурсов Севера России.....	76
Н.Г. Телегий	
The Use of Shift-work in Resource-extractive Industries of the Russian North.....	79
N.G. Telegy	
Организация вахтового метода работ на Крайнем Севере и его правовые основы.....	80
В.А. Мартынов	
The Organization of the Long-distance commute Work in the Far North and its Legal Bases.....	85
V.A. Martynov	
Психологические аспекты вахтового труда в условиях крайнего севера.....	89
Т.Л. Попова, А.А. Буганов, В.А. Лобова	

Psychological Aspects of Long-Distance Commute Work under Conditions of the Far North.....	94
T.L. Popova, A.A. Buganov, V.A. Lobova	
Психофизиологические аспекты адаптации экспедиционно-вахтовых рабочих на Крайнем Севере.....	95
И.Ю. Низамова, А.А. Буганов, В.А. Лобова	
Psycho-physiologic aspects of adaption of Long-distance commuters in the Far North.....	100
I.J. Nizamova, A.A. Buganov, V.A. Lobova	
Реализация политических решений освоения крайнего Севера: к истории развития вахтового метода	102
Е.С. Алешкевич	
Implementation of Policy Decisions to Develop the Far North: History of the Long-distance Commute Work	109
E.S. Aleshkevich	
Множественные локальности и социальные пространства межрегиональных вахтовиков: Дом – Дорога – Вахта.....	116
Г. Эйльмштейнер-Саксингер	
Multiple Locality and Socially Constructed Spaces among Interregional <i>Vakhtoviki</i> : HOME – JOURNEY – ON DUTY.....	119
G. Eilmsteiner-Saxinger	
Сравнительный анализ вахтового метода работы в прошлом и настоящем в условиях Крайнего Севера.....	126
А.Ю. Рублюк, З.Э. Борлакова	
Comparative Analysis of Long-distance Commute Work in the Past and the Present under Conditions of the Far North.....	130
A.J. Rublyuk, Z.E. Borlakova	
Координирующая роль дизайна в формировании «Новой Субкультуры» вахтового метода жизнедеятельности. На примере нефтегазового комплекса Западно-Сибирского региона РФ	133
А.Н. Зелинский	
Coordinating Role of Design in Forming a “New Subculture” in Shift-Labor as Life-sustaining Activity	137
A.N. Zelinsky	
Нефтяники из семей оленеводов между нефтяным городом Когалым и оленеводческим стойбищем.....	138
С. Дудек	
Indigenous Oil Workers between the Oil Town of Kogalym and Reindeer Herder’s Camps in the Surrounding Area.....	141
S. Dudeck	
Уровень адаптации среди коренных поселковых и тундровых жителей Ямала.....	145
М.А. Романюк	
Adaptive Level in Native and Tundra Residents of Yamal.....	146
M.A. Romanyuk	
Адаптация органов дыхания к условиям Крайнего Севера.....	148
А.А. Лобанов, С.В. Андронов, Р.А. Кочкин, Е.В. Кабанова	

Adaptation of the Respiratory System to the Conditions in the Far North.....	149
A.A. Lobanov, S.V. Andronov, R.A. Kochkin, E.V. Kabanova	
Качество жизни в зависимости от удовлетворенности своей рабочей деятельностью на примере поселка Сеяха	150
Д.В. Долгов, С.И. Мамедова, А.И. Попов, В.А. Лобова	
Life Quality Dependence on Occupational Satisfaction: The example of Se-Yakha village.....	151
D.V. Dolgov, S.I. Mamedova, A.I. Popov	

II

Дети, молодежь и социализация человека в северном промышленном городе: Новый Уренгой – Children, Youth and Socialisation in a Northern Industrial City: Novy Urengoy

Повышение качества жизни населения – основная стратегическая задача органов местного самоуправления	154
И.И. Костогриз	
Improving the population's quality of life as a strategic aim of the local government in Novy Urengoy.....	158
I.I. Kostogriz	
Общественные формирования и социальное партнерство как ресурс городского самоуправления.....	163
В.И. Нуйкин	
Public Formations and Social Partnership as Resource for City Local Government.....	163
V.I. Nuykin	
Социализация молодежи и инновационная инфраструктура – важные элементы устойчивого развития города.....	166
Ю.М. Золотов	
Socialisation of Youth and Innovative Infrastructure as Key Elements for Sustainable Development	168
J.M. Zolotov	
Экология как фактор становления личности.....	169
Г.А. Дзида	
Ecology as a factor of personality development of the extreme North	172
G.A. Dzida	
Формирование адаптационной готовности молодежи в северном городе	173
Г.А. Дзида, Т.А. Вахрушева	
Formation of the Adaptable Readiness of Youth in a Northern City	174
T.A. Vakhrusheva, G.A. Dzida	
Особенности социально-культурного развития детей в экстремальных условиях проживания.....	175
М.А. Павлова	
Peculiarities of Social-cultural Development of Children in Novy Urengoy	178
M.A. Pavlova	
Социализация и воспитание детей в семьях вахтовиков.....	179
А.А. Кузнецова, Т.А. Вахрушева	

Socialisation and Family Education of Children in Vakhtoviki Families.....	182
A.A. Kuznetsova, T.A.Vakhrusheva	
Иновационные здоровьесберегающие методы в формировании адаптационной готовности дошкольников в севере.....	183
В.В. Нестерова	
Innovative Methods in Health Preservation Aiming at Successful Adaptation of Pre-school Children to Northern Conditions.....	186
V.V. Nesterova	
Сотрудничество семьи и дошкольного образовательного учреждения по воспитанию у детей активной жизненной позиции.....	187
З.Д. Ануфриева, Е.Ю. Кабаленова, Т.М. Трошкова	
Cooperation of a Family and Pre-School Educational Institution in Forming Active Vital Position of Children.....	189
Z. D. Anufrieva, T. M.Troshkova, E. JU. Kabalenova	
Профилактика метеотропных реакций, как фактор повышения качества образования.....	190
И.А. Гайдадина	
Prevention of Meteorotropic Reactions among Children Aged 3-7 as One of the Factors for Enhancing Education Quality.....	192
I.A. Gaidadina	
Эстетический пласт культуры личности как результат обучения и воспитания в филиале вуза.....	193
Е.В. Шаповалова	
The Aesthetic Layer of the Culture of a Person as a Result of Training and Education in a Branch of High School.....	193
E.V. Shapovalova	
Высшее профессиональное образование в новых городах Крайнего Севера.....	199
Г.Ф Куцев, Е.В. Фоминых	
Higher Professional Education in the new Towns of the Far North.....	199
G.F. Kutsev, E.V. Fominyh	
Национальный проект «Образование» и его реализация на Крайнем Севере.....	200
Д.Т. Бериашвили	
Design Work – The National Project “Education” and its realization in the Far North.....	202
D.T. Beruashvili	
Удовлетворения культурных потребностей молодежи на Ямале.....	206
Т.В. Дацко	
The Satisfaction of “Youth Cultural Desires” in Yamal.....	211
T.V. Dazko	
Список авторов.....	217
Authors.....	219

Введение: Северный индустриальный город как место проживания и исследования

Ф. Штаммлер, Г. Эйльмштейнер-Саксингер

Наличие индустриальных городов на Российском Севере – это результат одного из крупнейших в мире проектов развития: освоения северных областей Советского Союза. С начала XX века было ясно, что индустриальное будущее России напрямую связано с Севером, поскольку эти гигантские территории с огромной концентрацией различных природных ресурсов не только смогут сделать страну не зависящей от их импорта, но и превратят её в крупнейшего в мире экспортёра этих полезных ископаемых.

Многие из авторов этой книги знают из собственного опыта, что на реализацию этого крупнейшего проекта потребовались значительные усилия. Как разработчики проекта, так и исполнители столкнулись с наличием двух, параллельно существующих диспропорций между изобилием и недостатком: на Севере имелись огромные запасы природных ресурсов, но не хватало рабочей силы и отсутствовала инфраструктура. С другой стороны, в южных регионах Советского Союза была сосредоточена рабочая сила, но недоставало природных ресурсов. Такой дисбаланс – классическая ситуация, определяющая миграцию. Этот факт объясняет приток миллионов человек на Российский Север в виде нескольких волн переселения – от вынужденных переселенцев первой половины XX века до переехавших добровольно в конце XX века (Heleniak 2008, 2009).

Только за период 1955 – 1975 гг. на севере России и на Дальнем Востоке было построено почти 800 новых городов (Engel 2007:285); впечатляющая цифра, указывающая на размах гигантского проекта северного развития.

В XXI веке люди, участвовавшие в создании промышленности и строительстве городов, постепенно стали выходить на пенсию и возник вопрос о новом переселении населения – о переезде этих людей с севера обратно на юг. Советское государство переселило миллионы людей в рамках программы освоения Севера, поэтому после перестройки многие полагали, что теперь Российское государство должно нести ответственность за переселение пенсионеров назад в регионы с более умеренным климатом.

Именно эти процессы переселения, обусловленные политикой государства, исследуют некоторые авторы данной книги в рамках проекта «MOVE». Другими словами, государство вместе с ресурсодобывающими компаниями несло и продолжает нести ответственность за урегулирование дисбаланса между недостатком и обилием природных ресурсов и рабочей силы в тех или иных местах. Это несоответствие может быть преодолено различными путями: в результате строительства больших промышленных городов в местах обнаружения полезных ископаемых, как например, Новый Уренгой в Западной Сибири, в Ямало-Ненецком автономном округе, или путём создания большой мобильной бригады рабочих, постоянно переезжающей с места жительства к месту нахождения минеральных запасов и обратно (вахтовики), или в результате одновременного использования этих методов. Таким образом, северные промышленные города в большей степени, чем прочие города вовлечены в непрерывный процесс переселения, заселения, обустройства и потери жилья. Поэтому, для нас решающее значение имеет возможность, с одной стороны, понять роль государства в демографическом планировании рабочей силы и, с другой стороны, проанализировать ответные реакции людей на усилия государства, предпринимаемые для перемещения людей с места жительства к месту промышленной добычи природных ресурсов, а также, неформальные практики, появившиеся в процессе реализации государственных переселенческих программ.

Финский компонент проекта «MOVE» концентрирует своё внимание на северных индустриальных городах. Нас интересует зарождение и развитие таких городов, как Новый Уренгой,

возникший благодаря организованной государством комсомольской стройке и гигантской волне переселенцев с юга, которые, по словам многих из них, приехали на север на пару лет, а остались там на десятилетия (см. статью Штамлера в данном томе). История жизни таких людей, начавших работать в период освоения Севера и до сих пор здесь живущих, фактически является историей жизни индустриальных городов. Следовательно, как видно из некоторых статей данного тома, изучая воспоминания северян и их жизненные истории, мы можем много узнать об истории городов Севера.

Австрийский компонент проекта «MOVE» исследует социально-пространственные воздействия вахтового метода работы и пытается разобраться, как рабочим и их семьям удалось выдерживать постоянное чередование между пребыванием дома и отъездами, которые в большинстве случаев длятся более месяца.

Одни вахтовики описывают свою жизнь, как разделённую на «две половины», другие – как будто они «ведут двойную жизнь». Причина кроется не только в физическом разделении на «жизнь дома» и «жизнь на вахте». Рабочие также поставлены в различные условия окружающей жизни со своими правилами, обычаями, обязанностями и иерархией. Кажется, что дальние расстояния для многих вахтовиков из центральных областей России становятся «нормой». Понятие временного и географического расстояния вошло в их социальное и жизненное пространство, и Север перестал быть для них «неизвестной» территорией, каким он является для многих других граждан России (см. статью Эйлмштейнер-Саксингер в этом томе).

С научной точки зрения, такие места как Новый Уренгой с его населением являются идеальными для анализа процессов создания истории на «пустом месте», так как до 70-х годов прошлого века здесь не было ничего, кроме проходного пути оленеводов.

Одновременно с процессами создания истории мы можем также изучить процессы освоения территорий, поскольку переселенцы сделали ценной землю, которая для многих представлялась ничем иным, как болотом, полным комаров, или продуваемой ветрами снежной пустыней. Проходной путь не имел большого значения для приезжающих рабочих, поскольку места обретают значимость и ценность благодаря тому, что Ингольд (Ingold 2000:171) называл «человеком, действующий в окружающей среде» или, другими словами, через процессы деятельности и приобретаемый опыт, связанные с местом. Таким образом, приезжающие промышленные рабочие, очевидно, не могли понять значение, которое это место имело для оленеводов, а вместо этого видели в нём другую ценность, основанную на собственном опыте. Многие индустриальные города, построенные «человеком, действующий в окружающей среде», обретают новый ценностный уровень, который частично совпадает с тем значением данного места, которое оно имело ранее для коренного населения. Как указывает Дудек в своей статье к данному тому, наложение этих уровней друг на друга не всегда обходится без конфликтов, например, между нефтяниками и оленеводами. Напряжённость возникает в тех случаях, когда на одной и той же территории одновременно сосуществуют два различных способа зарабатывания средств к существованию, основывающихся на различных системах ценностей и представляющих различные отрасли экономики, которые, однако, время от времени оказываются взаимосвязанными.

С другой стороны, в таких местах как Новый Уренгой мы можем проанализировать, как у людей развивается привязанность к местности через различные процессы созидания: создание промышленности, строительство города и формирование сообщества. Рассматривая современное развитие в северных индустриальных городах, мы можем проанализировать, как различные программы по переселению и расселению людей влияют на жизни людей. Как видно из статей книги, это могут быть программы по переселению или организации жизни, труда и социализации в городе.

Несмотря на то, что Новый Уренгой и другие города начинали как вахтовые поселки, они преобразовались в постоянные города, полные жизни, население которых, благодаря своему труду, снабжает топливом не только свою страну, но и многие другие страны мира. В XXI веке

индустриальные города Западной Сибири позиционируют себя как постоянные базовые города для новых потоков временной рабочей силы, привлекающиеся на Север для открытия и освоения полезных ископаемых, будь это нефтегазовое месторождение на Ямале или минералы Полярного Урала. Эта замена вахтовых поселков постоянными базовыми городами для мобильной рабочей силы представляют собой проблему для города, материальная и социальная инфраструктуры которого должны быть приспособлены к новым реалиям.

Первые поселенцы рассказывали нам, что нередко возникали сомнения в том, нужны ли городу школа или детский сад, и «оправданием» в таких ситуациях могла быть только работа. Сейчас, спустя десятилетия город обязан одновременно думать об организации услуг для постоянного населения и временных работников из других регионов. Строительство домов для престарелых, предоставление жилья переселенцам, строительство дачных посёлков, организация социальных служб, расширение территорий кладбищ говорит о том, что в сознании людей город превращается в их постоянное место жительства. Однако, городу, как базовому поселению для людей, работающих на внутререгиональной вахте, и как перевалочной базе для тех, кто предпринимает дальние, межрегиональные переезды, связанные с трудовой деятельностью, нужен также целый ряд особых инфраструктурных объектов, таких как пригородные посёлки, расширенная сеть железных дорог, аэропорты, ежедневные пригородные перевозки, досуговые заведения, организация психологического обслуживания рабочих и их семей, с учётом особенностей вахтового труда.

Корректировки, создание новых инфраструктурных объектов и служб в северных индустриальных городах производится в соответствии с планами администрации и промышленных предприятий. Однако такие изменения могут не совпадать с нуждами постоянного населения и временных жителей, если они не учитывают образ жизни людей. По этой причине изучение жизненного опыта, как постоянных жителей северных индустриальных городов, так и вахтовиков, представляет не только академический интерес, но имеет и практическое значение.

С точки зрения людей, занимающихся практической деятельностью, такие места как Новый Уренгой представляют собой определённый этап в истории человеческой жизни, фундамент, на котором многие из них построили свою жизнь. Как исследователи, мы убеждены в потенциале северных индустриальных городов как мест изучения общих процессов социального развития человека. Мы также уверены, что научное исследование должно вестись в условиях жизни местного сообщества, таким образом, мы можем больше узнать о взаимосвязи всех процессов, происходящих в северном индустриальном городе.

Это является причиной того, почему данный том, а также конференция, на основе которой он был составлен, озаглавлены *«Биография, вахтовый труд и социализация человека»*. В моноиндустриальных городах, в большей степени, чем в других местах, жизнь связана с работой и обе эти сферы оказывают сильное влияние на социализацию. Немногие могут усомниться в том, что люди в северных индустриальных городах находятся главным образом из-за работы, поэтому жизнь, организованная вокруг работы также является основным принципом социализации в таких городах.

Именно благодаря тесному взаимопроникновению жизни, труда и социализации населения мы можем рассматривать северный индустриальный город с точки зрения концепции «тотального социального феномена», введенного в антропологическую теорию Марселем Моссом и описанный им в своём революционном сочинении о даре (Марсель Мосс, 1923). Марсель Мосс утверждает, что очевидный признак подарка – это объект, поменявший своего владельца, однако, важным моментом является то, что он также имеет экономический, религиозный, эстетический, морфологический и прочие аспекты. Авторы утверждают, что эти аспекты составляют лишь вершину пресловутого айсберга, в то время как все остальные роли, которые он играет, делают его тотальным социальным феноменом. Мы признаём применимость этой идеи в отношении северного индустриального города, прямое назначение которого, а именно, арена для добычи полезных ископаемых, является только

вершиной айсберга. То, что делает его тотальным социальным феноменом это его многофункциональность, появившаяся, чтобы реализовать все аспекты жизни, работы и социализации человека, включая освоение местности, создание общества, переселение и заселение.

Одна из отличительных черт северного индустриального города, как тотального социального феномена – наличие ключевого природного ресурса – неизменного условия, оправдывающего его существование. Это природное богатство требует наличия определённой промышленности, будь то газ, нефть, алмазы или другие полезные ископаемые. Таким образом, эти города называются «моно-индустриальными» и во всех них есть главное промышленное предприятие (градообразующее), которое является причиной, благодаря которой город существует, и которое контролирует все аспекты жизни в нём. Это чётко видно на примере Нового Уренгоя и значения, которое имеет для него Газпром. Придерживаясь терминологии социальной науки, можно сказать, что если город является тотальным социальным феноменом, то Газпром – это тотальная социальная система. Этим термином американский социолог Талкот Парсонс (1951) охарактеризовал общество, как состоящее из социальной структуры, культуры и индивидуальности. На примере Газпрома можно хорошо увидеть, как тотальная социальная система помогла построить индустриальный город – тотальный социальный феномен. Основное назначение Газпрома – добыча газа, однако, как и другие градообразующие предприятия, он через свои бесчисленные подсистемы охватил также все другие аспекты социальной жизни, что идёт намного дальше прямой необходимости в организации добычи природных ресурсов. Строительные службы Газпрома, трубопровод Газпрома, транспортные службы Газпрома, авиакомпания Газпрома, телефонная сеть Газпрома, банк Газпрома и центр медицинского обслуживания Газпрома непосредственно связаны с промышленностью, в то время как рабочие посёлки Газпрома, жилой фонд Газпрома, магазины Газпрома, детсад Газпрома, спортивный клуб Газпрома, Дом Культуры Газпрома, телеканал Газпрома, музей Газпрома, фабрика по производству мясных изделий и кондитерская фабрика, принадлежащие Газпрому предназначены для удовлетворения всех возможных социальных и культурных потребностей, которые могли бы возникнуть у работников Газпрома и членов их семей.

Распад Советского Союза привёл к разрушению многих таких «тотальных социальных систем» в промышленных предприятиях моно-индустриальных городов, особенно в старых отраслях промышленности, находящихся в кризисе, таких как уголь Воркуты и железная руда Мурманской области. Этот факт имел негативные последствия для населения, чей уровень жизни понизился, и часть которого покинула Север. Если проводить сравнение с подобными случаями, в Новом Уренгое большая часть характерных черт, присущих совершенной социальной системе, осталась нетронутой. Вот почему мы для нашего исследования ищем город, как тотальный социальный феномен, в том смысле, который имел в виду Мосс, где непосредственное назначение города, как базы для добычи полезных ископаемых, является вершиной общеизвестного айсберга, поддерживаемой и подкрепляемой огромным разнообразием жизненного опыта и биографий сотен тысяч людей.

Структура данной книги

Все вышеизложенное – это и есть та «вершина айсберга», которую мы попытались покорить, когда организовывали конференцию и готовили к печати эту книгу. Этот проект оказался оригинальным, по крайней мере, с трёх точек зрения:

- в социальной антропологии, дисциплине, к которой мы имеем отношение, едва ли найдётся какой-либо серьёзный труд, охватывающий под одним теоретическим зонтиком «антропологии движения и заселения» изучение переселения, и различные методы организации труда (как вахтовый метод или постоянное переселение в места добычи полезных ископаемых)
- это попытка вдохнуть жизнь в наши намерения передать результаты исследований тем людям, которые страстно и не жалея собственного времени были повествователями истории своего общества, без которых никакое исследование не было бы

возможным, и поместить эти результаты в плодородную почву местного научного сообщества через сотрудничество с двумя научными центрами: филиалом Тюменского Государственного университета (ТГУ) в Новом Уренгое и Уральским филиалом Научно-исследовательского института Российской Академии Образования в Новом Уренгое

- с помощью этой книги мы рискнули преодолеть границу между наукой и практикой, включив в нее главы, написанные как учёными, так и практиками различных уровней, например, представителями местных властей, бизнеса и благотворительных организаций

Большая часть тридцати статей этого тома написана на основе докладов, сделанных на международной конференции под тем же названием, организованной в Западной Сибири, Новом Уренгое, 4 – 6 декабря 2008 года. В течение двух дней формальных заседаний участниками конференции было представлено в общем 35 докладов. Организаторы остались очень довольны, что конференция вызвала одинаковый интерес к предмету обсуждения у учёных и практиков, молодых студентов и вышедших на пенсию специалистов.

Мы, научные редакторы верим, что этот широкий подход охватывает лучшие аспекты северного индустриального города, как тотального социального феномена, а именно, жизнь, труд и социализацию.

Эта книга не ставит своей целью дать всесторонний обзор современного состояния научных исследований в сфере переселения и заселения северного индустриального города. Её цель – полнее проиллюстрировать жизнь, труд и процесс социализации через свою собственную деятельность, используя различные точки зрения авторов книги, имеющих отношение к этой теме: будь то профессор университета, доктор философии, исследователь, студент, бизнесмен, мэр города, промышленный аналитик, доктор психологии, работник музея, воспитатель детского сада, учитель или сотрудник благотворительного общества. Так же, как и конференция, которая, по сути, была «научно-практической», книга отражает то же направление. Следовательно, читателю не следует ожидать одинакового научного подхода во всех статьях. Как редакторы, мы решили не подгонять всё под один уровень, поскольку многие статьи представляют собой отчёты и опыты, записанные специалистами-практиками, и поэтому удерживаемся от научного экспертного обзора с тем, чтобы сохранить индивидуальные особенности.

Книгу можно поделить на два больших раздела, которые соответствуют теме конференции: первая серия статей посвящена «*Биография, вахтовый труд*». Людмила Липатова знакомит со своей, продолжающейся несколько десятилетий, авторской работой, описывающей воспоминания первых переселенцев в Северо-Западную Сибирь. Кейт Стори рассказывает о своём исследовании, посвящённом дальним поездкам, социально-экологическим и социально-экономическим проблемам в современной горной промышленности и углеводородной индустрии в Австралии и Канаде. Поразительно, что мы видим множество сходных моментов и узнаём, что российский случай не является чем-то особенным, даже если и встречаются различия, являющиеся результатом советского планирования. Таким образом, первый раздел рассказывает об особенностях российского Севера. Безусловно, острую тему представляет собой вопрос о переселении в южные регионы России пожилой части населения после их выхода на пенсию. Различные программы разработаны с целью решения этого насущного вопроса. Елена Нуйкина обсуждает современные проблемы по реализации таких проектов, приносящих различные результаты, в зависимости от того, какими учреждениями и на каком административном уровне они разрабатываются и реализуются.

Боровикова, Кривошеков и Дёмин раскрывают проблемы и потенциальные возможности, связанные с приёмом на работу молодых специалистов, обеспечением их профессиональной подготовки и обучением в области углеводородной промышленности. Ямало-Ненецкий Автономный Округ является особым регионом благодаря значению, которое вахтовый метод и дальние переезды

имеют для организации труда. Первый раздел книги сконцентрирован именно на этом специфическом аспекте жизни и труда в северном промышленном городе. Телегин затрагивает вопрос, касающийся использования вахтового труда, в то время как Мартынов раскрывает правовые аспекты этой проблемы. Рублюк и Алешкевич рассказывают об истории вахтового метода работы. Алешкевич обсуждает порядок принятия решений, прошлые и нынешние политические споры «за» и «против» вахтового метода работы. Также, обсуждается вопрос, поддерживать ли дальнейшего строительства постоянных городов или сделать упор на создании больших вахтовых посёлков, таких как Ямбург на Тазовском полуострове в Западной Сибири. Алешкевич прослеживает историю северного развития, начиная с последних лет существования Советского Союза до последних дискуссий относительно современных разработок месторождений минерального сырья на северном Урале.

Гигантский проект развития, названный «Урал промышленный – Урал полярный», также находится в центре научного исследования, проводимого Жуковской. Так как новые проекты по строительству больших городов и созданию инфраструктуры находятся еще в стадии разработки, она предлагает включить в процесс планирования тему эстетики. Особое внимание следует обратить на социальный аспект, связанный с расселением 150000 человек в таких новых городах, построенных «в чистом поле». Какая форма идентичности появится сегодня, если сравнивать с городами, построенными 20 – 40 лет назад? «Модель повседневной жизни», а именно, городская архитектура, современные транспортные средства и т.п., могли бы стать инструментом создания и управления коллективной идентичностью, утверждает автор.

В статье Зелинского, осуществляющего разработки в сфере дизайна, так же подчеркивается важность искусства и эстетики. Он обсуждает роль дизайна в строительстве и оборудовании мобильного жилья для вахтовиков. Для автора дизайн тесно связан с качеством жизни в течение вахты. Когда дизайн составляет единое целое с социальной организацией и способами эксплуатации промышленного оборудования, это может поддерживать душевное спокойствие и служить мотивацией к работе.

Физическая адаптация к условиям Севера затрагивает широкий спектр аспектов человеческого здоровья, например, таких как психология или дыхательная система. Эти вопросы обсуждались учёными-медиками из Надыма, второго по величине «газового города» Ямало-Ненецкого автономного Округа (см. Лобанов и др., Низамова и др., Попова и др., Соловьёв и др.). Романюк сравнивает уровень адаптации к северным климатическим условиям у коренного населения и жителями, работающими в промышленном производстве. Не только жизнь в городе является предметом обсуждения, как показывает доклад Долгова, посвящённый качеству жизни в посёлке Сеяха на полуострове Ямал. Другой подход проблеме «город-село» представлен Дудеком, который говорит о взаимосвязи между нефтедобывающей промышленностью и коренным населением. Он рассказывает о своих первых полевых работах в стойбище оленеводов, расположенном рядом с нефтяным месторождением в Когалыме, где некоторые ханты работали в различных областях деятельности.

Вторая серия статей о «*Детях, Молодёжи и Социализации в Северном Индустриальном Городе: Новый Уренгой*». Как уже упоминалось в первых статьях, молодое поколение – это важнейший потенциал, который обеспечит жизнеспособность, экономическое и социальное развитие северных городов в будущем. Очевидно, что опыт и значение места во многом различны у первых переселенцев, которые планируют уехать с Севера после выхода на пенсию, и поколения, которое родилось или родится на Севере. Значение «готовности» к адаптации среди молодых людей показано Вахрушевой, которая представляет большой исследовательский проект «Развитие образования в условиях Крайнего Севера», реализованный Уральским филиалом Научно-исследовательского института Российской академии образования, базирующимся в Новом Уренгое. Здесь, так же как и в первой серии статей, мы можем увидеть, что проблемы психологии и климата играют важную роль в исследовании и практических инновациях, касающихся адаптации детей и молодёжи.

Научный работник в области медицины Несторова представляет методологии по охране здоровья, ориентированные на детей дошкольного возраста, находящихся в северных климатических условиях. Метеотропные реакции – воздействия погоды и климата на естественную среду, также включающую в себя человека, показаны Гайдадиной, которая инновативно связывает их с уровнем качества образования. Образование является основной темой в обществе. Беруашвили знакомит с национальным проектом «Образование», который реализуется по всей России. Она обсуждает статус реализации проекта на Крайнем Севере. Привязанность к географическому району – как мы можем отметить в первой части – также формируется под воздействием эстетических и культурных факторов. В Новом Уренгое, большое количество молодёжных клубов и художественных училищ предоставляют помещения для творческой самореализации детей и подростков. Дазько размышляет над культурными потребностями данной возрастной группы и степенью их удовлетворения в Ямало-Ненецком Автономном округе. Творчество оказывает сильное влияние на уровень персонального развития и уровень «персональной культуры», а также позитивно влияет на индивидуальные усилия в образовании и мотивирует к приобретению знаний. Это отмечает Шаповалова в её обсуждении вопросов связанных со средними школами на Севере.

Как показывает Павлова, успешная реализация амбициозных идей в области социокультурного развития детей тесно связана с возможностями и условиями, предоставленными педагогическим работникам, т.е. учителям, инструкторам и педагогам. Статья Кузнецовой о воспитании детей в необычных условиях северных городов выделяет неинституциональную сторону образования. Кузнецова является главой Центра социально-психологической помощи в г. Новый Уренгой, выдающегося учреждения, сочетающего исследования в области психологии с конкретной помощью нуждающимся женщинам, мужчинам, детям и семьям. Помимо консультативной работы, учреждение занимается многочисленными проектами, направленными на помощь молодым родителям, в особенности на улучшение совмещения обязательств частной жизни и специфических условий работы на Севере, одним из которых является большое расстояние между домом и рабочим местом. Трошкова, Ануфриева и Кабаленова являются сотрудниками Центра развития ребёнка детского сада «Ёлочка» в Новом Уренгое. Их статья посвящена важности раннего упреждения детей для достижения активной жизненной позиции.

Вторая часть данной книги освещает научную и практическую деятельность, происходящую на местном уровне в Новом Уренгое, направленную на устойчивое развитие и улучшение городской жизни. Эти цели также отражены в статье Золотова, главы некоммерческой организации «Фонд развития муниципального образования город Новый Уренгой», который подчёркивает важность инновационной инфраструктуры, предоставляющей молодёжи возможности для создания стабильного города. Заместитель главы Нового Уренгоя Нуйкин дополняет вторую часть сборника мыслями о роли гражданского общества и социального партнёрства в принятии политических решений, являющегося бесценным с точки зрения участия широких слоёв населения в развитии города. Глава города Иван Костогриз открывает вторую главу книги с обзором основных задач современного городского развития Нового Уренгоя.

Немного научной истории, или «почему Новый Уренгой?»

В сфере иностранного научного исследования процессов миграции и заселения Севера России присутствует множество подходов. Поэтому, выбор Нового Уренгоя в качестве предмета исследования требует объяснения. Также как большое количество людей по разным причинам оказалось на Севере и начало его осваивать, наш выбор является, с одной стороны, следствием стечения обстоятельств и сознательного решения, с другой стороны, и было бы нечестным скрыть тот факт, что наша собственная жизнь и работа имели влияние на данный выбор. У одного из авторов (Штаммлер) есть десятилетний опыт научного исследования в Ямало-Ненецком автономном округе в сфере особенностей мобильности оленеводов-кочевников в Ямальской тундре (Штаммлер 2005). Посещение индустриальных городов в сопровождении оленеводов-кочевников было памятным

событием, которое разбудило дальнейший интерес к образу жизни некоренного большинства населения данного региона. Настало время сменить акценты в исследовании с тундры на город.

Для специалиста в области исследования мобильности и месторасположения, выбор следующей темы «Процессы миграции и заселения в северном промышленном городе» был очевиден: для лучшего понимания первопричин этих процессов необходимо использовать сравнительную аргументацию, поэтому было выбрано два города ЯНАО и два города Мурманской области, которые стали местами для исследования в проекте MOVE-INNOCOM, в рамках которого и проводилось данное исследование. Новый Уренгой, как самое важное место добычи природного газа и типичный пример моно-индустриального города, явился лучшим кандидатом для изучения в рамках проекта.

Начало деятельности на новом поле исследования – всегда волнующий момент для специалиста общественных наук, но в этот раз процесс не был сопряжён с непреодолимыми трудностями, не в последнюю очередь благодаря продолжительному сотрудничеству с Ямало-ненецким окружным музейно-выставочным комплексом имени И.С. Шемановского и старшим сотрудником Людмилой Липатовой, которая в свою очередь обладает опытом работы с директором музея Нового Уренгоя Татьяной И. Марченко. Исследование началось с истории перемещений и мемуаров первых переселенцев, построивших город.

В конце своего первого длительного пребывания в Новом Уренгое, Штаммлер узнал от австрийского коллеги об интересном диссертационном проекте также связанным с промышленными городами, но сосредоточенным на вахтовом методе работы. Штаммлер связался с Эйльмштейнер-Саксингер, которая в то время испытывала трудности в Ханты-Мансийском автономном округе в связи с тем, что, хотя использование вахтового метода работы широко практикуется в данном регионе, местные власти не выносят эту тему на широкое обсуждение.

Стратегия развития округа направлена на увеличение количества постояннопроживающих и на уменьшение количества временной рабочей силы. Данный политический курс направлен на решение социальных проблем, связанных с вахтовым методом работы и незаконным использованием рабочей силы. С другой стороны, Эйльмштейнер-Саксингер на пути в малые и большие нефтепромышленные города Ханты-Мансийского автономного округа, могла отметить, что поселенцы обладают воспоминаниями и привязанностью к месту, сравнимыми с теми, что были исследованы Штаммлером в Ямало-Ненецком автономном округе (см. это издание). Сравнение данных двух округов может быть интересным, так как обстоятельства развития являются в некоторой степени отличными друг от друга. Прибытие людей в Ханты-Мансийский автономный округ состоялось немного раньше, с начала 1960-гг было построено количество городов значительно больше, чем на Ямале, при этом количество жителей в регионе три раза больше чем в ЯНАО. Региональное развитие данных округов отличается по разным сценариям, хотя прошлое в воспоминаниях жителей имеет сходства.

После совместных обсуждений Эйльмштейнер-Саксингер перенесла своё поле для исследования в Новый Уренгой – очаровательный, энергичный город, идеальное место для исследования вахтового метода работы. Затем она стала ассоциированным членом проекта MOVE-INNOCOM, получила разрешение на исследования и тоже приехала в Новый Уренгой. Здесь мы встретились, сначала по отдельности, с коллегами из филиала ТГУ и были очень рады их интересу к данной теме. Полгода спустя, в результате второго визита Эйльмштейнер-Саксингер начала сотрудничество между ТГУ и Департаментом Географии Университета Вены, Австрия. Впоследствии родилась мысль об организации совместной конференции в рамках трёхстороннего сотрудничества – ТГУ, проекта Эйльмштейнер-Саксингер и проекта Штаммлера MOVE-INNOCOM. Для всех сторон, опыт сотрудничества в организации конференции и публикаций, должен был включить в себя соединение двух академических традиций, а также межкультурный диалог, который вышеупомянутые коллеги запомнят на много лет вперёд.

Мы хотим выразить благодарность нашим многочисленным партнёрам, друзьям и информантам в Новом Уренгое, за их продолжающуюся не первый год поддержку и терпение в реализации нашего исследования. Мы горды тем, что можем предоставить нашу работу в данном издании. Надеемся, что эта книга увеличит интерес к жизни и труду в северных промышленных городах, и внесёт вклад в дальнейший обмен научной и научно-практической работой на циркумполярном Севере.

Литература

Engel, Barbara. 2007. Public space in the 'blue cities' of Russia. pp 285-300 in: Stanilov, Kirill (ed). *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. The Geojournal Library, vol 92. Amsterdam: Springer Netherlands.

George, Susan & Fabrizio Sabelli. 1994. *Faith and Credit: The World Bank's Secular Empire*. Westview Press.

Heleniak, Timothy. 2008. Changing Settlement Patterns across the Russian North at the Turn of the Millennium. In: *Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, industries and populations from Murmansk to Magadan* ed. by Tykkyläinen and Rautio. Helsinki: University of Finland Press.

Heleniak, Timothy. 2009. Growth Poles and Ghost Towns in the Russian Far North. In: *Russia and the North* ed. by Wilson Rowe. University of Ottawa Press.

Ingold, Tim. 2000. *The perception of the environment: essays in livelihood, dwelling and skill*. London, New York: Routledge.

Mauss, Marcel. 1924 [1967]. *THE GIFT: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. Translated by Ian Cunnison. French original in *l'Année Sociologique*, seconde série, 1923-1924, vol 1.

Morozov, Yuri (ed). 2000. *Yamal: At the Edge of Milleniums*. Salekhard & St. Petersburg: Artvid & Russian Collection.

Parsons, Talcott. 1951. *The Social System*. New York: Free Press.

Stammler, Florian. 2005. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land. Vol. 6. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Münster: Lit publishers.

Introduction: The Northern Industrial City as a Place of Life and of Research

F. Stammler, G. Eilmsteiner-Saxinger

The presence of industrial cities in the Russian North is the result of one of the world's largest development projects: the opening up (*osvoenie*) of the North in the Soviet Union. From the early 20th century on it was clear that the industrial future of Russia would be in the North, as the region contained a tremendous concentration of sub-surface resources which would make the country not only independent of imports, but also the world's top exporter of such resources.

Many of the authors of this volume know by experience that considerable effort was involved in implementing this large development project. The planners, as well as the practitioners, were simultaneously confronted with abundance and shortages: the North offered huge resource abundance but lack of manpower and infrastructure. On the other hand, more southern regions in the Soviet Union had abundance of manpower but a lack of resources. This imbalance created the need for migration. This explains the influx of

millions of people into the Russian North in various waves of resettlement, starting with forced in the first half of the 20th century to voluntary migration at the end (Heleniak 1998, 2008). From 1955 – 1975 alone, almost 800 new towns were constructed in the Russian North and Far East (Engel 2007:285) – an impressive number that demonstrates the dimensions of this enormous development project.

In the 21st century those who had constructed the industry and cities gradually began to retire and the question of another population movement arises – the move of these people from the North back to the south. It had been the Soviet state which relocated millions of people in the framework of the opening up of the North. After *perestroika* many thought it would be the responsibility of the Russian state for bringing the pensioners back to more temperate regions.

It is these processes of resettlement 'induced' (*vyzvano*) by the state that several authors of this volume are studying in the framework of an IPY (International Polar Year) project called 'MOVE'. In other words, it was and still continues to be the state, in cooperation with state-controlled companies, which feel responsibility for adjusting the imbalance between lack and abundance of resources and people in different places. This imbalance can be compensated for in different ways – resulting either in the construction of large settlements for workers at the location of the resource, such as Novy Urengoy in the Yamal-Nenets Autonomous District in Western Siberia, or a large mobile work force (*vakhtoviki*) that constantly moves back and forth between the location of the resource and of their residence, or both of these measures simultaneously. More than other cities, Northern industrial cities are involved in perpetual processes of movement and settlement, of place-making, place-reinterpreting and place-losing. Therefore, it is of crucial importance for us to understand the role of the state in the demographic planning of its work force on the one hand and on the other hand to analyse human responses to and creative interpretations of state efforts to move people between places of residence and places of industrial resource extraction.

The Finnish part of this 'MOVE' project focuses on Northern industrial cities. We are interested in the origins and development of places such as Novy Urengoy, where huge waves of people were 'induced' by the state through *komsomol* construction to resettle from the south. Many came to the North 'for a couple of years', but stayed for decades (Stammler in this volume). Life histories of such people who started to work there during the period of the opening (*osvoenie*) are still there, and are in fact the life history of industrial cities altogether. Therefore we can learn so much about the history of cities in the North through the memories and lived experience of these early settlers as several contributions in this volume show.

The Austrian part, which is affiliated with the Finnish MOVE project, studies social-spatial impacts of long-distance commute work (*vakhtovyy metod*) and tries to unravel how workers and their families cope with alternating presence at and absence from home – in many cases more than a full month. Some *Vakhtoviki* (long-distance commuting workers) describe their lives as split into 'two halves' and others as 'leading double(d) lives'. The reason for that is not only the physical separation of a life at home and a life on duty. Workers are also drawn into different social settings with their own rules, customs, obligations, and hierarchies. It seems that distance becomes 'normal' for many *Vakhtoviki* from central parts of Russia. They have incorporated temporal and geographical distance into their lived social space and the North appears to be no longer 'unknown' territory – as is the case for so many other Russian citizens (Eilmsteiner-Saxinger in this volume).

From a scientific point of view, settings such as Novy Urengoy and its population are ideal for analysing the processes of history-making 'out of the blue' because before the 1970s, this place was just a transit route (*prokhodnoi put*) for reindeer herders.

Simultaneously with history-making, we can also analyse processes of place-making, because resettled people 'added value' to an area that seemed for many like nothing but a bog full of mosquitoes or a windy snowy desert. The value as a transit route was not relevant for incoming workers, because places acquire meaning and value due to what has called the 'human agent-in-the-environment' (Ingold 2000:171), or in other words, through processes of practice and lived experience on the land. Incoming industrial

workers therefore obviously could not see the sort of value of the place for reindeer herders, and instead added different value based on their own practices. Many industrial cities built as an environment 'human agents-in-the-environment' represents a new layer of value that overlaps with the previous value of the place for the indigenous population. As Dudeck shows in his contribution to this volume, the overlapping of these layers is not always free of conflicts, for example between oil workers and reindeer herders. Tensions occur in cases where places simultaneously host two different livelihoods basing on their different values, representing different branches of the economy, which are, however, at times interrelated – e.g. indigenous people as oil-workers.

Third, in settings such as Novy Urengoy we can analyse how humans develop attachment to places through various processes of creation: the creation of an industry, the creation of a city, and the creation of a society which most people think is very positively special for its solidarity. Looking at contemporary developments in Northern industrial cities, we can again analyse how various programmes for movement and settlement of people translate into lived experiences, as several contributions in this volume show, be it for relocation programmes, or for the organisation of life, labour and socialisation in the city.

While in the early days, Novy Urengoy and other cities started as camps for a temporary work force, they later developed into vibrant permanent cities whose population fuelled the country and its export capacity with their work. In the 21st century the Western Siberian industrial cities position themselves again as permanent base cities for a temporary work force that is attempting to discover and develop yet a new series of sub-surface resource deposits, be it the oil and gas of Yamal or the minerals of the Polar Urals mountains. This change from temporary workers camps to permanent base towns for a mobile work force is an enormous challenge for the city, whose physical and social infrastructure has to be adjusted to new realities.

Early-comers have told us that in some cases there were even doubts as to whether schools or kindergartens are needed in a city where the only justification for its existence was labour. Now decades later the city has to think about services for the permanent population and the transitory work force simultaneously: construction of old people's homes, housing for immigrants, *dacha*-settlements (horticulture plots), and social services. Extensions of cemeteries tell the story of cities becoming permanent in people's minds. But the city as base town for intra-regional commuters and as transitory base (*perevalochnaia basa*) for inter-regional long-distance commuters needs also a particular set of infrastructure such as dormitories, extended railways, airports, daily shuttle transportation, amusement facilities, psychological services for workers and families coping with the peculiarities of shift-labour.

Adjustments, new infrastructure, and services in the northern industrial city are usually made according to the ideas of the authorities and industrial companies. But such adjustments may mismatch the needs of the permanent and mobile population if they do not come out of the people's practices in the place. For this reason the study of lived experiences, both of city-dwellers and of long-distance commuters, the *Vakhtoviki*, in northern industrial cities is not only interesting academically but also has practical implications.

From a practitioner's point of view, a place such as Novy Urengoy is the stage for people's life history, a stage that many of them have contributed to building. As scientists we are not only convinced of the potential of northern industrial cities as a place for studying general processes of human social development. We are also convinced that scientific research has to be embedded into local life, because as scientists we can learn a lot from the interconnectedness of everything that happens in the Northern industrial city. This is the reason why this volume and the conference from which it developed had the title 'Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern Industrial City'. In mono-industrial cities, more than in most other places life is connected with labour and both of these spheres heavily influence socialisation. Few would doubt that in Northern industrial cities people are there for work mostly, and a life organised around work is also a basic principle of socialisation in such cities.

Because of the embeddedness of life, labour and socialisation for the population, we can also conceptualise the Northern industrial city as a 'total social phenomenon' – inspired by Marcel Mauss (1923), who coined this term in his groundbreaking anthropological work on the gift. The obvious side of the gift is that of an object that changes owners, but what makes it relevant is that it carries also economic, religious, aesthetic, morphological and other dimensions. We acknowledge the usefulness of this idea for the northern industrial city, in which the immediate function as arena for resource extraction labour is also only the tip of the iceberg. What makes it a total social phenomenon is its multifunctionality that has come to encompass all aspects of human life, labour and socialisation including place-making, community-making, movement and settlement.

One distinct feature of the northern industrial city as a total social phenomenon is its very uniform justification for existence through the presence of one single crucial resource. This single resource requires one single industry, be it gas, oil, coal, diamonds, or other minerals. Therefore these cities are called 'monoindustrial', and all of them have one main industrial enterprise (*gradoobrazuiushii*) which is the reason for the town's existence and dominates all aspects of life there. This can be seen clearly in Novy Urengoy with the role of Gazprom. If the city is a total social phenomenon, then Gazprom is the total social system. With this term, the American sociologist Talcott Parsons (1951) described society as consisting of social structure, culture and personality. With Gazprom we can see well how a total social system has helped to create the industrial city as a total social phenomenon: Gazprom's principle function is extracting gas, but like any city-establishing enterprise it also encompassed in its countless subsystems all other aspects of social life that go far beyond the immediate need to organising efficient resource extraction. Gazprom construction, Gazprom pipelines, Gazprom transport services, Gazprom air company, Gazprom telephone network, Gazprom bank, and Gazprom medical services are directly connected to the industry, while Gazprom dormitories, Gazprom shops, Gazprom kindergarten, Gazprom sports club, Gazprom house of culture, Gazprom TV, Gazprom museum, Gazprom salami-factory, and Gazprom confectionery were designed to cover the totality of all possible social and cultural needs that member of a Gazprom worker's household could possibly have.

The end of the Soviet Union has led to the dismantling of many such 'total social systems' in industrial enterprises of monoindustrial cities, especially in the older industries in crisis, such as the coal of Vorkuta and the iron ore of Nickel in the Murmansk Oblast. This has had negative consequences for the population, whose living standard has fallen and many of whom have left the North. Compared to such cases, in Novy Urengoy most of the features of the total social system are still intact. This is why in our research we find the city an integrated total social phenomenon in the Maussian sense, where the immediate function of the city as resource-extraction base is the proverbial tip of the iceberg, supported and carried by a huge variety of lived experiences and biographies of hundreds of thousands of people.

Organisation of this volume

It is this 'tip of the iceberg' phenomenon that we tried to capture when organising the conference and editing this volume. This undertaking turned out to be novel in at least three aspects:

- in Social Anthropology, which is the discipline where we come from, there is hardly any serious work that embraces diverse ways of labour organisation such as shift-labour and permanent relocation to resource extraction regions under one theoretical umbrella of an anthropology of movement and settlement
- this is the attempt to breathe life into our conviction as foreign academic researchers to bring back our findings to our field site, to those people who devoted passion and time to be the narrators of their society without whom we could not do any research and, to fruitfully place it in the local academic community through cooperation with two local academic institutions, the Novy Urengoy Branch of the Tyumen' State University (TGU) and Scientific Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Education based at TGU in Novy Urengoy

- with this book we dare to cross the boundary between science and practice by having chapters from scientists as well as practitioners for example from the local authorities, business, and welfare institutions

The majority of the more than 30 contributions to this volume came out of presentations at the international conference with the same name which the editors of this volume organised in Novy Urengoy, north-western Siberia, from December 4-6, 2008. During the two days of formal sessions, a total of 35 papers were presented to an audience of around 100 people. The organisers are very pleased that the conference generated interest in the topic among academics and practitioners, among young students and retired specialists alike.

We, the editors believe that this broad approach captures best the aspects of the Northern industrial city as a total social phenomenon, namely encompassing life, labour and socialisation.

Correspondingly, this volume does not aim for a comprehensive overview of the scientific state of the art in research on movement and settlement in the Northern industrial city. The aim is rather to illustrate life, labour and socialisation through the multiple perspectives of authors who all concerned with this topic through their own work, be it as university professor, researcher, PhD student, business man, mayor, industry-analyst, medical-psychology doctor, museum-worker, kindergartener, teacher, or social welfare officer. Just as the conference was explicitly 'scientific-practical', this volume mirrors the same orientation. Therefore the reader cannot expect the same scientific standard in all the contributions. As editors we decided to not unify standards since many of the contributions are reports and experiences narrated from practitioners and therefore refraining from scientific peer-reviewing in order to retain the unique characteristics of each contribution.

The volume as well is divided in two large sections that correspond to the topic of the conference: The first set of contributions is *Biography and Shift-labour Organisation*. Lipatova gives insights into her already many decades lasting of work as the author of numerous books about memories of first-comers to north-western Siberia. Keith Storey contributes insights from his research on long-distance commuting and social-ecologic and social economic issues in the contemporary mining and hydrocarbon industries in Australia and Canada. Strikingly, we see many similarities and learn that the Russian case is not unique – even with the differences from the legacy of Soviet planning. Therefore, the first section shows these peculiarities of the Russian North. A currently critical topic is the question of relocation of the older population after retirement to southern parts of Russia. Programmes have been underway to cope with this group. Nuykina discusses contemporary problems of the implementation of such projects which are again of different viewpoint, depending from which institution or administrative level they are planned and financed.

Borovikova, Krivoshekov and Djomnin show challenges and potentials connected with recruiting young specialists and providing professional qualification and vocational training for the hydrocarbon industry. The Yamal-Nenets Autonomous District is unique for the importance that shift-labour and long-distance-commuting has for the organisation of labour, with fundamental implications for social organisation in the region. Therefore, this first section focuses on this particular aspect. Telegy provides an overview of the use of shift-labour, whereas Martynov shows its legal aspects. Rublyuk and Aleshkevich unravel the history of long-distance commute work. The latter discusses decision making, the previous and contemporary political disputes over the pros and cons of shift-labour, and the assessment whether to be in favour of building further permanent towns or to put emphasis on the establishment of large shift-camps (*vakhtovye poselki*) such as Yamburg on the West Siberian Taz Peninsula. She looks on the history from the late Soviet Union to recent discussions on the contemporary development of the mineral deposits in the northern Urals.

A huge development project called *Industrial Urals – Polar Urals (Ural promyshlennyi – Ural polyarnyi)* is the focus of research of art theoretician Zhukovskaja. Since large new towns and infrastructural projects are in the stage of planning, she suggests including the topic of aesthetics into this planning

processes. Particular attention should be paid to the social implications of relocating 150,000 people to such new greenfield towns. What shape of identity will arise today, compared to those witnessed among the towns built forty to twenty years ago? 'Design of everyday life', such as urban architecture as well as modern transport facilities, she states, could be an instrument for creating and steering a collective identity. In Zelinsky's article, who is a designer, again the importance of art and aesthetics are emphasised. He discusses the role of design in the construction and equipment of fixed and mobile housing for commute workers (*vakhtoviki*). Design for him is closely related to quality of life during the shift period (*vakhta*). When design is integrated into the social organisation and operating procedures at the industrial facilities, it can support peace of mind and labour motivation.

Physical adaptation to conditions of the North encompasses a wide range of human aspects – such as the psychology or the respiratory system. These are discussed by medical scientists from Nadym, the second big 'gas-town' in the Yamal-Nenets Autonomous District (see e.g. Lobanov et al., Nizamova et al., Popova et al., Solo'ev et al.). Romanjuk compares the level of adaptation to northern climatic conditions among indigenous and industry-related inhabitants. Not only is urban life a matter of concern as Dolgov's report on quality of life in the village Seyakha on the Yamal Peninsula shows. Another approach to the urban-rural relation is provided by Dudeck who shows the case of the interrelatedness of crude oil industries and the indigenous population. He shows first results from his long-term field-work at a reindeer herders' camp closely located to an oil field in Kogalym, where Khanty people are employed in various professions in oil companies.

The second set of contributions is about *Children, Youth and Socialisation in a Northern Industrial City: Novy Urengoy*. As already mentioned in the first section, the young generation is the crucial future potential for the viability, economic, and the social success of northern towns. Experience and sense of place obviously differ enormously among first-comers who planned to leave the North after retirement and the generation which was born and will be born in the North. The meaning of 'preparedness' for adaption among young people is shown by Vakhrusheva who introduces the large research project 'Development of education in the conditions of the Far North' undertaken by the Scientific Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Education based in Novy Urengoy. Similar to the first section, here as well we can see that aspects of physiology and climate play an important role in research and practical innovations regarding the adaption of children and youth.

Medical researcher Nesterova introduces methodologies for health preservation directed to the northern climatic conditions among pre-school children. Meteorotropic reactions – reactions to influences of weather and climate to the natural environment that includes also human beings – are shown by Gaidadina who innovatively connects these with the quality of education. Education is a core topic in the society. Beruashvili introduces to the national project 'Education' which takes place all over Russia. She discusses the status of its realization in the Far North. Attachment to place and place making is – as we saw also in the first section – also shaped by aesthetic and cultural circumstances. In Novy Urengoy, numerous youth clubs and art schools provide facilities for children and teenagers creative self-fulfillment. Dazko reflects the cultural desires of this age group and their satisfaction in the Yamal-Nenets Autonomous District. Creativity has a particular impact on personal development and personal culture as well as supporting individual efforts for education and motivation for the appropriation of knowledge. Shapovalova shows that in her discussion of high school life in the North.

The conditions for successful implementation of ambitious ideas about social-cultural development of children is also dependent on the means and conditions provided for the work force, i.e. teachers, trainers, or pedagogues, as Pavlova shows. Kuznetsova's contribution on the upbringing of children in families under peculiar conditions of a northern town highlights education from a non-institutional perspective. She is the head of the *Center for Socio-Psychological Help in Novy Urengoy*, an outstanding institution combining psychological research with concrete help for women, men, children and families in need. Aside from consultation work they undertake several projects for supporting young parents in particular for better coping with private responsibilities and the particular circumstances of work in the North – such as long-distance

commute work. Troshkkova, Anufrieva and Kabalenova are practitioners from the pre-school institution *Elochka* in Novy Urengoy. Their article highlights the importance of early empowerment of children in order to achieve an active position in life.

The second section of this book impressively shows the scientific and practical activities going on locally in Novy Urengoy in order to cope, reflect, and improve urban life sustainably. These aims are also reflected in the contribution of Zolotov, chief-executive of the non-profit institution *Novy Urengoy Development Fund* who sees the importance of innovative infrastructure which provides the youth in their making of a sustainable city. Novy Urengoy vice-mayor Nuykin contributes to the second section with his ideas about the role of civil society and social partnership in policy making which is indispensable for a participative development for the city – a policy that is explicitly introduced in Novy Urengoy. The town's mayor Kostogriz opens the second section with an insightful sketch of the main challenges in contemporary urban development of Novy Urengoy.

A little bit of academic history, or 'why Novy Urengoy?'

For a foreign research project that studies processes of movement and settlement in the Russian North there are many possible places to do research. The choice of the place Novy Urengoy therefore may require some explanation: Just as so many people ended up for all kinds of reasons in the North to start opening it up (*nachat' ego osvivaivai'*), our choice was also a combination of coincidence and conscious decision, and it would be unjust to conceal that our own life and labour influenced that choice. One author (Stammler) had already had 10 years of research experience in the Yamal-Nenets Autonomous District, even though in the study of a different mobility, that of nomadic reindeer herders of the Yamal tundra (Stammler 2005). Visiting industrial cities with reindeer nomads was a different experience, which gave rise to more curiosity about the life of the non-indigenous majority of the region's population. It was time to exchange the tundra as a principal field site for the city. As a specialist in the study of mobility and place, the choice of the topic was obvious: processes of movement and settlement in the northern industrial city. In order to understand the principles behind these processes, comparing cases is helpful, which is why two cities in the YNAO and two in Murmansk Oblast were chosen as case sites for the MOVE-INNOCOM project in which this research takes place. Novy Urengoy as the most important gas city and typical monoindustrial example was the best example for examining such processes.

The entry into a new field is always exciting for a social scientist, but in this case it was easy, not least thanks to the long-standing partnership with the Yamal-Nenets *Shemanovskii Museum* and senior associate Lyudmila Lipatova, who had had already cooperation with the Novy Urengoy museum in person of director Tatiana I. Marchenko. The first focus of our stay was the study of relocation histories and memoirs of those early-comers who built the city.

Towards the end of Stammler's first long stay in Novy Urengoy, he found out from an Austrian colleague about an interesting dissertation project at the Department of Social and Cultural Anthropology in Vienna, Austria, also related to industrial cities, but with a focus on long-distance commute work. Stammler first called Eilmsteiner-Saxinger, who was at that time struggling in Khanty-Mansiiskii Autonomous District with the fact that even though shift-labour is used there widely, the topic is not very openly addressed by officials.

The district's development strategy appears to aim towards raising the number of permanent population and to reduce temporary labour force. This policy is geared towards eliminating social problems connected to shift-labour and illegally employed labour. On the other hand, Eilmsteiner-Saxinger witnessed on her way to numerous small and large oil-industry towns in the Khanty-Mansi Autonomous District that the settlers have similar memories and attachment to the place as Stammler and colleagues found out in the Yamal-Nenets Autonomous District (see this volume). A comparison of these two districts would be interesting, since circumstances of development are somehow different. In the Khanty-Mansi Autonomous District people came a bit earlier, starting in the early 1960s and the number of towns is significantly higher,

with a population of approximately 1.5 million people in the whole region – three times the figure of YNAO. The regional development of these two districts follows different strategies although the memories of its inhabitants are similar.

Finally, Eilmsteiner-Saxinger followed Stammers advice to shift her field-site to Novy Urengoy, which is a fascinating dynamic city, the perfect place for shift-labour research. She then became associated with the MOVE-INNOCOM project, through which she obtained a research permit and came to Novy Urengoy too. There we met – first independently – with the colleagues from the TGU branch and were delighted about their interest in our topic. In the course of a second field visit, a half-year later Eilmsteiner-Saxinger launched a cooperation with TGU and the Department of Geography, University of Vienna, Austria. Subsequently, the idea of a triple cooperation – TGU, Eilmsteiner-Saxinger's project, and Stammler's MOVE-INNOCOM project – of organising a joint conference was born. For all sides the experience of cooperation in conference organisation and publication was about the meeting of two different academic traditions and about intercultural communication that the respective colleagues will remember for many years to come.

We thank all our numerous partners, friends and informants in Novy Urengoy for their continuous support and patience with our research and are proud to give back some of our insights in form of this volume.

May this book fuel our interest and enthusiasm for life and labour in Northern industrial cities, and contribute to further exchange of academic and practitioners work in the circumpolar North.

References

Engel, Barbara. 2007. Public space in the 'blue cities' of Russia. pp 285-300 in: Stanilov, Kirill (ed). *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. The Geojournal Library, vol 92. Amsterdam: Springer Netherlands.

George, Susan & Fabrizio Sabelli. 1994. *Faith and Credit: The World Bank's Secular Empire*. Westview Press.

Heleniak, Timothy. 2008. Changing Settlement Patterns across the Russian North at the Turn of the Millennium. In: *Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, industries and populations from Murmansk to Magadan* ed. by Tykkyläinen and Rautio. Helsinki: University of Finland Press.

Heleniak, Timothy. 2009. Growth Poles and Ghost Towns in the Russian Far North. In: *Russia and the North* ed. by Wilson Rowe. University of Ottawa Press.

Ingold, Tim. 2000. *The perception of the environment: essays in livelihood, dwelling and skill*. London, New York: Routledge.

Mauss, Marcel. 1924 [1967]. *THE GIFT: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. Translated by Ian Cunnison. French original in *l'Année Sociologique*, seconde série, 1923-1924, vol 1.

Morozov, Yuri (ed). 2000. *Yamal: At the Edge of Milleniums*. Salekhard & St. Petersburg: Artvid & Russian Collection.

Parsons, Talcott. 1951. *The Social System*. New York: Free Press.

Stammler, Florian. 2005. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land. Vol. 6. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Münster: Lit publishers.

От прошлого, через настоящее, к будущему Ямала

Г.А. Дзида

*Северный край, что зовется Ямал.
Пусть говорят – это край географии,
Только для нас он начало начал. (М. Гончарова)*

Открытие в середине двадцатого века больших запасов нефти и газа в Западной Сибири потребовало новых рабочих рук. Эту потребность можно было удовлетворить только вахтовым методом организации труда. Вахтовый метод имеет определенные экономические преимущества, если не учитывать медико-биологические, психофизические и социально-психологические особенности адаптации человеческого организма, часто меняющиеся климатические условия. Поэтому в тундре стали строиться базовые города.

Начало XXI века – время эпохальных инноваций, меняющих лицо мира на столетия. Освоение газовых и газоконденсатных месторождений шельфа арктических морей связано с перспективой задействовать на вахтах наиболее квалифицированный персонал из базовых городов региона. Нарастание темпов промышленного освоения Севера Тюменской области привело к увеличению численности населения северных городов в десятки раз.

Основопологающим элементом перехода трудовых ресурсов в качественно новое состояние является образование. В связи с развитием городов на Крайний Север пришли и учебные заведения, поскольку действенную силу общества определяют не столько природные богатства и рабочие руки, сколько ресурс, ставший символом современного этапа мирового социума, – знание, интеллект нации.

Вложения в образование и науку считаются самыми эффективными вложениями в долгосрочном масштабе инвестиции. Образование является высшим приоритетом в системе государственных целей. Оно становится двигателем экономики. Система образования – одна из важнейших сфер жизнедеятельности современного социума. Система образования в регионе – это важнейшие социально-культурные и научно-технические сферы, ориентирующиеся на его реальные условия и специфические требования на основе сочетания общегосударственных, национальных, местных и индивидуальных интересов.

Особая роль в инновационном развитии региональной системы профессионального образования принадлежит государственным университетам, выступающим в качестве интеграторов образования, науки и культуры в регионе. В филиале ТюмГУ в г. Новом Уренгое проводится большая работа по развитию регионального образования в соответствии с направлением исследований Уральского отделения РАО «Образование как средство развития региональных, этно – социокультурных, экологических и экономических систем». В муниципальном образовании студенты получают теоретическую подготовку и конкретный опыт работы, участвуя в маркетинговых исследованиях, проведении выставок, распространении программных продуктов и др. Проводимые мероприятия направлены на развитие готовности к инновационной профессиональной деятельности будущих специалистов различных отраслей производства.

Примечательной чертой настоящего является широкое сотрудничество отечественных предприятий с зарубежными фирмами. Это является потребностью времени, особенностью современной экономики.

Администрации муниципального образования города Новый Уренгой, градообразующих предприятий газовой отрасли заботятся о расширении взаимовыгодных отношений не только с организациями и предприятиями различных регионов нашей страны, но и с международными компаниями и муниципалитетами. Вопросы сотрудничества затрагивают не только область

производства газа, но и социальную сферу. Современные специалисты должны обладать широким спектром знаний, а также глубоким профессионально направленным знанием иностранного языка, который является основой делового общения для сотрудничества в решении вопросов организации и ведения современного производства; изучения современных европейских методов организации и осуществления деятельности предприятий. В условиях Крайнего Севера Тюменский государственный университет предоставляет жителям газовой столицы возможность непрерывного изучения современных европейских языков и совершенствования их языковой компетентности.

Одними из наиболее значимых характеристик социальной среды в современных условиях являются ее высокая подвижность и непредсказуемость. Изменения в политике, экономике, демографии, культуре происходят настолько интенсивно, что к ним все сложнее адаптироваться. Одной из важнейших задач системы образования становится повышение ее способности своевременно реагировать на изменения среды, внедряя новые технологии обучения и воспитания. В процессе жизни человек адаптируется ко многим социальным средам: семье, учебным заведениям, новому месту работы. Процесс адаптации в каждом случае имеет свои особенности. Изучением этих явлений занимаются ученые НИИ «Развитие образования в условиях Приполярья».

Природа наградила суровый край несметными богатствами. Здесь же сконцентрирован большой потенциал человеческих ресурсов. Необходимо умело использовать все это во благо России.

Настоящий сборник статей состоит из двух частей. В первую его часть «Биографии и вахтово-экспедиционный метод организации труда» включены, в основном, статьи ученых из Австрии, Германии, Канады, Финляндии и различных регионов России. Во второй части сборника «Дети, молодежь и социализация в северном индустриальном городе» представлены работы участников конференции, проживающих в г. Новом Уренгое или имеющих непосредственное отношение к региону. Содержание работ и их характеристика раскрыты в статье Ф.Штаммлера и Г. Эйльмштейнер-Саксингер.

Участники конференции высказали пожелание продолжить работу по проблеме «Крайний Север: особенности труда и социализации человека». Надеемся, что в этом будет заинтересован широкий круг ученых, изучающих различные аспекты развития северных территорий.

Организаторы конференции выражают признательность всем, кто оказал посильную помощь в ее проведении: Администрации города Новый Уренгой, руководителям градообразующих предприятий, исполнительному директору некоммерческой организации «Фонд развития МО г. Новый Уренгой», учредителю и редактору региональной специализированной газеты «Ямал и инновации», сотрудникам музея ООО «Газпром добыча Уренгой». Мы благодарим спонсоров за финансовую поддержку по изданию этого сборника статей.

From the past, through the present to the future of Yamal

G.A. Dzida

*Northern land far on polar topography,
Northern land that is known as Yamal.
Let them say it's the end of geography,
But for us it's beginning of all. (M.Goncharova)*

When, in the middle of the 20th century, oil and gas were first discovered in Western Siberia, it was clear that exploiting this resource would require a huge work-force. One way to meet this demand was a rotation system of labour management. The rotation method has distinct economic advantages, but does not, however, take into consideration the bio-medical, psycho-physical, and social-psychological peculiarities of human organism adaptation to the rapidly changing climatic conditions. That is why base towns came to be established in the tundra.

The last four decades have been a time of epochal innovations, which has altered the image of the Far North for the first and second generations in those towns. The development of gas and gas condensate fields in the arctic shelf gave rise to the opportunity to involve the best qualified personnel from the base towns of the region in the rotation system. Added to this, the build-up rate of industrial development of the Tyumen Region in the north has led to a population explosion in northern towns.

Now the key to the transition of labour resources to a higher level is education. It is well known that the most efficient long-term investments for a society are in the fields of education and the sciences, as this drives the engine of economics. Education is the highest priority in the system of national goals in Russia. The growth of towns in the Far North opened the way for new educational institutions, reflecting the belief that the real power of a society is subject less to natural wealth or manpower but mainly to national knowledge and intellect – a resource which has become a symbol of a contemporary global environment. The education system is therefore one of the most important spheres in modern society, as it occupies the major social-cultural and research spheres, guided by current conditions and peculiarities of state, local and individual interests.

A discrete role in the process of innovation development of the regional system of vocational education belongs to state universities, which integrate education, research, and culture. The TSU branch in Novy Urengoy contributes to the development of regional education in compliance with a research trend of the Ural branch of the Russian Academy of Education: “Education as a means of development of regional, ethno-social-cultural, environmental, and economic systems”. In the municipal district, students have an access to both theory and practice, taking part in market research, workshops, programme product-distribution, and so on. Current programmes are aimed at developing an innovative vocational competence for future experts in various industrial fields. A particular feature of current economics is a wide-spread cooperation between national and foreign firms. The administrations of Novy Urengoy and township-forming companies of the gas industry have contributed to the expansion of mutually beneficial relationships, not only with different regional enterprises in Russia, but also with international companies and corporations.

This collaboration involves many social issues beyond the exploitation of gas fields. Today's specialists need to be competent in a wide range of fields as well as having a vocationally-oriented command of foreign languages. Linguistic competence is both a core element of business communication in the process of collaboration and management of modern manufacture, as well as being necessary for the study of contemporary European methods of business activity. In the Far North, Tyumen State University offers residents of the gas capital the opportunity to study modern European languages at an advanced level.

Another key feature of the present-day social sphere is its changeable and unpredictable character. Changes in politics, economics, demography, and culture are so rapid that it can be very difficult to adapt to

them. Thus, one of the major objectives of the education system is a timely response to these changes by the utilisation of new technologies in education and training. During the course of their life, a person must adapt to various social environments: family, education institution, a new workplace. In each case, an adjustment process has its specifics. These phenomena are the subject of study for scholars at the “Development of Education in the Polar Area” research institute. Nature has provided our severe land with illimitable wealth; great human resource is also concentrated here. It is essential to use this potential for the sake of Russia.

The present collection of articles consists of two parts. The first part “Biographies and Rotation-Expeditionary Method of Labour Management” mainly involves articles written by scholars from Austria, Germany, Canada, Finland, and different parts of Russia. The second part “Children, youth and socialisation at a northern industrial town” presents the works of participants of the conference living in Novy Urengoy or closely related to the region. The contents of the works and their references are given in the article of Florian Stammner and Gertrude Eilmsteiner-Saxinger. The participants of the conference expressed their wish to continue working in the field of “The Far North: factors of human labour and socialisation”. We hope this will interest the scientific community who study a variety of aspects of the northern territories development.

The organising committee would like to express their appreciation and thanks to all who assisted in the organisation of the conference: Administration of Novyi Urengoi, heads of township-forming companies, the director executive of the non-profit organisation “Development Fund of Novy Urengoy”, the founder and editor of the regional special-interest newspaper “Yamal and Investments”, Urengoy Gazprom Museum staff. We would also like to thank our sponsors for their financial support in the publication of this book.

I

Биографии и вахтово-экспедиционный метод организации труда – Biography and Shift Labour Organisation

Развитие вахтового метода в Канаде и Австралии

К. Стори

В статье выездная работа характеризуется как мотивированно обоснованная и развивающаяся форма организации труда на буровых площадках, где отдалённость делает предложение рабочей силы и приспособление затрудненными. В Канаде, Австралии и других странах с неплотным населением данная система широко используется в нефте-газовом, добывающем и строительном секторах чаще, чем в других. Автор отслеживает эволюцию мер по организации работ за последние тридцать лет с особой ссылкой на Канаду и Австралию, концентрируя внимание на движущие силы, способствовавшие развитию и использованию этой системы.

Автор подробно описывает природу выездной работы, детально характеризуя разные виды вахтового метода, обращая внимание читателя на особенности в терминологии. «Коммутированная работа» – один из ярлыков, присвоенных данной форме организации работ. Типично эта форма характеризуется как «система расписания нарядов», при которой рабочие добираются до места, работают условленное количество времени, после чего возвращаются на основное место базирования. Работодатель обычно оплачивает перевозку от и до рабочего места, проживание, отдых, основные врачебные и некоторые другие услуги на месте работы. Система характеризуется и как «круглосуточная вахтовая работа», «расширенный рабочий день» (часто 10-12 часов, проведенные под контролем), иногда со среднесписочной заменой (вахта с ночи на день \ дня на ночь).

Другим термином, используемым для описания системы, является Long Distance Commuting (LDC) (Storey and Shrimpton 1986) – «вахтовая работа на большой отдалённости» и «прилёт/отлёт» (FIFO) (Diment 1986). По мнению автора, ни одно из этих определений не может полностью охватить сложный характер урегулирования работ.

Термин «коммутированная (выездная) работа» является неудовлетворяющим, так как он слишком общий (почти все работники во всех секторах вовлечены в те или иные формы коммутирования), «LDC» не подходит в полной мере потому, что «отдаленность» не обязательно «изменчивость, переменность» (совокупность продолжительности ежедневной вахты и времени, проведенного в дороге на работу и с работы, является наиболее важным фактором), не устраивает и FIFO, потому что воздушный транспорт не единственная используемая форма перевозки.

При сложности и разнообразии форм и методов организации термин «коммутированная работа» используется за отсутствием более подходящего и ещё потому, что имеет более общий и поэтому менее ограничивающий характер. Работа по графику может иметь разновидности как внутри, так и между операциями. Графики могут быть «симметричными» (например, 2 недели на 2 недели) или «асимметричными» (2 недели на 1 неделю); они могут быть долгими (6/1) и короткими (4/3 дня). Графики разнятся у штатных сотрудников и контрактников, между производством строительных работ и операциями управленческих кадров, находящихся на одном месте. Не все рабочие могут находиться в постоянном цикле дежурств. В частности, в нефтедобывающей отрасли на шельфовых месторождениях некоторые работают по системе вызовов, при которой выезжают на место, выполняют определенную работу и возвращаются на базу до следующей командировки по вызову. Для таких рабочих существует малая возможность прогнозирования в отношении места работы, рабочего времени или времени пребывания дома.

Факторы, которые привели к увеличению использования выездного метода работодателями, с течением времени изменились: цены на товары, международная конкуренция, регулирующая среда, привилегии и самое последнее – ограничение предложения труда. Доктор Стори в своей статье охарактеризовал движущие силы коммутированной работы и выделил ключевые:

- ограничение ресурсных городов и привилегий рабочих
- изменения в политике и регулирующей среде
- изменения в технологиях и инфраструктуре
- реструктурирование в секторе полезных ископаемых
- ограничения в поступлении рабочей силы

Подводя итог, автор прогнозирует существенное влияние проблемы ограничения предложения рабочей силы на существующие сообщества, связанные с местом жительства, ускорение процесса их включения, частично или полностью, в коммунитированную систему, что повысит жизнеспособность как самих сообществ (см. Pattenden, 2005), так и их региональных экономик.

The Evolution of Commute Work in Canada and Australia

K. Storey

Commute work is a well-established and growing form of work organization in locations where remote developments make it difficult to supply and accommodate labour locally. In Canada, Australia and other countries with sparsely distributed populations the system is widely used in the oil and gas, and mining and construction sectors, among others. This paper traces the evolution of these work arrangements over the past thirty years, with particular reference to Canada and Australia, and focusing on the drivers that have encouraged the growth in the use of this system.

The nature of commute work

"Commute work" is one of several labels given to these work arrangements. The work is typically characterized by a roster system in which workers travel to the workplace, where they and spend a fixed time, after which they return to their home base for a period of leave. The employer usually pays for transportation to and from the workplace and for accommodations, recreation, and basic medical and selected other services at the workplace. The work system is also often characterized by around-the-clock shift work, an extended workday (often 10-12 hours for the period spent onsite), and sometimes by a mid-roster change from night to day/day to night shifts. Other terms used to describe the system are Long Distance Commuting (LDC) (Storey and Shrimpton 1986) and Fly-in/Fly-out (FIFO) (Diment 1986).¹ None of these terms adequately capture the complex nature of the work arrangements. "Commute work" is unsatisfactory because it is too general (almost all workers in all sectors are involved in some form of commuting), "LDC", because 'distance' is not necessarily the critical variable (aggregate daily shift length and travel time to and from work are more important), and "FIFO" because air transport is not the only form of transportation used. Given the complexity and variety of work arrangements 'commute work' is used here in the absence of a better term and because of its more general and thus less limiting nature. Roster arrangements can show great variety within and between operations. Rosters can be symmetrical (e.g. 2 weeks on, two weeks off [2/2]) or asymmetrical (2/1), they can be short (4/3 days) or long (6/1). Rosters may vary between staff and contractors, and between construction, operations and administrative personnel at the same site, and between operations. Not all workers may be on a regular roster cycle. In the offshore oil industry in particular, some workers are on a "call-out" basis in which they travel to the work site and complete the job and return to await the next assignment. For these workers there is little work cycle predictability either with respect to place of work, or time at the work site or at home.

Commute work in the resource and construction sectors

¹ The system is also used to provide labour to the oil and gas fields of Western Siberia in Russia. Here it is labeled the vakhtovyi metod (shift method) (Spies 2006, Eilmsteiner-Saxinger 2010). The arrangements and evolution of this variant of the system are not discussed here.

Commute work as defined here was originally developed to meet the needs of the offshore oil industry (Gramling et al. 1995). As offshore activity extended further from the beach, daily commuting was no longer feasible and there were of course no local communities from which to draw workers and no local accommodations available. While the first offshore wells were drilled in the late 19th century, such activity was rare until after the Second World War. Offshore exploration and development then saw rapid growth in the Gulf of Mexico starting in the 1950s and in the North Sea starting in the 1960s. Offshore work and the associated commute systems are now a global phenomenon including activity in both Canada and Australia. Use of commute work in the mining sector is more recent, with Canadian and Australian companies being early adopters of the system in the 1970s and early 1980s respectively. Data on the number of mining operations currently operating a commute system and the number of commute workers employed in either jurisdiction are not readily available.

In Canada the first true commute operation was the Asbestos Hill asbestos mine established in northern Quebec in 1972. By 1988 there were 12 operating mines (Storey and Shrimpton 1988) and by 1996 there were an estimated 3,000 miners working at 14 Canadian commute operations (Community Resource Services, 1996).

Both the number of mines and employees has increased over the past decade. While a number of commute operations have closed (e.g. Hope Brook [gold], Newfoundland 1987-1997 [c. 280 employees] and Polaris [zinc/lead] in the NWT 1980-2002 [c. 255 employees]), a number of other large operations have been established (e.g. Ekati 1998 [c. 650 employees] and Diavik 2003 [c. 785] [diamonds] in the NWT, and Voisey's Bay [nickel] 2005 [c. 516] in Labrador). As there have been no purpose – built mining towns constructed since Tumbler Ridge, BC, in the early 1980s, all new mining operations since then have either been developed in areas close to existing mining communities or as commute operations. As such the importance of commute work has increased over time.

However, it is in Australia, and particularly Western Australia, where commute systems have been most enthusiastically embraced by the mining industry. Among the first commute operations were the Narbalek, Northern Territory (uranium) and Kidston Queensland (gold) operations which were developed in the early and mid-1980s respectively. By 2000 there were ten commute mines in Queensland, five in the Northern Territory and one in Tasmania (Hogan and Berry 2000). In Western Australia it was estimated that in 1991 there were 26 commute mines employing some 4,220 persons (Western Australia 1991). By 1999 this had increased to about 41 mines employing in the order of 11,300 (Western Australia 1999) and by 2000 there were 48 operations (Dames & Moore 2000), with others planned.

A more recent survey by the Western Australia Chamber of Minerals and Energy of over 100 mining operations and 18,000 industry personnel indicated that 47 per cent of all mining employees were employed on a commute basis. Contractor personnel (23.5 per cent of the total workforce) were predominantly commute workers (77.7 per cent), while of those directly employed by mining companies (76.5 per cent of the total), 37.5 per cent were commute workers (CME 2005:9).

The construction sector is also an important user of the system, but until recently the profile of commute work in this sector has not been as high as that of the mining and oil and gas sectors. This may in part be because of the relatively short term nature of construction work compared with that of longer term production activities in the resource sectors, and perhaps because of the accepted view that because construction workers must follow the work and as such have always 'gone away' commute work in this sector is somehow less deserving of attention. Other than the survey of Alberta oil sands construction workers discussed below, there appears to be no literature on commute work that deals with commute work specifically in the construction sector in either Canada or Australia.

While in the past construction work may often have taken the form of 'temporary relocation' of workers to other areas with periodic visits home, in recent years work arrangements have become more organized around the type of commute arrangements described above and the numbers involved in

construction-related commute work have dramatically increased. This is best exemplified by construction activity associated with oil sands projects in Alberta in western Canada.

Commercial development of the Athabasca oil sands began in the 1960s and has been sporadic until recently. With oil price increases since 2003 the economics of oil sands projects have improved and investment in new projects has accelerated. Population growth in the Regional Municipality of Wood Buffalo, which includes Fort McMurray, the city closest to the oil sands deposits, was minimal between 1986 (36,810) and 1996 (37,222), but increased dramatically to 79,810 by 2006 (RMWB Municipal Census 2006).

The estimated number of commute or 'mobile' workers (those in the municipality but with permanent residences elsewhere, also referred to as the "shadow population"), employed in oil sands project construction (the majority) or operations in early 2007 was estimated at 24,300. This represented some 26 per cent of the total resident and non-resident municipal population at that time. Fifty-six per cent of the mobile workforce came from outside the municipality, but from elsewhere within the province of Alberta, while 41 per cent were from other Canadian provinces and 3 per cent from other countries (ARIWG 2007).

This mobile workforce has increased dramatically, from an estimated 3,568 in 1996, to 12,743 in 2006 (RMWB 2006), and 24,311 in 2007 (ARIWG 2007). Workers are also coming from further afield. In 2003 only 21 per cent were from provinces other than Alberta, compared to 41 per cent in 2007, and there were no international workers in 2003 compared with 3 per cent of the total in 2007 (ARIWG 2007).

Of the 24,300 mobile workers identified in the 2007 survey, 18,626 were living in camps, 3,739 in private residences, and 1,946 in hotels or campgrounds (ARIWG 2007). Most of those from elsewhere in Alberta drive or bus to their work sites, while most of those from out of province either fly directly to those sites which have their own air fields or to Fort McMurray or Edmonton from which they are bussed to their camps. Those in the camps would have their accommodations paid for by their employer. Those in private residences, hotels or campgrounds would typically receive additional payment as a contribution to these costs.

Operators with projects located in the rural areas beyond daily commuting range of Fort McMurray have had little choice but to develop camp-based operations and have workers commute to and from the sites. However, the rate of growth of construction activity in the immediate vicinity of Fort McMurray has been so rapid in the past five years that the city has been unable to keep pace with the demand for accommodations from workers. The result has been that the rental vacancy rate has effectively fallen to zero, hotels have been fully booked and incoming workers unable to afford rents for those accommodations that were available.

In response to the increasing demand for workers and lack of available accommodations and the prospect that projects would not be able to proceed, the City of Fort McMurray made the controversial decision in March of 2006 to allow construction of camps for up to 300 workers on up to eight sites *within* the city to house workers employed on nearby projects (CBC 2006). These accommodation arrangements have given rise to a new set of urban social and economic issues associated with commute work that has not previously been experienced in either Canada or Australia.

Driving forces for commute work

The forces which have driven the increased use of commute work by employers have changed over time with changing commodity prices, international competition, the changing regulatory environment, worker preferences and, most recently, labour supply constraints. Some of the key characteristics of each of these drivers are outlined as follows:

Limitations of Resource Towns and Worker Preferences

While many workers and families enjoy the lifestyle offered by the isolated resource-based town, the economic and social problems of associated with such communities are well-documented (see, for example, Robinson 1984, Robson 1988), and include:

- lack of economic diversity and limited alternative employment opportunities, especially for women
- difficulties of recruiting and retaining skilled labour, and greater likelihood of industrial disputes
- vulnerability to boom-bust cycles and seasonal instability in terms of employment and income levels
- a limited and often unpredictable life expectancy for the resource
- socio-demographic imbalances and insufficient population to support many urban services
- start-up and closure costs to industry and government and the social and economic problems associated with closure

With increased expectations for access to diverse employment and educational opportunities and metropolitan lifestyles, there are fewer workers and families willing to live and work in remote single-industry communities. There is little doubt that most Canadians and Australians prefer to live in larger metropolitan areas. The “urban drift” of the population has been clearly evident for some time. Two-thirds of Canadians now live in eight urban agglomerations, sometimes referred to as “city-regions”. Half of Canadians live in four of these: Ontario’s Golden Horseshoe, centred on Toronto; Vancouver-Victoria; the Calgary-Edmonton corridor; and Montréal and adjacent regions.

In Australia the metropolitan preference is even more pronounced. In Western Australia, for example, 74 per cent of the State population lived in the Perth Statistical Division (SD) in 2006; while in Queensland 45 per cent of the State population lived in the Brisbane SD (ABS, 2006). Australian art critic Robert Hughes is attributed with describing Australians as “a people obsessed with the outback but with little desire to live there” (Priestley, 2000). Effectively people have been voting with their feet; rural populations have generally declined and continue to do so, as a result many isolated resource towns will struggle to survive in the future.

Most people are choosing to live where they have a greater choice of health, education and cultural infrastructure and services, and where there are more job opportunities for all family members. Between 1986 and 1996 mining employment in Australia generally increased in capital cities and coastal regions and declined in other metropolitan, inland and remote regions (Hogan and Berry 2000).

By far the largest mining centre in Australia today (in terms of mining industry employment) is metropolitan Perth in Western Australia. This was even more apparent in 2006 than in 2001, when some 19,160 said they were employed in the mining industry as their main job compared with 11,543 in 2001. Of these 41 per cent worked outside of the Perth SD in other parts of the State (ABS 2008).

While the growth of commute arrangements is to a degree self-reinforcing, mining companies, if they want skilled and experienced workers for remote operations, have little choice but to source them from metropolitan and other non-local centres. Commute work systems have become more important in times of labour shortages as many workers, given a choice, have demonstrated that they would rather commute than move to remote or rural locations.

Changes in Policy and Regulatory Environments

The passage of the National Environmental Protection Act (NEPA) in the United States in 1969 heralded a change in the way that proposed industrial projects were evaluated for their potential environmental (including social and economic) impacts. Comparable legislation was passed in Canada in

1973 and in Australia in 1974. Companies contemplating the development of a new project that included the development of a new town site were now faced with a potentially lengthy and costly approval process before they could proceed. In addition, a wider range of development regulations, and higher accommodation and service expectations added significantly to community development costs. In the case of Tumbler Ridge, BC, constructed in 1981 and the last Canadian purpose-built resource-based community, the total development cost exceeded \$274 million, a per capita investment approximating CAN\$45,700; a considerable investment at the time (McGrath 1986:232).

In addition, resource-town development decisions were increasingly shifted from the private sector context to that of the political-regulatory environment. For example, in the mid-1970s the Alberta government refused permission for any further new town development in the Coal Branch area west of Edmonton, Alberta. In the light of these restrictions developers had no choice but to use a commute system if they wished their projects to proceed (Berg 1986: 31).

The past thirty years has also seen significant changes in the political power of aboriginal groups. The commute option was originally seen as a potentially valuable component of government affirmative action programs designed to encourage participation of aboriginal peoples in resource development. The commute system allowed people to participate in the resource-based activity while allowing people to maintain elements of their traditional lifestyle (Hobart 1989).

More recently, either through aboriginal title, land claims agreements, statutory requirements or government policy, impact benefits agreements (IBAs) have become a recognized part of the package of the regulatory and benefits requirements associated with major resource projects, particularly in Canada. These are intended to address the concerns of aboriginal people and other local residents regarding the potential adverse effects that large-scale development could have on their communities, while at the same time ensuring that local people have the opportunity to benefit from the developments occurring in their region (see Kennett 1999).

Commute operations have the potential to spread income earning opportunities among existing aboriginal communities, and given the desire to minimize the environmental footprint of a project as well as the potential for adverse social interactions among aboriginal and non-aboriginal groups, this has encouraged the separation of home and workplace and further encouraged the use of commute operations.

Technological and Infrastructure Changes

The period following World War II saw a variety of changes which affected the oil and gas and minerals sector. There was an increased demand for both 'traditional' as well as 'new' resources, such as uranium, and a need to look further afield in more remote areas for those resources. Remote area exploration was facilitated by a number of new tools, including, in the mining sector, the development of the airborne magnetometer. The ability to survey large, often relatively inaccessible areas, very quickly resulted new discoveries. In the 1950s and 1960s development of these resources was typically associated with the construction of new, purpose-built mining towns.

Purpose-built towns were expensive to construct and to maintain, and town management could not be said to be part of the 'core business' of the developers. The post-War period through the 1970s saw a 'transition stage' (see Lucas 1971), with the 'normalization' of most 'company towns' to 'public towns' with the transfer of management responsibilities to local authorities, such that today there are very few such towns for which the company retains full administrative responsibility.

The shift away from 'permanent' to 'temporary' communities was facilitated by developments in transportation and communications. In the 1960s and 1970s these included improvements in relatively cheap, safe and dependable air transport. In Canada this included use of large capacity/heavy lift aircraft such as the Lockheed Hercules, and cheaper and more efficient communications systems. These were further assisted by

increases in the level of public funding for improvements in airport infrastructure. From the 1950s there was also the beginning of the development of major 'ice roads' in northern Canada to transport goods, which over time also encouraged the development of resources at remote sites.

Restructuring in the Minerals Sector

Since World War II there have been three significant commodity booms, one in the early 1950s, the second in the early to middle 1970s and, most recently, a third from 2003 to 2008. Radetzki (2006) explains these booms in terms of strong surges in global demand. The first two were of short duration (about two years) ending abruptly because of macroeconomic policies in the major consuming countries designed to curb inflation. In both cases these policies turned a rapid global expansion into a worldwide recession which in turn led to stagnant or falling commodity demand and declining prices (Radetzki *et al.* 2008).

The fall in demand and prices following the second of these booms was instrumental in encouraging the adoption of the commute system. In the early 1980s high real interest rates, declining global GNP, world currency realignments and emergence of new low-cost operations in developing countries prompted greater attention being given to productivity improvements, reduction of production costs and rationalization of unproductive operations.

At the same time the search for new mineral reserves was taking the industry to more remote locations, and the development of reserves tended to emphasize higher value deposits implying the probability of shorter mine lifetimes. In addition the need for efficiency was being reflected in smaller work forces. This combination of factors served to encourage use of the commute option.

Options that allowed flexibility in production were also of growing importance. In 1980 the price of gold spiked dramatically encouraging a wave of investment. The need to be able to respond quickly to the perceived opportunity and the ability to be able to respond quickly to changing market conditions, including temporary closure, further encouraged the use of commute systems. Indeed the focus on small, formerly marginal, projects initially encouraged the view that commute arrangements were best suited to small, short-life projects (DePape 1984). However, the development of projects such as the Cluff Lake (1980-2002) and the Argyle diamond operation in Western Australia (1985-present), demonstrated that the commute alternative could be just as cost effective for large scale, long life expectancy projects.

Labour Supply

From a company perspective it has long been argued that the commute option has meant less difficulty in attracting workers and retaining them (Nogas 1976; Glass and Lazarovich, 1984; Newton 1986). During the planning phase for the Rabbit Lake uranium mine in Saskatchewan, the developers projected that turn-over rates for a residential town would be in the order of 35-40 per cent per annum. When the commute operation first opened in 1975 turnover started at 28 per cent and was down to 5 per cent by 1986 (Nogas 1986).

While these early commute period turn-over rates might in part be explained by limited alternative employment opportunities, there nevertheless appears to be fairly high levels of satisfaction with the work system which has been reinforced in the times of relative labour shortage that have characterized the recent period. Indeed some companies have been forced to change their design plans to accommodate such preferences. For example, the original intention of the operators of the Duck Pond copper-zinc mine at Millertown in central Newfoundland, Canada, was to have workers reside in nearby local communities. Workers objected and, over the protests of the local community, a commute operation was established and a camp located near the mine site (Aur Resources 2006).

Labour preferences and labour supply have also been contributory factors in decisions to shift either wholly (e.g. the Telfer gold and Marandoo iron ore operations in WA) or in part (e.g. the Leinster

nickel operation, WA) from residential to commute operations, a transition which has only rarely occurred in Canada to this point².

As indicated earlier, labour shortages during the most recent boom period from 2003-2008 resulted in the increased use of commute arrangements particularly in the construction sector. Labour shortages, however, are also of long term concern. It is estimated, for example, that 40 per cent of Canada's mine workforce will retire by 2014. Notwithstanding the current recession, the demand for highly educated workers such as engineers, metallurgists and geoscientists remains high while the pool of graduates from universities with the right skills-set is insufficient. While the current recession may provide something of a breathing space, the competition for skilled labour will continue and will lead to increased salaries, boosting overall mining costs; costs which have already been under pressure from equipment shortages and rising raw material prices. Companies will thus need to continue to search for ways to attract and retain workers. In addition to salary considerations this will include meeting increased demands regarding work arrangements.

That this is already happening is reflected, for example, in improvements to the quality of camp facilities. For example, at Shell's new Albion Village, an oil sands project camp in Alberta, has 2,460 rooms. The individual rooms are equipped with queen-size beds and flat screen televisions as well as internet and satellite television connections (Shell Canada 2007). Until the recent economic slow down companies were also paying signing bonuses and offering greater flexibility of choice over roster cycles.

Conclusion

Commute work is now a well-established form of work organization in both Canada and Australia and has become the preferred choice of developers with projects at a distance from existing communities and, more recently, where worker accommodations and related services in existing communities cannot meet project needs. There are no indications that the set of factors which encourage the use of commute work arrangements will change any time soon.

As the domestic supply of skilled labour for construction and operations activities continues to shrink because of an aging workforce, workers are increasingly likely to be drawn from other countries. Initially these workers are likely to be on temporary work permits and housed in work camps for the duration of their stay.

Second, in the future domestic workers will be in increasingly short supply and as such will likely have more options as to the projects on which they choose to work and where they will choose to live. Most, it would seem, particularly those with families, would, if given a choice, rather commute than relocate.³ What may well occur in the future is that labour supply issues may put more pressure on existing residential resource communities to switch either in part or in whole to a commute system. This can have significant implications for the sustainability of those resource communities (see Pattenden, 2005) and their regional economies.

References

ABS (2006) *Census QuickStats*. Australian Bureau of Statistics: Canberra ACT <http://www.censusdata.abs.gov.au> (19.9.2009).

² One of the few examples of this is Kemano, British Columbia (BC), population 250, a hydro company town established in 1954. In 2000, the town closed and the residents were moved out. The majority of houses (including the school) were then burnt down as a training exercise for selected fire departments from throughout BC. The plant still exists and operates on a commute roster system (NationMaster: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Kemano,-British-Columbia>).

³ This is not to say that all would choose this option, as a result of the 2003-2008 boom a number of existing residential mining towns in the Pilbara in Western Australia have expanded.

ABS (2008) *Towns Of The Mineral Boom* In: Australian Social Trends 2008, 4102.0. Australian Bureau of Statistics: Canberra ACT <http://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/Lookup/4102.0Chapter3102008> (19.9.2009).

ARIWG (2007) *Report on Mobile Workers in the Wood Buffalo Region of Alberta December 2007*. Report prepared by Nichols Applied Management for the Athabasca Region Issues Working Group, n.p.

Aur Resources (2006) *Registration: Duck Pond Camp*. Environmental Assessment Registration Document submitted to the Government of Newfoundland by Aur Resources Inc. Millertown, NL. <http://www.env.gov.nl.ca/env/env/EA%202001/pdf%20files%201221-1309/1297%20-%20DuckPondCamp/1297%20-Reg.pdf> (19.9.2009).

Berg, L. (1986) From towns to wings to wheels at Sterco. In: *Towns, Wheels or Wings for Resource Development?* Selected Conference Papers from the February 3-4, 1986 Conference, Vancouver, B.C. Institute for Research on Public Policy (IRPP): Victoria, B.C., pp 30-32.

CBC (2006) *Green light for Fort McMurray work camps*. <http://www.cbc.ca/canada/story/2006/03/15/work-camps-fort-mcmurray060315.html> (19.9.2009).

CME (2005) Fly-in/Fly-out: A sustainability perspective; A discussion of the triple bottom line impact of fly-in/fly-out operations in Western Australia's resource sector. Chamber of Minerals and Energy: Western Australia, Perth.

Community Resource Services Ltd. (1996) *Long Distance Commute Mines Survey*. Unpublished data report on Canadian commute mining operations. Community Resource Services Ltd.: St. John's, NF, Canada.

Dames & Moore (2000) *Mt. Margaret Nickel Cobalt Project PER*. Report prepared for Anaconda Nickel Limited and submitted to the Environmental Protection Authority, Government of Western Australia: East Perth, WA, Australia.

DePape, D. (1984). Alternatives to single project mining communities: A critical assessment. In: *Mining Communities: Hard Lessons for The Future*. Proceedings No. 14, Centre for Resource Studies, Queens University, Kingston, Ontario, pp. 83-95.

Diment, W. (1986) Report on Canadian Mining Practices in the use of Fly in/Fly out and Compressed Work Schedules Modes of Operation. Department of Mines, Government of Western Australia: Perth, WA, Australia.

Eilmsteiner-Saxinger, G. (2010) *Commuting to the Siberian far North – when Extreme becomes Normality*. In: TRANS – Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften, Vol. 17, <http://www.inst.at/trans>

Glass, R. D. and J. Lazarovich (1984) The government perspective. In: *Mining Communities: Hard Lessons for the Future*. Proceedings No. 14, Centre for Resource Studies, Queen's University: Kingston, Ontario, pp 63-76.

Hobart, C. W. (1989) Company town or commuting: Implications for native people. In: R. Robson (ed.) *Fly-in and the Future of Canadian Northern Development*. Northern Studies Series No. 1, Institute of Urban Studies, University of Winnipeg: Winnipeg, Manitoba, pp 25-38.

Hogan, L. and P. Berry (2000) *Mining and regional Australia*. Australian Commodities. Vol. 7, No. 4: pp 648-659.

Kennett, (1999) *A Guide to Impact and Benefits Agreements*. Canadian Institute of Resources Law, University of Calgary: Calgary, AB, Canada.

Lucas, R. (1971) *Minetown, Milltown and Railtown; Life in Canadian Communities of Single Industry*. University of Toronto Press: Toronto, ON, Canada.

McGrath, S. (1986) *Tumbler Ridge: An assessment of the local government method of resource community development*. Impact Assessment Bulletin. Vol. 4, No.1-2, pp 211-236.

Newton, P. W (1986) *New towns for the North? Settlement options for resource development in remote regions of Australia*. In: *Towns, Wheels or Wings for Resource Development?* Selected Conference Papers from the February 3-4, 1986 Conference, Vancouver, B.C. Institute for Research on Public Policy (IRPP), Victoria, B.C., pp 54-87.

Nogas, F. R. (1976) *Fly-in program at Rabbit Lake*. In: CIM Bulletin. Vol. 69, No. 774, pp 125-128.

Pattenden, C. (2005) *Shifting Sands: Transience, Mobility and the Politics of Community in a Remote Mining Town*. Unpublished PhD Thesis, University of Western Australia. Perth, WA, Australia.

Priestley H. (2000) *Fall of the mining town*. In: *Eastern Goldfields in Focus 2000, Australia's Mining Monthly*. Perth, WA, Australia, pp 38-41.

Radetzki, M. (2006) *The anatomy of three commodity booms*. In: Resources Policy. 31(1): pp 56-64.

Radetzki, M., R. G. Eggert, G. Lagos, M. Lima and J. E. Tilton (2008) *The boom in mineral markets: How long might it last?* In: Resources Policy. Vol. 33: pp 125-128.

Robinson, I. M. (1984) *New resource towns on Canada's frontier: Selected contemporary issues*. In: D. D. Detomasi and J. W. Gartrell (eds.) *Resource Communities: A Decade of Disruption*. Westview Press: Boulder, Colorado, pp 1-21.

Robson, R. (1988) *The decline of resource towns*. Paper presented to the Canadian Urban and Housing Studies Conference, Institute of Urban Studies, University of Winnipeg, Winnipeg, Manitoba, February 18-20.

RMWB (2006) *Municipal Census 2006*. Regional Municipality of Wood Buffalo: Fort McMurray, Alberta, Canada.

Shell Canada (2007) *Doors open at Albian Village*. News release, Shell Canada Limited, August 27 2007. http://www.shell.ca/home/content/ca-en/news_and_library/features/feature_albian_village.html

Spies, M. (2006) *Distance between home and workplace as a factor for job satisfaction in the North-West Russian oil industry*. In: Fennia 184(2), pp 133-149.

Western Australia (1991) *The Demography of Long Distance Commuting in the Western Australian Mining Industry*. Report prepared by the Mining Engineering Division, Department of Mines, Government of Western Australia, Perth, WA, Australia.

Western Australia (1999) *Western Australia Statistics Digest, Mineral and Petroleum Production 1998-1999*. Department of Minerals and Energy, Government of Western Australia: Perth WA, Australia.

Storey, K. and M. Shrimpton (1988) *Long-Distance Commuting in the Canadian Mining Industry*. In: Working Paper 43, Centre for Resource Studies Queen's University: Kingston, ON, Canada.

Storey, K. and M. Shrimpton (1986) A review of the nature and significance of the use of long distance commuting by Canadian resource industries Report prepared for Health and Welfare Canada. In: *Review of Demography and the Implications for Economic and Social Policy*. St. John's, NL, Canada.

«Город стал родиной для жителей, но умирать здесь никто не собирается»: Антропологические размышления о человеческих сообществах в северном городе

Ф. Штаммлер

Почему люди остаются на длительный срок в северном городе, как у них может развиваться чувство принадлежности к городу, у которого история очень короткая? А почему другие жители уезжают оттуда? Тема широкая, и подходы к ней различны. В рамках проекта MOVE-INNOCOM мы в течение четырех лет изучаем историю и современную жизнь в промышленных городах севера. Проект представляет в рамках международного полярного года (МПГ) результаты международного сотрудничества в исследовании мобильности населения циркумполярного севера и устойчивости северных сообществ (BOREAS MOVE). Мы включаем анализ государственного и корпоративного подхода к движению населения на севере, осуществляемого либо путем переселения, либо путем вахтового метода промышленного развития. В западной теории миграции недостаточное внимание уделяется влиянию таких принципиальных направлений развития территории на решение населения перенести свое место жительства (Pilkington & Fiskali 1999). Как такая политика и действия разных учреждений влияют на решение людей передвигаться?

В этой статье используется материал проекта, воспоминания жителей промышленных северных городов, разных регионов России, опыт которых мы сравниваем. Главное внимание при этом уделяется городам ЯНАО и Мурманской области. В проекте анализируется роль ключевых личностей в создании городского общества – руководителей предприятий, администрации, архитекторов, и других. Мы убеждены, что «историю делают люди», но этим людям наука не уделяет внимания. Именно происхождение, работа, опыт и социализация людей во многом определяют развитие и принятие решений в современной жизни, а не только экономические аспекты.

Место и роль человека в северном промышленном городе исследовать «от и до» невозможно в пределах одного проекта, что не продвигает вперед научное понимание процессов движения и поселения человека. Поэтому, подвергнем анализу три комплексные, на первый взгляд будто бы противоположенные, пары терминов:

- линия/путь (1 димензионно) - место / пространство
- движение/переселение - привязанность к месту
- временность - постоянность

Все работы сотрудников проекта, а также зарубежных и российских партнеров, выступивших на конференции в декабре 2008 г. в Новом Уренгое, так или иначе связаны с этими парами терминов, над которыми стоит думать, поскольку они действуют как «координаты», на которые человек ориентируется в северном (и не только северном) городе.

Автор этих строк начинал работать на Севере не в городах, а в тундре с кочевниками-оленеводами, с которыми жил длительное время. Их подход к жизни и к социальному пространству помогал понимать, как устроена городская жизнь. Может быть, из-за того, что на первый взгляд жизнь в тундре и в городе сильно отличаются. Ниже постараюсь объяснить, почему:

Линия – место

Для кочевника быть в пути – цель жизни. Как только он приезжает на место, тут же его тянет вновь к передвижению. Он ощущает свою тундру через движение по ней, и это дает ему чувство уверенности в себе. Движение вписывается в тундру / ландшафт / природу. Собственно говоря, кочевник со своим движением – часть этой тундры. Для оседлого человека быть на своем месте – цель жизни. А вся его жизнь – это движение по одной линии. Кто-то ее называет «линия судьбы», кто-то «путь жизни». На этой линии есть определенные места, где мы останавливаемся, допустим, в северном промышленном городе. Об этом процессе пишет Тим Инголд – самый известный северный антрополог, в своей последней монографии «Линии: краткая история» (Ingold 2007). В главе 3 мы узнаем, что движение по земле (по тундре) и жизнь на определенном месте – способы плести линию биографии в контексте окружающей среды. В отличие от Инголда мы здесь интересуемся больше значением места, чем линией для человеческой жизни.

Что такое «свое место»? Для кочевника – это путь календария, по которому он передвигается, ощущая себя частью тундры. Это не любая тундра, это его тундра, его «исконная земля», как объяснил оленевод Ямала (Stammler 2005, 233-236, 332). Для оседлого человека «свое место» – это место, которое он сам себе создает через строительство дома, через работу на дачном участке или через создание северного промышленного города.

Именно северные города позволяют изучить процесс создания, потому что он не так давно начался. Оседлый человек изменяет ландшафт, где он живет, он становится его местом. И это создание является частью целой жизни. Самый яркий аспект такого процесса создания – строительство. Поэтому человек: русский, финн, англичанин, американец – хочет построить свой дом. Аналогично государство найдет свою идентичность, если оно изменит свою территорию своими усилиями, оставит свой след в ландшафте.

Привязанность появляется через создающий, изменяющий труд. Индивидуум или семья строят свою идентичность тоже частично через свой дом. Общество или государство – через свои города и промышленность. Яркие примеры – это новые столицы: Астана (Казахстан), Бразилия, Берлин или ресурсные столицы, как Новый Уренгой. При освоении российского Севера появились новые стройки, новые города. Появилась своя идентичность людей, у которых есть специфические «северные» свойства. На примере собеседников в нашем проекте, литературных примерах северных авторов, профессионалов или любителей, можно хорошо видеть привязанность человека к тому, что он создал. «Что делают северные новые города с человеком, который в них живет? Каким он становится в них? Каким путем развивается общество в таких новых городах?» – вот темы нашего исследования.

Политики коренных народов говорят вам: «Вы приехали на нашу землю». Да, конечно! Но то, что создано здесь в городах, кочевникам чужое. Это не их города, это не их образ жизни, это не их заводы, трубопроводы. Это – ваша заслуга, но и ваши проблемы. И то и другое необходимо обсуждать в книге о северном промышленном городе.

Какая заслуга мы имеем в виду? До первостроителей была «голая тундра», «необжитые места», «снежная пустыня». Для кочевого человека это, конечно, совсем не так. А что есть сейчас? В уважаемом зале проводятся научные и деловые встречи на высшем уровне. На последнем этаже Делового центра «Ямал» можно греться в алтайских лечебных бочках, все «южное» есть здесь, на Севере. Поэтому, приезжему человеку можно хорошо прижиться – и это уже не мир кочевника. Заслуга ваша – это все, что мы видим на севере, созданное вами и добавленное в мировое культурное наследие. Такое единственно в своем роде. Цель была – создавать такие же условия жизни людей, как в самых благополучных городах России. Эту цель вы достигли.

Заслуга кочевника тоже единственна в своем роде, но в противоположенном смысле. Заслуга коренного кочевника в том, что тундра осталось тундрой, а он показал, что в тундре можно жить без большого физического следа, без изменения образа тундры. Жизнь кочевника не знает огромных импортов. Кочевник показывает, добавляет в мировое культурное наследие тот уклад, который совершенно адаптирован к северным условиям. Он найдет на месте все самое необходимое для жизни. Каждое дело, каждая вещь продумана до конца и проверена опытом. Лишнего ничего нет. Поэтому тундра не гибнет.

А при образе жизни приезжего человека она может гибнуть, потому что его уклад возможен только при огромных вложениях и перевозках «с юга», т.е. из вне Севера. Оседлость в промышленных городах Севера поэтому является изначально «южной оседлостью», но она получит со временем «северное вдохновение» именно через процесс создающей работы людей на северной земле. В последние двадцать лет об экологической опасности такого образа жизни стало известно всем, и люди стали адаптироваться. Не в последнюю очередь в связи с глобальным изменением климата не только общества запада, но и ученые России (Мочалов и.д. 1999), и политики, и добывающие компании России стали задумываться об организации жизни более устойчивой для будущих поколений. Еще в 2004 г. в докладе Н 36 Госсовета РФ написано, что «перспективы устойчивого развития Севера в значительной мере зависят от решения градостроительных вопросов» и что «вопрос устойчивости и надежности массовой плотной застройки, осуществляемой в условиях вечномерзлых грунтов и глобального потепления климата» становится приоритетной проблемой в этом плане (Госсовет 2004). Это говорит о том, что места, которые появились на карте путем огромного переселения людей с юга по разным причинам (комсомольские стройки, распределение, северные надбавки), стали частью общей стратегии устойчивого развития российского Севера.

Движение/переселение – привязанность к месту

С двумя терминами – движение и привязанность к месту – связана актуальная проблема присутствия людей в промышленных городах. Построить города и поддерживать их для оседлого образа жизни человека в тундре – не просто и не дешево. Поэтому возникают идеи переселения людей с Севера, которые не включены непосредственно в рабочий процесс. Поэтому, говорят «работать на Севере хорошо, и можно, но отдыхать – слишком дорого». В конечном итоге такой подход означал бы полный переход на вахтовый метод. Именно таким образом многие в России поняли предложения Хилл и Гадди (Hill&Gaddy 2003), которые этим нанесли боль тем северным людям, которые все здесь создали. Даже руководители больших предприятий думают, что нельзя полностью переключиться на вахтовый метод. Некоторые работы (Storey 2001), представленные на конференции в Новом Уренгое в декабре 2008 года, это замечательно показывают, в том числе работы зарубежных коллег. Становятся понятными вложения администраций предприятий в развитие городов (например, дом для престарелых людей в Новом Уренгое, Газпром детям и т.д.). Людей просто так выселять нельзя.

Дмитрий Медведев, будучи вице-премьером, говорил, что полный переход на вахтовый метод при освоении северных природных ресурсов является «чужью». Геннадий Олейник, председатель комитета Севера и МНС Совета Федерации считает, что «государству необходимо в первоочередном порядке создать условия для того, чтобы Север вновь стал привлекательным местом не только для заработка, но и для жизни».

Поэтому радует, что в большинстве северных промышленных городов России есть даже то, что можно считать, говоря словами жителя Анапы, «слишком дорогим». Хорошие условия жизни улучшают результаты на работе. А хорошие условия – не только материальные. Для душевного спокойствия русскому человеку нужна семья. Одна собеседница нам говорила: «Без семьи нельзя русскому мужику». Сюда же можно включить социально-духовное пространство: это и наши родители, бабушки и дедушки, и наши кладбища. Поэтому в Новом Уренгое, например, строится мечеть, храм, и совсем не далеко друг от друга. Директор строительной компании – человек очень

уважаемый из Дагестана, сам мусульман. Мне очень хотелось бы, чтоб подобное было возможным, чтоб мусульманин строил храм христианский, а христианин – мечеть рядом. Это настоящая религиозная толерантность, которую мы наблюдаем в течение трёх лет работы нашего проекта и которая слышна в отзывах жителей городов. Такая тенденция развития радует.

История северных промышленных городов молода, так как жители либо сами переселились из других регионов, либо их родители или бабушки/дедушки. В процессе переселения и создания «своего места» (см. выше) создавались настоящие северные сообщества, по мысли социолога Фердинанд Теннисес (Tönnies 1887 [2005]), где у членов сообщества ярко выражено чувство принадлежности к коллективу, и высокая готовность вкладывать усилия в поддержку коллектива. Этим можно объяснить чувства и решения людей в северных городах, включая неработающее население, которые не хотят уехать даже не на «историческую родину». Это значит, что у них привязанность к «новому» месту и к сообществу сильнее, чем преимущества обратного переселения на более комфортное южнее место. Таким образом, в нашем анализе процессы переселения и привязанности к месту надо рассматривать совместно.

Временность – постоянность

Одна собеседница из Нового Уренгоя рассуждала о своём отношении к городу так: «Мы – перелетные птицы: каждую весну улетаем, а потом опять тянет сюда». По проекту МУВ-ИННОКОМ полученные сочинения школьниц школы № 3 Нового Уренгоя содержат подобные рассуждения. Одна спрашивает: «Почему, мечтая навсегда покинуть этот богом забытый край, мы снова и снова возвращаемся обратно, как птицы?». Интересный вопрос вообще: а где они дома? На «исторической родине» или на Севере? А где разница между домом и родиной? Собеседница ответила на мой вопрос ясно: быть дома – это в Новом Уренгое. И, тем не менее, она не собирается жить в этом городе всю жизнь. В работах молодых новоуренгойцев чувствуется некая неуверенность в ответе на такие вопросы и это не удивительно – ведь и у взрослого поколения нет однозначного чувства принадлежности или к северному месту жительства – или к более южному месту происхождения. Только единицы из наших собеседников с уверенностью знают то место, которое для них «главное», и даже в сочинениях, авторы большинства которых родились на Севере, большинство чувствует принадлежность к месту «на земле», хотя у многих ощущение «дома» ассоциируется с Севером.

Значит, есть какое-то интересное сопоставление временности и постоянности в ощущении «местного» аспекта своей идентичности. У северян с южными корнями есть, скорее всего, привязанность и к тому и к другому месту. Наши и другие исследования показывают, что одно не исключает другое, из чего исходит интересное теоретическое предложение, о котором речь идет ниже. Одновременная принадлежность и месту на Севере и на «земле» – это один аспект формирования идентичности в пост-миграционном контексте среди «второго поколения», т.е. те, кто не сами переселились, но чьи родители переселились.

В промышленных городах именно ЯНАО (а не в Мурманской области, например), понятие «земля» что-то особенное, как отмечает Липатова (этот сборник) в конце своей статьи. В других северных городах это «материк», «большая земля», «средняя полоса», «центральные регионы». А для жителей промышленных городов ЯНАО на противоположенной стороне «земли» находится «Север». Причина «иноземельности» Севера в разных беседах и городах отличаются по рассуждениям. Если в Новом Уренгое больше всего ссылаются на мерзлоту, то это означает, на Севере такой земли, на которой можно работать нет. В Надыме и Пангодах, например, часто упоминается, что эти северные населенные пункты «оторваны от земли». Значит, ни авто, ни железных дорог нет, и только воздушным транспортом можно добраться, как на остров или на другую планету. Поэтому, северное население именно «на землю» едет отдыхать. Хотя сейчас и до Надыма и Пангод можно добраться на машине, долговременное отсутствие наземного транспорта продолжает влиять на восприятие людей. Это очередной пример той известной закономерности, что идеи и убеждения могут изменяться медленнее, чем реальность.

Естественно, человеку трудно себе представить постоянную жизнь «вне земли». По этому, не удивительно, что во всех наших беседах мы еще сталкиваемся с понятием временности, хотя многие уже постоянно живут в северных промышленных городах не первое поколение. Это, видимо, свойство «новых» промышленных городов в целом. По нашим исследованиям, в ЯНАО ощущение временности еще больше, чем, например, в промышленных городах Мурманской области. Цитата собеседника из Надьма: «Город стал родиной для жителей, но умирать здесь никто не собирается» – в этом плане показательна.

Проблема здесь, наверно, в различии между представлением и практикой. Разумова (2005) отмечает, что в Мурманской области идеи восприятия и реальная жизненная практика во многом отличаются именно у жителей северных городов – бывших мигрантов. Если человек живет большую часть жизни на Севере, почему он себя ощущает временным? Даже если здесь прожить до конца, не обязательно у человека возникает чувство постоянности. Сейчас здесь уже есть и кладбища, и дома для престарелых, но, тем не менее, подавляющее большинство людей «не собираются здесь умереть». Как мы можем понять такое положение? Это все еще временность? Такая же проблема у вахтовиков: вахтоваться всю жизнь – это временно? Даже один школьник пишет в своем сочинении, что у вахтовиков Север становится вторым домом.

Люди живут практически постоянно хотя бы часть года на Севере, но в их представлениях это не постоянная жизнь. Это либо жизнь на Севере между двумя отпусками на юге, либо «вечная» подготовка к спокойной пенсионной жизни «на земле» и накопление средств. До недавнего времени практика северной жизни у многих из наших собеседников была более «временная». Это значит, что они не вложили лишние деньги и усилия в обустройство своих квартир, в машины, в дачу на Севере. Как некоторые говорят, «кушали из банок, жили в общежитиях, спали на старых советских диванах или на полу, ни мебели, ни машин не купили для Севера». А как человек справляется с таким различием – в мыслях быть временным и постоянно жить так? До какой-то степени это то – же самое, как, допустим, я живу с женой, может быть, сорок лет, но каждый день не знаю: будем ли мы еще вместе завтра или нет? Кажется, это может стать большой нагрузкой, как для людей, так и для самосознания городского общества в целом. Доклады психологов в этом сборнике и работа Гертруде Эйлмштейнер (в этом сборнике) показывают такое положение.

Однако, практика временности в ежедневной жизни изменилась у людей в последние годы. Согласно нашим исследованиям жители сейчас покупают всё для уютной жизни в промышленном городе, включая квартиры и дачи, если средства позволяют. Сначала казалось, что ощущение временности с этой практикой исчезнет. Но это, видимо, не так. Подавляющее большинство собеседников не связывает благоустройство своей северной жизни с постоянностью. Скорее, планируют продать все при переселении на юг «на старости лет» или оставить детям. Даже новоуренгойские «дачники» думают, что многолетняя жизнь на Севере (просто так дачу и землю не приобретешь) не постоянная. Одна собеседница правильно заметила, что изменения в жизненной практике скорее всего связаны с тем, что люди могут себе позволить вложить и в жизнь на Севере в настоящее, и в отпускное время, и в будущую жизнь «на земле».

Не в последнюю очередь такое развитие связано и с восприятием стабильности северных городов: в жизнь в «умирающем» северном городе никто не вложил бы усилия. Восприятие стабильности возникает благодаря экономическому развитию и политике администраций, которые все больше действуют как в постоянных поселениях, а не как в рабочих «спальных» поселках. Сочинения школьниц и исследования Кита Сторей (Storey 2001, и см. в этом сборнике) ясно говорят о том, что это важный элемент жизненной перспективы в промышленном городе. Кто же хочет жить и рожать детей в городе, в котором, кроме работы, нечего делать?

Несмотря на жизненную практику жителей и учреждений, которая кажется более постоянной и устойчивой, временность в смысле планов на будущее как постоянное духовое состояние свойственна многим. Как пишет одна школьница, многие «живут теорией временщиков, и

это плохо сказывается на городе, чистоте его улиц, нравственном и духовном здоровье». В северных городах последних десяти лет можно видеть, что обустраивающая жизненная практика хорошо сказывается на устойчивости и жизнеспособности городского сообщества. Но пока временный подход к северной жизни остается в городе, предполагается, что городское сообщество не может стать совсем «нормальным», как в постоянных городах других регионов.

Еще первые советские руководители понимали, что для устойчивости режима в отдаленных регионах полезен такой процесс как «коренизация» (Slezkine 1994, Суни 2006). Сталин считал, что в партийных кадрах должно быть больше коренных жителей региона, чтобы сочетались цели власти и населения. В нашем контексте мы можем предлагать полезность подобного процесса не под названием «коренизация», а условно называемой «местнизацией» населения северного промышленного города. Большинство наших собеседников, как и школьников, авторов сочинений, признают, что коренное население – это в северном контексте все-таки представители малочисленных народов. А долго живущие на Севере или потомки переселенцев называют себя местными, в отличие от приезжего населения, которое ассоциируется в наших беседах и сочинениях больше с теми, кто кратковременно живет на Севере, чтобы заработать.

«Местнизация» населения в северном промышленном городе – это процесс постепенного изменения временного к постоянному в отношении настоящего и будущего городского сообщества. Когда все больше людей готовы к такому процессу местнизации, северное городское сообщество приобретает более постоянный облик, в котором переселение жителей в связи с учебой, пенсией или по другим личным причинам уже рассматривается не как знак угрозы для жизнеспособности и устойчивости будущего сообщества, а как нормальное явление в контексте любого постоянного населенного пункта, в котором значительная часть населения является мобильным (Heleniak 2008).

В городах, где нами проводились исследования, все говорили о долговременном будущем населенного пункта, имея в виду большой потенциал подземных кладовых. Однако стоит отметить, что долговременность города – это не совсем постоянность. С принципиальной и буквальной точки зрения, долговременность тоже временность, и разница в жизненной атмосфере города и в устойчивости его сообщества против кризисных ситуаций все равно будет чувствоваться. Это становится ясно при сравнении восприятия временности и постоянности в региональных столицах Севера и в промышленных городах. Если в Салехарде, Нарьян-Маре, Якутске или Рованиеми (Финляндия) нет сомнений, что город всегда будет населенным и жизненным центром, то у молодых промышленных городов этот вопрос связывается с наличием ресурса.

Там, где успешная «местнизация», где переселенцы и их потомки пустили свои «корни», там население связывает свое пребывание в городе не только с наличием одного единственного промышленного ресурса: газа, нефти или железа. Происходит процесс экономической диверсификации за счет креативных и деятельных северян, которые могут воплотить свои профессиональные идеи в жизнь. Если такой процесс происходит при поддержке администрации, такая диверсификация быстро набирает скорость и способна повысить экономическую устойчивость города.

Рассуждение

В который раз беру билет на землю

И улетаю навсегда домой.

Но только знаю то, что я приеду,

Вернусь к тебе, мой Новый Уренгой...

В этом стихотворении ученицы представлены три главные пары противоположенных терминов, которые мы постарались проанализировать выше:

1. Билет на «землю» позволяет связать прямой ЛИНИЕЙ два важных МЕСТА в жизни человека (линия-место).
2. Стремление покинуть Север показывает ПРИВЯЗАННОСТЬ к «земле», хотя уже предки автора оттуда ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ. Привязанность развивалась к обоим местам, и поэтому люди ежегодно ПЕРЕДВИГАЮТСЯ между Новым Уренгоем и «землей» (движение/переселение – привязанность к месту).
3. В стремлении покинуть Север навсегда мы видим ощущение временности в жизни автора. Привязанность и к Новому Уренгою, и к «земле» являются постоянными, поэтому и не ожидается конец сезонного передвижения между двумя местами (временность – постоянность).

Известный немецкий социальный теоретик Улрих Бек развивал теоретическую раму для роли места в глобализованном мировом обществе, которая позволяет и в нашем случае понимать многослойные аспекты идентификации. Он называет принадлежность к разным местам «местной полигамией» (*place polygamy*, Beck 2000:72). Человек может принадлежать («быть женатым/замужем») к разным местам одновременно, и они все участвуют в формировании его идентичности. Кажется, что именно это и происходит здесь между «землей» и северным промышленным городом, и не надо, как Бек, ограничивать «местную полигамию» в контексте международной миграции. Если экстраполировать это на все общество, можно спросить: что это за город, у жителей которого есть одна местная идентичность общая, а другая идентичность у всех разная. Потому что они приехали из разных точек Союза?

Такая гибридная идентичность у людей является более нормой, чем исключением, как отметил немецкий антрополог Г. Ельверт. Идентичность индивидуума состоит из разных частей и разных слоев, и все важны. Ельверт (Elwert 1997) показал, как отдельные такие части идентичности могут быть активированы в подходящих периодах и ситуациях. Например, надымчане обращают внимание на различность их «местной» городской идентичности и новоуренгойской. А когда встречаются друг друга по дороге «на землю», моментально активируется общая северная принадлежность, ведь они близки по «северному братству». Ельверт называет этот процесс «переключением идентичности» (*identity switching*) в контексте «многослойной идентичности» (*multiple identity*).

Поэтому предполагается, что «местная полигамия» жителей северных городов не мешает процессу «местнизации», полезность которого описана выше. Человек может развивать принадлежность к своему северному городу без того, чтобы потерять связь с «землей». Северное сообщество в городах может быть вполне жизнеспособно, по мысли Ф. Тенниеса (Tönnies 1887), долгое время, и принадлежность к «земле» не мешает преодолевать проблемное восприятие временности пребывания человека на Севере.

Возникает вопрос: неужели все компоненты в «местной полигамии» абсолютно равны? Есть ли какая-то иерархия мест у людей? Хочется узнать, принадлежит ли человек одному месту больше, чем другому? С научной точки зрения на такой вопрос ответить окончательно нельзя. Чувство привязанности к месту появляется в результате практической деятельности и накопленного опыта. Разновидность подобных личных историй большая, и в этом богатство такого рода материала, который Разумова (2005) называет «миграционным текстом» (на примере Мурманской области). Мы объяснили в начале статьи: первое поколение жителей города создают и место, и сообщество «с нуля», и этим процессом создания становятся привязанными к своему месту. Поэтому стоит исследовать дальше, как отражается жизненная практика человека на его идентичности, какую роль играет место в формировании этой идентичности.

Поскольку жизненная практика людей отличается, важность места у них отражается по-разному и влияет на решение человека остаться на Севере или переселиться. Полностью стоит поддержать мнение Разумовой (2005:128), что изучение таких культурных практик стабилизации и мотивации миграции является важной задачей. У многих жителей чувство привязанности к северному городу ощущается больше всего, когда они уехали «на землю». Тогда их тянет на «свой север». А пока они там находятся, они могут думать, что они на «исторической родине». Очень хорошо это чувствуется из бесед и сочинений школьников. Следует отметить, что иерархия важных мест в понятии людей вообще, и населения северных городов особенно, может меняться в зависимости от ситуации, в которой их привязанность к месту может приобрести значение в жизненной практике.

Всех авторов этого сборника объединяет живой интерес к северным городам. Поэтому нам интересно узнать и изучать, в какой мере северный промышленный город и его сообщество может быть устойчивым и жизнеспособным (*viable community*). Общий опыт жизненной практики на Севере привязывает людей к новым местам, которые они создали, и привязывает их друг к другу. Эта привязанность сейчас передается через родителей и учителей молодому поколению, как показывают сочинения, полученные в ходе исследований проекта MOVE-INNOCOM. Результаты показывают, что это может стать надежной основой постоянно жизнеспособного городского сообщества.

В этой статье мы постарались показать, каким образом человеческие сообщества могут развиваться вместе с местами «с нуля» на примере новых северных промышленных городов, чьи территории были раньше тундрой – местом традиционного проживания коренных народов Севера. Мы исследовали процессы становления таких мест на Севере через призму трех пар ключевых терминов: «линия – место», «движение – привязанность» и «временность – постоянность». Через анализ интервью с населением северных городов и сочинений школьников одной школы мы показали, как эти термины вплетены в биографию людей, как связаны с их ежедневной жизнью, воспоминаниями, идеями и планами на будущее.

В итоге можно сказать, что жизнеспособность нового промышленного города не в последнюю очередь зависит от того, как сообщество в нем справится с напряжением между якобы противоположенными понятиями этих пар терминов. В статье процесс «местнизации» населения одновременно с поддержкой «местной полигамии» (Beck 2000) предлагается как способ решения проблемы неясных отношений жителей к своему северному городу. В устойчивом городе каждый может решить, остаться или переселиться на другое место, так как жизнеспособному органичному сообществу полезно движение части населения. Таким образом, северный промышленный город и с ним сообщество переселенцев и их потомков могут успешно расширить свою жизненную основу и развиваться наряду с другими городами уже не как временные, а постоянные компоненты устойчивой Арктики, от которой не в малой степени зависит будущее нашей планеты.

Литература

Beck, Ulrich. 2000. *What is Globalization?* (P. Camiller, Trans.). London: Polity Press.

Elwert, Georg 1997. "Boundaries, cohesion and switching: on We-groups in ethnic, national and religious forms". *Rethinking nationalism and ethnicity: the struggle for meaning and order in Europe*. Hans-Rudolf Wicker (ed). Oxford, New York: Berg publishers, pp. 251-271.

Heleniak, Tim. (2008). "Changing Settlement Patterns across the Russian North at the Turn of the Millennium". *Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, industries and populations from Murmansk to Magadan*. M. Tykkylainen & V. Rautio (Eds.), Helsinki: University of Finland.

Hill, Fiona, and Clifford Gaddy. 2003. *The Siberian Curse: How communist planners left Russia out in the cold*. Washington D C: Brookings Institution Press.

Ingold, Tim 2007. *Lines. A brief History*. London: Routledge.

Pilkington, Hillary, and A. Fiskali. 1999. «Постсоветские миграции в контексте Западных миграционных теорий» в движении добровольным и вынужденном. *Постсоветские миграции в Евразии*. Под редакцией А. П. Вяткина, Н. П. Космарской, and С. Панарина, сс. 78-89. Москва: Из-во Наталис.

Razumova, Irina 2005. "On the problems of local identity and contemporary Russian "migratory texts" (with reference to the Northwestern region of Russia)," in *Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness*. Edited by P. Hakamies, pp. 110-129. Helsinki: Studia Fennica.

Slezkine, Yuri. 1994. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Cornell University Press: Ithaca.

Stammler, Florian 2005. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Vol. 6. *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. Münster: Lit publishers.

Storey, Keith 2001. «Fly-in/Fly-out and Fly-over: Mining and Regional Development in Western Australia». *Australian Geographer*, Vol. 32, No.2:133-148.

Tönnies, Ferdinand 1887 [2005]. *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Госсовет 2004. Государственный Совет РФ, Заседание Н 36, «Основные направления государственной политики в отношении северных территорий России». 28/04/2004. Доступно на <http://www.kremlin.ru/text/appears/2/2004/04/28/97302.shtml>, проверено 25 мая 2009 г.

Мочалов, А.А., Пархоменко, В.П., Тарко, А.М. 1999. «Глобальное потепление и арктика». *Экология и жизнь*, №. 4, доступно на <http://www.ecolife.ru/jornal/ecap/1999-4-2.shtml>, проверено 1 июня 2009 г.

Нетребо, Леонид 1999. *Пангоды*. Екатеринбург: ФГУИПП "Уральский рабочий".

Суни, Рональд Григор 2006. *Уроки империи: Россия и Советский Союз. Прогнозис №. 4 (8)*, доступно на http://www.intelros.ru/2007/08/09/uroki_imperii_rossija_i_sovetskijj_sojuz.html, проверено 1 июня 2009 г.

”The City became the Homeland for its Inhabitants, but Nobody is Planning to die here” – Anthropological Reflections on Human Communities in the Northern City

F. Stammler

This contribution developed out of the keynote speech given at the conference ”Life, Labour and Socialisation in the northern Industrial City” in Novy Urengoy. The paper traces the ways in which places and human communities in the North develop “out of the blue”, i.e. out of the tundra, previously used by indigenous peoples of the North for their traditional livelihood. I suggest analysing such complex developments through three key pairs of terms which at first glance seem to be opposed to each other: 1. line – place, 2. movement – attachment, 3. temporality – permanence. Analysing material from the MOVE-INNOCOM project in form of interviews and school pupils’ essays, I show how these terms are woven into the biography of northern city-residents. They enact the tension between these pairs of terms in their

everyday live and they perceive the inner qualities of these terms in their personal memories, stories, ideas and plans for the future. A viable future for the northern city community will also depend on the successful mastering of the tension between these pairs of terms in real life, particularly between practices of permanence and ideas of temporality in the North. The material speaks a clear language towards a strong 'place polygamy' (Beck 2000) among residents of northern industrial city residents. The argument put forward here is that 'localisation' of northern city residents as a process of developing roots contributes to overcoming the tension between temporality and permanence, while still allowing simultaneous attachment to several places (place-polygamy). Supporting such processes from different angles can contribute to a sustainable future of northern industrial communities and of the Arctic in general.

Глазами очевидцев: изучение освоения Тюменского Севера через воспоминания свидетелей событий

Л.Ф. Липатова

Я была привлечена Флорианом Штамлером к работе по международному проекту INNOCOM в 2007 году. Он знал, что я много лет записываю воспоминания людей разных поколений, живущих и работающих на Ямальском севере. Одна из моих книг, выпущенная в 2005 году, так и называется «20-й век глазами обдорян». Раньше весь наш край назывался Обдорья. Как и у каждого уголка страны, у него богатая история. А историю делают, прежде всего, люди. Становление нефтегазового комплекса в округе было большим событием не только для нашей страны, но можно сказать и для Европы. Естественно, что этому феномену посвящено много публикаций, но воспоминания людей помогают оживить исторические факты, наполнить их духом времени.

В данном проекте нас интересовали, в основном, следующие вопросы: причины приезда на север, как проходила адаптация в коллективе и в новой среде, что значат для каждого из приехавших понятия «второй родины» и «большой земли», отношение к природе севера и коренным народам, издревле живущим на этой земле, почему человек стремится уехать с севера или, наоборот, остаться навсегда, почему некоторые из уехавших возвращаются назад, хотят ли дети после окончания учебных заведений оставаться на севере и так далее.

За это время было записаны только на магнитофон воспоминания 34 человек. Среди них есть инженеры, рабочие, учителя, культработники, то есть люди самых разных профессий. Некоторые из них уже прозвучали в моих авторских программах «Дорогами кочевий» и «20-й век глазами очевидцев», которые еженедельно проходят на радио «ОГТРК Ямал-Регион». В этом году опубликованы две статьи в рамках данного проекта в журнале «Ямальский меридиан».

Хотелось бы привести буквально несколько фрагментов из воспоминаний информантов.

Константин Павлович Егоров – начальник Управления финансов администрации города Новый Уренгой, прибыл в город в 1985 году во главе Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени «Сорокалетия Победы», который формировался в Свердловске. Ему было в ту пору 24 года. Кстати, он сохранил всю атрибутику этого отряда: форму, документы, знамена и т.д. Кроме всего прочего, он замечательный краевед, много путешествует по округу, изучает его историю.

Лариса Александровна Мухачёва в те годы работала воспитателем сначала в деревянном общежитии, потом в восьмизэтажном.

Все восемь холлов общежития были оформлены по определённой тематике, каждую весну проводили конкурс самодеятельности «Уренгойская весна» между этажами. «А ну-ка парни» проводилось в феврале. Ежемесячно проводились викторины «А знаешь ли ты?» по литературным журналам: «Октябрь», «Москва», «Нева». Наградой победителям были книги, которые тогда были жутким дефицитом. В общежитии был организован свой театр, и даже в одной из бытовок устроили музей «Адрес подвига – Уренгой».

Ребята уходили в армию, возвращались, прямо в общежитии устраивались комсомольские свадьбы.

Очень помогал в воспитательной работе агитпоезд «Молодогвардеец». Он вставал на путях и по всем общежитиям, клубам проводились разные встречи с артистами, поэтами, писателями.

Ещё у Ларисы Александровны сохранились интересные расписки типа: «Я, Костырев Юрий Анатольевич, даю слово, что больше десяти ватт мой магнитофон выдавать не будет, впредь будем слушать только для себя».

Как отмечает Лариса Александровна, «у нас была другая психология, всё делалось в городе общими усилиями. Был какой-то всплеск патриотизма. Каждый чувствовал себя ответственным за всё. Была идея, что если ты участвуешь в общем деле, то уже достоин уважения. А главным было – добывать газ. А сам город построен на любви, поэтому он, в общем-то, и выжил. Хлюпики здесь не задерживались».

В 1994 году при ДК «Газодобытчиков» был создан клуб пенсионеров «Третий возраст», которым руководит Мухачёва. Мы побывали на одном из вечеров этого коллектива и были восхищены умением Ларисы Александровны заряжать людей энергией.

Виктор Егорович Селивёрстов приехал в Пангоды в 1972 году, когда первая скважина забурилась на Медвежьем. В Новом Уренгое с 1978 года, девять лет работал в ООО «Ямбурггаздобыча» и 15 – в ООО «Тюменьбургаз». Сейчас на пенсии, занимается резьбой по дереву. Он вспоминает:

«Многие сюда приезжали, чтобы отработав три года, заработать на квартиру, машину, дачу. Некоторые ели только одни макароны, детям не покупали конфет, чай заваривали по пять раз, ходили только в спецодежде. И уезжали. Но те, кто отработывал больше трёх лет, начинали внутренне меняться. То есть вот эта психология потребительская уже менялась, перерастала в другую. Постепенно менялся менталитет. Это выражалось, например, в том, что раньше могли по тундре проехать не в объезд, а напрямую, разорвать её гусеницами, но постепенно люди проникались добрым отношением к природе и, можно даже так сказать, перевоспитывались Севером, и уже одёргивали вновь прибывших: «Стой, так не надо делать, лучше так проехать, а ты сюда ломишься».

Многие люди, которые прожили здесь по тридцать лет, уже не возвращаются в свои родные места. Недавно я встретил своего давнего знакомого, он с Западной Украины. Он говорит: «Виктор, я не понимаю, но я там не могу». Его даже родственники считают москалём. Он, как и я на пенсии, живёт здесь, дети его уже выросли, есть внуки, это уже третье поколение пошло.

Последние годы я не мог полностью отгулять отпуск на юге, самое большое мог выдержать месяц, возвращался сюда догуливать отпуск, занимался чем-то в гараже, творчеством, просто ходил в тундру, собирал коряжки для будущих скульптур, грибы и ягоды. То есть я уже свою жизнь не разделяю от Ямала.

Михаил Александрович Бредихин – водитель вездехода. Работает в Управлении технологического транспорта и специальной техники ООО «Газпром добыча Уренгой». В 1982 году по вызову родственников приехал на север (без вызова тогда этого невозможно было сделать), потому что у сына была сильная аллергия, и врачи порекомендовали сменить климат. Его сняли с учёта, он забыл про астму. Служил, в Чечне воевал, даже попал на вторую войну чеченскую. Сейчас работает здесь. Ему 31 год.

Жить поначалу было негде, и Михаил Александрович решил купить балок. Нужно было 1,5 тысячи, по тем временам деньги немалые, и где их взять? «Пришёл к земляку: «Помоги». Приехали к его товарищу, зашли в балок. Земляк говорит: «Займи парню денег». Он открыл стол: «Сколько?» Достал: «На». Закрыл и всё. Он не спрашивал, кто я такой. Просто мой земляк попросил у него. Балки, вообще, в то время вообще никто не закрывал. Мясо, рыбу просто закидывали на крышу от собак. Потом уже пристрой сделали к балку. А прописка у меня была – база «Голубое озеро». Был район «Болото». Там тёк ручей. Люди прямо возле балков собирали грибы и ягоды. Рядом вторая школа была, которая развалилась. Перед приездом Горбачёва её снесли. Потом там стали свай

забивать, строить бамовские дома в этом месте. Раньше на работу ходили в болотниках, потому что через дорогу не перейдешь. Дождь, песок, жижа такая, как раствор.

Гостеприимней народа, чем ненцы, я просто не встречал. Один раз сломалась машина, и я жил у них, ждал, когда запчасти привезут. А ведь бывает и так, что наш брат хапнет лишку, начинает терять контроль и по-хамски, можно сказать, ведёт себя. А они терпят всё и даже из чума даже никогда не выгонят. Я знаю очень многих в тундре, меня даже ненецкому языку учили. Они очень читать любят, я им полбиблиотеки своей вывез. И ещё, в ту сторону еду, у знакомых спрашиваю, у кого какие есть вещи. «Соберите, пожалуйста». Я сразу говорю, мне не продавать, просто я отдам. Привожу мешки с вещами, некоторые бывают даже с этикетками – внучка выросла и не успела одеть. А один раз даже туфли на высоких каблуках положили. В чум привозишь: «Выберите то, что вам надо. Остальное повезу в следующий. Говорят: «Всё надо, родственникам отвезём». Всё забрали, остались одни туфли на каблуках.

На вопрос об отношении к северу Михаил Александрович ответил, что он очень любит природу севера. За 25 лет ни разу не болел, даже больничной карточки не было, пока в санаторий не поехал. Я не могу сказать, что я отдал свою жизнь северу, что-то мне север дал, что-то от меня взял, наверно».

Валентина Иосифовна Дранная – директор Дома Природы в Надыме, а вообще работает там с 1988 года. На вопрос, чем для неё является Надым, ответила так: «Для меня уже Родина. Я прожила 19 лет на среднем Поволжье, потом я 11 лет прожила в Таджикистане, и 29 здесь. Так вот где моя Родина получается? Уже можно сказать, что здесь. И очень тяжело куда-то уезжать. Просто, когда на пенсии живёшь, уже думаешь, что надо переезжать. На самом деле очень жалко уезжать. Здесь природа вызывает такое щемящее чувство, что невозможно от неё оторваться. Северную природу люди любят, тянутся к ней. Она всё равно богата животными, птицами, растениями, рыбой. Мы с одной нашей сотрудницей поехали в лес, нашли ягельное место. Там грибы. Подальше прошли, там брусника в лесу. И вот этот ягель, он же знаете, светлый такой. Солнышко светит, и листья такие жёлтые. Такая красота. И она говорит: «Я летаю, я в раю!» Правда, северная природа тоже красива по-своему.

Очень много сейчас остаётся пенсионеров, они не хотят уезжать, потому что здесь всё-таки социальная поддержка есть. Очень много наше руководство города делает для них. Для них построено здание «Добрый свет», куда они приходят. Кто может петь, тот поёт, кто может рукоделием заниматься, рукоделием занимается. Там у них есть тренажёры, они тренируются. То есть социальная поддержка очень большая.

Мы вообще-то хотим переехать в Тюмень, во-первых, мы не меняем резко климат, во-вторых, я могу приезжать к детям, которые остаются здесь, в-третьих, там есть своя поликлиника, социальная защита сохраняется, землячество есть. Мне просто хочется копаться в земле, выращивать овощи, фрукты, чтобы дети и внуки приезжали, отдыхали у меня на даче».

Я неплохо знаю историю округа, но каждый раз из бесед узнавала что-то новое. Это относилось не только к становлению нефтегазового комплекса, но, к сожалению, всего не скажешь в одном докладе.

Приведу последний фрагмент из разговора ещё с одним из ветеранов округа.

Иван Дмитриевич Марманов живёт в Надыме. Хотя ему 75 лет, но он до сих пор работает в «Надымдорстрое». Член Союза писателей. Пишет стихи и прозу. Человек удивительной судьбы. По национальности он грек. Во время войны был в партизанах. После войны семью выслали из Крыма в Сибирь. Окончил геологоразведочный техникум и уже поехал по распределению на работу, но за одно «неудачное» стихотворение попал на 501-ю стройку. После окончания срока заключения

окончил институт в Омске, получил специальность инженера-строителя дорог на вечной мерзлоте и в результате попал на работу в те места, где отбывал срок в ГУЛАГЕ.

«Я остался в живых благодаря Господу Богу, – говорит он. – Здесь проходит географический коридор. Дорога называлась Чум – Салехард – Игарка. Я вот от Салехарда, поскольку я пешком прошел много раз только до Пура, а потом до Таза, до Ермаково раза два ходил, так вот в этом коридоре прошли, проходит три эпохи: Сталинская эпоха, потом послесталинская – Брежнев, Хрущёв и другие командовали. И теперь третья эпоха это капитализм, после крушения Советского Союза, и в этом коридоре, проходит опять-таки. Я как на привязи у судьбы, как собака на цепи на каком-то невидимом канате, на канате трёх эпох привязан к этому коридору, потому что строилась железная дорога, и я был участником, будучи эзком. Потом я строил зимник от Салехарда до Медвежьего, пробивался опять по этому же коридору. Теперь пришёл капитализм, опять я строю зимник от Салехарда до Надыма – зимник из года в год. Капиталисты выкупают месторождения, и я опять строю им дорожки, дороги до Пангод и от Пангод до Уренгоя.

Можно уехать, предположим, в Москву. Но там же люди, как рыбы в консервной банке. А здесь простор для глаз, небо вон, прямо отсюда с кровати видно, горизонт такой.

Я сегодня проживаю на восьмом этаже здания жизни. И вот уже пять лет смотрю с высоты вниз и о Боже, какой обзор, как просматривается прожитая жизнь, и вся природа. Какое всё светлое и прекрасное. Ничего внизу нет плохого, а память восхищается светлыми воспоминаниями. Отсюда уточнённо воспринимается всё хорошее, детские голоса звучат завораживающе, дамы, детские коляски и милые капризы малышей. Красота всего и во всём жадно принимается душой и доставляет великую неповторимую радость, побуждающая доброту. Оказывается, что в этом мире поёт всё и вся. Поют реки и озёра, поют деревья и кусты, цветы и травы, поют птицы и насекомые, поют земля, облака и звёзды. Только жаль, это слышат не все. О, если бы у всех утроилось любовь к жизни, появилось бы умение радоваться и доставлять радость другим и замечать её в каждом прожитом дне. Эй, люди, коллеги и друзья осмотритесь с любовью с этажа своей жизни, прислушайтесь внимательно к себе и всмотритесь в собственную душу и вы обнаружите много прекрасного, оно в вас, вы обладаете огромнейшим богатством. Целое состояние кроется в том, что вы умеете ходить, видеть и слышать, умеете любить, трудиться и быть добрыми, так это же и есть то, что называется человеческим счастьем. И счастье это не простое, оно от Бога, обнаружьте его, оно же в вас самих. И тогда вокруг вас, и во всей вашей жизни будет столько всего прекрасного, сколько вижу я в настоящее время с восьмого этажа сказочного здания жизни, с вершины своих прожитых лет».

Можно только удивляться силе духа этого человека. Я прочту вам одно из стихотворений, которые Иван Дмитриевич декламировал нам с Флорианом в течение четырёхчасовой беседы.

Опять зовёт простор Ямала,
Не для меня уют квартир,
Пока душа не перестала
Искать пути ориентир ...
...Привык я выюгами дышать,
И для меня они не трудность,
Тебе ли ветер удержать,

Мою стареющую юность.
Твердишь, твердишь мне, берегись,
Пойми, напрасно свирепеешь,
Ведь ты лохмотьями пурги,
Заткнуть мне глотку не сумеешь,
Хотя вся тундра подо мной,
Снегами вспенится коварно,
Я след в сугробах Заполярья,
Оставлю чистый и прямой.

Наверно, и нам всем нужно стремиться к тому, чтобы оставить после себя «чистый и прямой след».

И ещё, очень хорошее определение дала бытующему здесь выражению – «земля» Валентина Ивановна Клименко, которая работает в Надыме директором комплексного центра социального обслуживания населения «Добрый свет»: «Сюда раньше можно было добраться только самолётом. Мы отрывались от земли и прилетали сюда, где в то время здесь было только болото или песок. Мы как бы отрывались от земли. Поэтому, наверно, и стали называть «землём» то, что мы оставляли за бортом самолёта».

В данное время работа по проекту продолжается, и надеюсь, она принесёт нам ещё много замечательных встреч с интересными людьми, которые стали северянами-ямальцами.

The Eyes of Witnesses: Studying the Development of the Tyumen North through Memoirs

L.F. Lipatova

This contribution by one of the best known specialists on the history of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug introduces results of her numerous in-depth life-history interviews with early-comers to the region. She was involved in the research project BOREAS MOVE-INNOCOM from 2007-10 lead by Florian Stammner. He knew that for many years she had been writing about people's memories of life and work in the Yamal North. One of her books published in 2005 is called "20 century through the eyes of obdoryane". In the past the Yamal region was called Obdoriya. Starting from the conviction that history is done by people, the oral memoirs of the work of early comers to West Siberia allow us an inside glance on the history of northern industrial cities, of population movement to the North, and of place-making in an environment that seemed first so alien when people arrived.

The formation of the gas and oil industry in Yamal was a crucially important event for the Soviet Union, Russia and Europe. Many publications were already devoted to this phenomenon, but the memories of people help to breathe life in to historical facts and fulfill them with the spirit of time. In the project we were interested in the following questions: reasons for coming to the North, the period and adaptation to the new environment, the meaning of the concepts "second motherland" (vtoraya rodina) and "mainland" (bol'shaia zemlya), attitudes to nature and the indigenous peoples who have been living here from the

earliest times, reasons why people long to leave the North or on the contrary want to stay there forever, why do some of them come back, would the children stay in the North after school, and other reasons that are more personal for each interview partner. Oral life histories of 35 interview partners were collected. These people are engineers, workers, teachers, and organizers of cultural activities. In this article, five several interviews serve to illustrate the establishment of the non-indigenous permanent population in the West-Siberian Gas province: Larissa Mukhacheva, whose work in the Gazprom dormitories brought her in close contact with the brightest generation of industrial explorers. Larissa Aleksandrovna notes:

“we had a different mentality. Everything that we made was a product of our joint work. It was a surge of patriotism. And the main idea was to begin drilling for gas”.

Now Mukhacheva is the head of the club for pensioners “The third age” set up in 1994. Viktor Seliverstov’s reflections are telling about the difficulties of early-comers to move back to their original places after retirement. His words illustrate well how some people get lured in by the North, which becomes so close to them emotionally that they cannot even stand to stay an entire holiday period in the south.

Mikhail Bredikhin fell in love with the tundra nature and the indigenous Nenets reindeer nomads through his work as a driver of a passenger-tank (vezdekhod) for Gazprom. Valentina Drannaia turned her close relation to the northern environment into ecological education activity, through her position as director of the ‘house of nature’ museum in Nadym. And finally, Ivan Marmanov, who came to Nadym first as an inmate of the railway Gulag camp, returned there as a specialist for winter road construction, from Salekhard to the Medvezhee gas deposit, and now after retirement is again involved in planning the winter road from Salekhard to Nadym.

It is through such memories that we can understand how the North acquires a meaning of ‘home’ for the incoming population.

Переселение на Российском севере: трудности реализации

Е.В. Нуйкина

Индустриальное освоение Российского севера является приоритетным направлением государственной экономической политики как в советский период, так и на современном этапе. Союзная стратегия северного развития основывалась на централизованном распределении человеческих и финансовых ресурсов для добычи минеральных богатств таких как нефть, газ, уголь, никель, золото и другие. Эта задача была достигнута посредством планированного заселения Севера (добровольно и принудительно), а также путем создания системы социально-экономических привилегий, стимулирующих трудовую миграцию. В течение сравнительно небольшого периода времени на Севере появились промышленные производства, вокруг которых выросли города, ставшие постоянным местом жительства для рабочих и их семей. С дезинтеграцией Советского Союза, с переходом к рыночной экономике и неolibеральной идеологии подход к региональному развитию существенно изменился. Либерализация цен, падение производств, сокращение государственных дотаций северным предприятиям повлекло реструктуризацию индустриального сектора, массовые увольнения, досрочный выход граждан на пенсию и растущую безработицу. В результате реформ бюджеты северных муниципалитетов лишились существенной части доходов от налоговых поступлений предприятий и федеральных трансфертов. Из-за либерализации цен тарифы на отопление и энергию выросли, параллельно тому рос спрос на жилье, медицинские и социальные услуги со стороны увеличившегося числа неработающего населения (World Bank 2000). Часть социальных обязательств, ранее входивших в компетенцию предприятий, были переданы в ведение городов. Все это дало обременяющую нагрузку на социальную сферу и привело к появлению новых практик, призванных рационализировать жизнь на севере, исходя из новых экономических и политических условий (Постановление Правительства РФ N700 от 10 июля 1995; Федеральный закон № 125-ФЗ от 25 октября 2002; Федеральный закон № 131-ФЗ от 25 июля 1998).

Если коротко описать мотивы, объясняющие необходимость переселения, то они сводятся к нескольким положениям. Первое, из-за географической отдаленности и суровых климатических условий стоимость жизни на Севере в разы больше проживания в европейских и южных районах, что включает в себя транспортные расходы, затраты связанные с холодом (отопление, использование холодоустойчивых материалов при строительстве, др.) социальные и человеческие. Хилл и Гадди в своей работе «Проклятье Сибири» приводят данные, что на содержание одного жителя на Севере Российское государство тратит в четыре раза больше бюджетных средств, чем на жителя европейской части страны (Hill and Gaddy 2003). Второе, перенаселенность северных территорий относительно размещения основных рынков. По разным источникам перенаселенность Российского Севера составляет от 14% до 30%. И, наконец, третье. Многие поселения не устойчивы в том размере, в котором они существуют; это приводит к потреблению дополнительных средств на их поддержание как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Руководствуясь этими и другими причинами, российское правительство приняло курс на уменьшение размеров северных поселений по числу проживающих в них жителей и на закрытие неперспективных с экономической точки зрения поселков путем переселения избыточного населения, прежде всего ветеранов труда, нерабочих, пенсионеров, инвалидов, т.е. тех граждан, которые не могут вносить вклад в экономическую жизнь региона, но нуждаются в социальной поддержке. Реализация такой политики коррелировалась с общим подходом к развитию Севера, на первое место ставилась экономическая целесообразность.

Первые проекты по переселению с Российского Севера появились во второй половине девяностых годов как ответ на изменения экономико-политической среды. Основная цель программ – это «рациональное регулирование потоков граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (Постановление правительства РФ N700 от 10 июля 1995) за счет выделения государственных субсидий на приобретение жилья. Идея заключается в том, чтобы

помочь экономически неактивным, социально-незащищенным группам населения переехать в центральные или южные районы страны, тем самым решить проблему перенаселенности северной периферии, и, вследствие этого, уменьшить затраты на социальную сферу и инфраструктуру. Несмотря на то, что программы ставят своей целью стимулирование миграции населения, формально переселение осуществляется в рамках жилищной политики (Федеральная Целевая программа «Жилище»), исключительно важной для российского общества. Поэтому переселение с Севера, по существу, означает получение жилищного сертификата на покупку квартиры на «большой земле».

Согласно данным министерства регионального развития, на 1 января 2008 года 530 784 граждан (или 215 000 семей) состоят в очереди на получение жилищной субсидии от государства (Гос. Дума 2008). По сути, это значит, что более половины миллиона северян хотели бы уехать с Севера, но не могут этого сделать без поддержки государства. Я бы подвергла сомнению, однако, сколько из них реально готовы покинуть Север. Причина кроется в том, что для многих жителей, приехавших сюда «на время» Север стал домом – со временем они адаптировались к суровому климату, создали семьи, развили социальные и дружеские связи, привязались к тому месту, где живут. А потому, очень часто после получения жилищного сертификата они не уезжают, остаются на Севере, которому отдали свои молодые годы. Субсидия же используется в интересах детей и внуков.

Несмотря на разнообразие административных программ разного уровня (федерального, регионального, муниципального), проблема переселения с Севера остается нерешенной. Мои исследования показывают, что программные цели не были выполнены в том объеме, в котором это планировалось. Политика переселения была разработана для того, чтобы изменить сам принцип заселения северных территорий в сторону экономически-оправданного и регулируемого. На практике она принесла небольшое воздействие как на изменение численности, состава и размещения населения, так на региональное развитие.

Программы не работают так, как они были спроектированы, по нескольким причинам: недостаточность регионального участия в планировании политики переселения, скудные знания северной специфики, переоценка намерений северян переезжать, несоответствие между суммой жилищного сертификата и стоимостью квартир в регионе вселения, негибкие механизмы реализации политики переселения, постоянное недофинансирование программ, недооцененные социальные и психологические факторы, влияющие на принятие решения о переезде и т.д. Это является результатом, во-первых, работы между различными уровнями властной вертикали и, во-вторых, взаимоотношений между государством (в лице административных служащих) и участников программы.

В первом случае мы наблюдаем разрыв между тем, как политика спланирована, и реальными практиками (Scott J. 1998). Полевые исследования, проведенные в Мурманской области и в Ямало-Ненецком автономном округе демонстрируют недостаточность взаимодействия и отсутствие механизма обратной связи между местными институтами, ответственными за реализацию программ и федеральными органами власти, занимающиеся разработкой политики переселения. Реализация политики проходит в манере «сверху вниз», от центра к регионам, через создание властной иерархии и через институциональное закрепление ее на локальном уровне. Регионы отвечают на федеральные решения различными путями: лоббируют поправки к Федеральному Закону 125, продвигают северные интересы на национальном уровне, софинансируют переселение из региональных бюджетов, развивают дополнительные программы содействия миграции. Комитет по проблемам Севера и Дальнего Востока, а также комитет по Северу и коренным малочисленным народам представляют северные регионы и их нужды в обеих палатах Государственной Думы. Вместе с региональными властями они работают над улучшением политики переселения, однако, северные инициативы практически не находят поддержки на уровне центра, главным образом потому что предлагаемые изменения требуют дополнительных расходов. Согласно измененному законодательству регионы не имеют полномочий принимать законодательные акты или постановления, регулирующие переселение на их территории (Федеральный Закон 125-ФЗ от 25

октября 2002). Они на практике приводят в действие механизмы, заложенные в законе: составляют списки очередности, ведут учетные дела граждан, участвующих в программе, проверяют документы и отправляют их в Московский офис.

Несомненно, такая централизация, не учитывает особенностей регионов, и то что для одних территорий (экономически неразвивающихся, географически отдаленных, тяжело достигаемых, плохо интегрированных в экономическое пространство страны) переселение приносит большую эффективность и имеет большую значимость, чем для других ей (экономически активных, с хорошей транспортной инфраструктурой, и сильной привязанностью жителей к месту проживания) .

Нисходящий подход также не отражает реальных процессов, происходящих на локальном уровне. Например, в соответствии с Федеральным законом 125 от 2002, граждане, нуждающиеся в улучшении жилищных условий и желающие переехать в среднюю полосу России, взамен своего жилья на Севере получают жилищный сертификат на определенную сумму, на который они могут купить квартиру или другую жилплощадь. Сумма главным образом зависит от того, в какой регион участник программы хочет переселиться. Так как стоимость недвижимости в разных районах неодинакова, то размер жилищной субсидии на покупку квартиры в регионе с более высокими ценами больше.

Главная сложность, однако, состоит в том, что сертификат рассчитывается исходя из средней государственной, а не рыночной стоимости квадратного метра в том или ином регионе, которая в два раза ниже. Объективно, на покупку квартиры этого сертификата не хватает, человеку необходимо привлекать свои частные сбережения, но так как целевая группа программ – социально нуждающиеся граждане, то во многих случаях они просто отказываются от субсидии и остаются на Севере, что ведет в свою очередь к невыполнению задач политики переселения. С другой стороны те, кто соглашается на сертификат заранее подают заявление на переезд в Москву или Санкт Петербург, где самые высокие цены на жилье, а соответственно и размер получаемого жилищного сертификата будет максимально большим из возможных. «Между тем, реально в Москву и Петербург мало кто хочет, а многие и вовсе не желают покидать Заполярье – привыкли, и природа красивая, и люди лучше, да и вообще, прожившим всю жизнь в условиях Крайнего Севера адаптация к климату средней полосы может оказаться невозможной и вредной» (Желнина 2009). Помогают им в этом агентства недвижимости, которые за определенный процент (от 7 до 10%) готовы обналечить государственный сертификат. На полученные деньги переселяющиеся могут купить квартиру или дом в интересующем их районе, чтобы туда переселиться, либо отдать детям, либо сдать в аренду, либо использовать деньги для семейных нужд. «Таким образом, действующее законодательство и прописанная в нем процедура переселения с Севера запустила огромный – хотя и не предусмотренный собственно государством, а являющийся результатом смекалки и предприимчивости наших людей – механизм извлечения из государства хотя бы небольшой компенсации за долгие годы работы на Севере» (Желнина 2009). Люди идут на хитрости, по сути, обманывая государство, потому что программы спланированы так, что они не решают практические потребности людей. Политика переселения получила новое толкование в процессе реализации. Такова общественная реакция на попытки государства экономически рационализировать жизнь на северной периферии.

Мой анализ показывает, что односторонний экономический подход, принятый государством в отношении северных территорий в середине девяностых, не работает. В каждодневной жизни люди не ведут себя так, как это ожидается разработчиками программ переселения, представляющих главным образом интересы федеральных властей и мало учитывающих особенности северных территорий и населения, там живущего. Как мы видим, люди часто ведут себя нерационально, вместо этого социальные, семейные, психологические причины доминируют над экономическими мотивами в принятии решения – покинуть Север или остаться. Далекое не на последнее место ставится социальное благополучие, дружба, родственные связи, привязанность к месту проживания, здоровье,

окружающая среда, привычки и прочие факторы, определяющие миграционное поведение северян (Bolotova and Stammer 2009; Thompson 2002, 2004).

Литература

Желнина, А. (2009) Народный бизнес на крайнем севере// <http://www.cogita.ru/syuzhety/post-sovetskoe-zapolyare/narodnyi-biznes-na-krainem-severe>

Постановление Правительства РФ N700 О Федеральной Целевой программе «Строительство на территории РФ жилья для граждан, выезжающих из районов крайнего севера и приравненных к ним местностей» от 10 июля 1995.

Справка о выполнении мероприятий по реализации Федерального Закона от 25 октября 2002 N125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей». Комитет Гос. Думы по проблемам Севера и Дальнего Востока 10 декабря 2008 года.

Федеральный закон № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25 октября 2002.

Федеральный закон № 131-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25 июля 1998.

Bolotova A. and Stammer F. (2009 in press) How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region. In Southcott C. and Huskey, L. (Eds.) Migration in the circumpolar North: new concepts and patterns// Edmonton, Alberta, Canada Canadian Circumpolar Institution Press, University of Alberta.

Hill F. and Gaddy C. (2003) The Siberian Curse: How communist planners left Russia out in the cold// Washington DC: Brookings Institution Press.

Scott J. (1998) Seeing like a state: how certain schemes to improve the human conditions have failed// Yale University Press, New Haven and London.

Thompson, N. (2002) Administrative resettlement and the pursuit of economy: the case of Chukotka. *Polar Geography* 26, N4:270-288.

Thompson, N. (2004) Migration and Resettlement in Chukotka: A Research Note. *Eurasian Geography and Economics* 45:73-81.

World Bank (2000) Russian Federation – Northern Restructuring Pilot Project. Report No. PID8680// <http://www.worldbank.org>

Resettlement in the Russian North: Problems of Implementation

E.V. Nuykina

This paper summarizes research funded by the Academy of Finland under the project MOVE INNOCOM in the ESF BOREAS programme. It presents approaches of the Russian state to population movement in the circumpolar region and evaluates how this approach works in practice. The article proposes to understand how certain measures planned by the central government for regulating population distribution

and providing economically-rational development have failed. This refers particularly to the applicability of economic approaches to population distribution in the Russian North.

The disintegration of the Soviet Union brought significant reforms in economic and political life which significantly changing the state's approach to the northern development. The Soviet strategy of modernization was built upon centralized redistribution of both human and financial resources to the northern territories aimed at industrial development of the North and exploitation of mineral wealth. Introduction of market-oriented principles in the 1990s along with economic rationality demonstrated the real cost of the North and its overpopulation in relation to the economic capacities. Reforms of the transition period resulted in a downsizing of northern industries and a reduction in the number of permanently settled Northern citizens both naturally and administratively. The later was reflected in federal and regional programmes encouraging economically non-productive and socially "expensive" population (pensioners, unemployed, invalids, citizens of closing settlements) to migrate from the Northern territories to the south. The idea was to regulate population mobility, based on economic rationality.

However, the programs didn't work as they were intended by their planners. This is due to several reasons: lack of regional involvement into policy-planning and lack of local knowledge, misconceptions of northerners desire to relocate, unprofessional assessment of financial needs, inflexible mechanisms of policy realization, continuous under-financing, under-estimated social and psychological factors influencing the decision to migrate.

Empirical findings from field research clearly demonstrate the lack of efficient local implementation structures and feedback mechanisms between program designers and implementing institutions. The top-down manner of programme implementation makes resettlement policy far removed from the needs of regions and beneficiaries.

Moreover, my field research conducted in Murmansk region and Yamal peninsula shows that the resettlement initiatives became re-interpreted in the process of implementation. In some cases, it contradicts planned goals: people participate in the programme, get housing certificate, cash it in and purchase apartment in the south, and then come back to the North. I discovered various tricks that people develop to cheat on the state. They intend to get state subsidy, and to use it for their own needs, or for the needs of family but not necessarily to resettle. There is a reason to assume that the policy is reinterpreted because it is not designed according to people's practical needs.

To conclude, relocation policy was designed to resettle the non-productive portions of the population from the North and to solve the problem of surplus population in the northern periphery. Policy realization was brought into line with the overall northern development approach that puts in the first place economic rationality. In practice, it has had only a minor impact on population change and northern development. My study shows that purely economical approach does not really work. People do not behave in real life the same way as was planned by federal government outside the North. They act beyond economic rationality. Instead, in many cases social, family, and physiological reasons dominate over non-economic motivations in their decisions to move or to stay. People follow in their decision making complex processes weighing factors such as social wellbeing, friends and kinship networks, place-attachment, health, preferences for particular natural environments, habits acquired throughout their life, in combination with economic decision making.

KEYWORDS: resettlement programmes, population distribution, internal migration, administrative assisted migration programmes, social restructuring, Northwest Russia.

Государственная политика регулирования трудовых отношений на Ямале. Роль социального партнерства в сфере труда

Л.И. Панова

Одним из принципов регулирования трудовых отношений в условиях рыночной экономики является сочетание государственного и договорного регулирования.

В трудовом законодательстве Российской Федерации государством закреплены основные социально-трудовые гарантии и компенсации для работников.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права по вопросам, не отнесенным к ведению федеральных органов государственной власти.

Договорное регулирование трудовых отношений в Российской Федерации в рамках многоуровневой системы социального партнёрства предусматривает конкретные взаимные обязательства сторон трудовых отношений.

В Ямало-Ненецком автономном округе сформировано и продолжает совершенствоваться региональное законодательство, регулирующее сферу трудовых отношений в части оплаты труда, миграционных процессов, занятости населения, охраны труда, социального партнёрства.

Трудовые отношения в районах Крайнего Севера имеют особый характер, который определяется географическими, суровыми природно-климатическими и специфическими социально-экономическими условиями. В связи с этим среди норм, регулирующих широкий спектр трудовых отношений, большое значение имеет Закон автономного округа «О гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе».

Прежде всего, названным законом сохранена преемственность ранее действовавших гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера России. Кроме того, предусмотрены дополнительные гарантии и компенсации для работников организаций, финансируемых за счет средств окружного бюджета. В частности, установлен районный коэффициент в повышенном, по сравнению с установленным федеральным законодательством, размере. Предусмотрены также дополнительные гарантии в части:

- порядка начисления процентных надбавок к заработной плате молодёжи (лицам в возрасте до 30 лет);
- порядка компенсации один раз в два года стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно работнику и неработающим членам его семьи;
- порядка выплаты надбавок за вахтовый метод работы работникам, приезжающим в автономный округ из других регионов. Данные нормы имеют особенно важное значение, так как на Ямале вахтовый метод организации работ находит широкое применение.

Ямало-Ненецкий автономный округ находится в зоне дискомфорта проживания людей, территория его мало населена – плотность населения составляет всего 0,7 жителей на 1 кв. км, что в 12 раз ниже, чем в среднем по Российской Федерации.

Благодаря интенсивному развитию топливно-энергетического комплекса за последние десятилетия Ямал превратился в промышленно развитый регион, который по темпам социально-экономического развития является одним из ведущих в стране. Регулирование демографических,

миграционных процессов и занятости населения относится к числу важнейших направлений государственной политики на Ямале.

В сравнении с иными субъектами Российской Федерации, в том числе «северными», демографическая ситуация в автономном округе является благополучной, что является наглядным результатом реализации комплекса мер, в числе которых социальная поддержка граждан, стимулирование рождаемости и поддержка семьи, меры в области миграционной политики. На Ямале растет численность населения, отмечается устойчивая динамика естественного прироста населения, увеличивается коэффициент рождаемости, снижается коэффициент смертности.

В автономном округе действует Комплексная программа и план мероприятий по улучшению демографической ситуации, сформирована система взаимодействия органов, участвующих в проведении демографической политики, осуществляется мониторинг демографической ситуации.

В целях обеспечения защиты от безработицы, содействия в трудоустройстве гражданам, ищущим работу, а также создания условий для развития продуктивной занятости населения действует Окружная целевая программа содействия занятости населения автономного округа на 2008-2010 годы. Мероприятия программы направлены также на создание условий для закрепления квалифицированных кадров, сохранение и создание новых рабочих мест, профессиональную подготовку и переподготовку граждан профессиям, востребованным на рынке труда, обеспечение временной занятости.

В рамках осуществления государственной миграционной политики деятельность исполнительных органов государственной власти автономного округа направлена на недопущение нелегальной миграции, стабилизацию притока трудовых мигрантов, улучшение профессионально-квалификационной структуры притока мигрантов в соответствии с потребностями экономики региона.

Ямал является весьма притягательным регионом для трудовых мигрантов, вместе с тем, политика «открытых дверей» в регионе нецелесообразна в связи с наличием большого количества стратегических объектов нефтегазового комплекса. На регулирование миграционных процессов в автономном округе направлена целевая программа «Паспортизация населения и совершенствование контроля за миграционными процессами на территории Ямало-Ненецкого автономного округа на 2007 – 2009 годы» и другие нормативные акты.

Трудовая деятельность в условиях Крайнего Севера несет в себе множество опасностей для жизни и здоровья человека, поэтому вопросы улучшения условий и охраны труда, сохранения жизни и здоровья работающего населения являются чрезвычайно важным направлением государственной политики регулирования трудовых отношений в автономном округе.

Для реализации государственной политики в сфере охраны труда и выработки предложений по ее совершенствованию, координации деятельности субъектов управления охраной труда в автономном округе образована межведомственная комиссия по охране труда.

Планомерному проведению работы в сфере обеспечения охраны труда, повышению социальной ответственности руководителей организаций, расположенных на территории автономного округа, заинтересованности в создании безопасных условий труда способствует ведомственная целевая программа на 2007 – 2008 годы «О реализации мероприятий, направленных на улучшение условий и охраны труда в Ямало-Ненецком автономном округе», которая успешно выполняется.

В рамках названной программы исполнительными органами государственной власти осуществляется оперативный контроль за состоянием производственного травматизма и

профессиональной заболеваемостью в организациях, проводятся мероприятия, направленные на повышение заинтересованности работодателей в обеспечении безопасных условий и охраны труда. Большое значение придаётся выявлению, распространению и поощрению положительного опыта по улучшению состояния условий и охраны труда в организациях.

Заработная плата является основным источником денежных доходов населения автономного округа. В рамках государственного регулирования заработной платы Законом автономного округа «Об оплате труда работников окружных государственных учреждений» установлена тарифная система оплаты труда. Иные нормативные правовые акты принятые в соответствии с названным Законом устанавливают соотношение между тарифными ставками (окладами), тарифные коэффициенты Единой тарифной сетки, предусматривают доплаты и стимулирующие выплаты для отдельных категорий работников окружных государственных учреждений.

В автономном округе проводится разработка нормативной правовой базы по переходу на отраслевую систему оплаты труда. Отраслевая система оплаты труда предусматривает создание адекватного механизма материального стимулирования работников бюджетной сферы, позволит увеличить их доходы, обеспечит зависимость оплаты труда от индивидуальных характеристик работника, квалификации, стажа работы по специальности.

К настоящему времени вступили в действие нормативные правовые акты, устанавливающие модель отраслевой системы оплаты труда в системе образования автономного округа. С 1 января 2009 года все общеобразовательные школы переходят на отраслевую систему оплаты труда.

Договорное регулирование имеет большое значение в решении многих проблем социально – трудовых отношений в автономном округе. Сферой, где пересекаются государственная политика, интересы населения и планы бизнеса является социальное партнерство, направленное на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Стратегия развития социального партнёрства отражена в основных положениях Концепции развития социального партнёрства в автономном округе и закреплена Законом автономного округа «О социальном партнёрстве в сфере труда в Ямало-Ненецком автономном округе».

С 2003 года постоянно действует Трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений автономного округа – ведущее организующее звено системы социального партнёрства. В её составе – представители исполнительных органов государственной власти автономного округа, Территориального объединения организаций профсоюзов автономного округа, Некоммерческой организации «Объединение работодателей автономного округа».

На заседаниях Трёхсторонней комиссии обсуждаются наиболее важные, социально значимые вопросы для региона по развитию и правовому регулированию экономики, рынка труда, образования, культуры, здравоохранения, охраны труда и здоровья работающего населения и другие.

В автономном округе заключено очередное Региональное трехстороннее соглашение между территориальным объединением организаций профсоюзов, объединением работодателей и исполнительными органами государственной власти автономного округа на 2007 – 2009 годы, определяющее согласованные позиции сторон по основным принципам регулирования социально – трудовых отношений и совместные действия по их осуществлению.

На муниципальном уровне в настоящее время действуют четыре территориальных трёхсторонних соглашения. Завершается работа по заключению территориальных трёхсторонних соглашений еще в трёх муниципальных образованиях. Кроме того, на муниципальном уровне в автономном округе действуют три территориальных отраслевых соглашения.

Одним из важных направлений в развитии социального партнерства в автономном округе является заключение непосредственно в организациях коллективных договоров между работниками и работодателями. Как правило, работодатели осознают социальную ответственность бизнеса, понимают выгоду вложения капитала в человеческий фактор, поэтому в коллективных договорах стороны предусматривают гибкие системы оплаты труда и премирования работников, дополнительные гарантии по сравнению с действующим законодательством. Учитывая, что коллективные договоры действуют в наиболее крупных организациях, две трети работающего населения Ямала охвачены социальным партнёрством на локальном уровне.

В заключение подчеркну, что главной целью проводимой государственной политики в области регулирования социально-трудовых отношений является улучшение жизни людей. Эффективно используя инструменты государственного и договорного регулирования, совместными усилиями в автономном округе и далее будут решаться задачи, направленные на дальнейшее совершенствование социально-трудовых отношений, повышение качества и уровня жизни населения.

State Policy for the Regulation of Labour Relations in Yamal

L.I. Panova

State policy in the sphere of social and labour relations regulation carried out in the Yamalo-Nenetsk Autonomous District is focused on improvement in the quality of life in the Far North.

The article presents some regional peculiarities of implementation of the state policy in the sphere of labour relations, supplementary guarantee and compensation as provided for the regional employees in the legislation of the Yamalo-Nenetsk Autonomous District. It also underlines some prospects in further optimization of their remuneration and material incentives. The article specifies the measures aimed at improvement of demographic and migration processes in the region as well as targeted at development of conditions for efficient employment of population.

The special emphasis is laid on improvement of work conditions and safety, life and health protection of the employees, and encouragement of social responsibility of the employers. Alongside analysis of the regional legislation and target programmes, the main instruments of the state regulation of labour relations, the author quotes a number of convincing arguments which confirm the efficiency of a contractual regulation of labour relations in the region in the framework of social partnership.

Современные проблемы формирования кадрового потенциала государственных и муниципальных служащих ЯНАО

Д.А. Демин

В настоящее время проблемы формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в Российской Федерации стали объектом исследования многих ученых и практиков-управленцев. На основе научных трудов и изысканий сложились и были апробированы наиболее общие варианты концепции и модели формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы, разработаны различные методы решений возникающих при их реализации проблем.

Данные модели, в большинстве своем имеют обобщающий концептуальный характер в целом, и не принимают во внимание территориальные особенности региона, его перспективы, уровень микроэкономического развития, оставляют без внимания социальную и территориально-национальную специфику.

В отношении государственной и муниципальной службы Ямало-Ненецкого автономного округа вышеозначенное положение абсолютно справедливо.

В рамках Российской реформы самоуправления, с 1 января 2006 года в ЯНАО территориальная организация местного самоуправления резко расширилась в объеме. Специфика автономного округа как северного региона с протяженной территорией, сложной транспортной схемой, малонаселенностью и трудной доступностью населенных пунктов потребовала передачи ряда государственных полномочий на места. Это послужило толчком к повышению предъявляемых, и без того высоких, требований к кадровому потенциалу государственных и муниципальных служащих округа.

Появление новых муниципальных образований и передача в их сферу полномочий ряда функций требует непосредственного увеличения как корпуса служащих, так и кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в целом.

Несомненно, что проблемы формирования кадрового потенциала государственных и муниципальных служащих Ямало-Ненецкого автономного округа требуют незамедлительного решения. Для этого они должны быть конкретизированы, классифицированы и рассмотрены.

Во-первых, это проблемы социального позиционирования и ротации государственных и муниципальных служащих.

Государственные и муниципальные служащие в своем большинстве рассматривают прохождение государственной и муниципальной службы как стабильное и надежное место работы в условиях нестабильности экономики и углубление кризиса, забывая о своей миссии службы для граждан России.

Государственная и муниципальная служба Российской Федерации, а вместе с тем и государственная и муниципальная служба автономного округа не имеет системы негативных оценок нравственных качеств служащих. При этом имеется необходимость формирования критериев оценок, на основе регулятивно-нравственных и культурно-корпоративных признаков.

Видится необходимым построение концепции «Организационной культуры государственной и муниципальной службы автономного округа».

Отчетливо, в условиях глобального экономического кризиса, проявляется проблема механизмов реализации и своевременного полнообъемного финансирования социальных гарантий для государственных и муниципальных служащих ЯНАО.

В большинстве регионов данные гарантии на протяжении длительного периода времени оставались не реализованными ни в муниципальной, ни в государственной службе, в то время как в автономном округе шел планомерный рост гарантий государственным и муниципальным служащим.

Определенную специфику в обеспечении предусмотренными гарантиями вносит территориальная удаленность ЯНАО, что делает более затратномерными мероприятия по выполнению их обеспечения.

Актуальна проблема социальной адаптации служащих для государственной и муниципальной службы автономного округа, так как из-за отсутствия во многих удаленных районах и поселениях автономного округа квалифицированных специалистов ощущается потребность в привлечении муниципальных и государственных служащих из крупных административных центров Ямала и других регионов.

Вышеозначенные удаленные районы и поселения характеризуются сложным социальным климатом, обусловленным закрытостью социума на данной территории, особой его ментальностью, преобладанием среди населения коренных малочисленных народов и практически полным отсутствием социальной инфраструктуры. Эти предпосылки затрудняют социальную адаптацию и способствуют формированию стойкого предубеждения государственных и муниципальных служащих о бесперспективности прохождения службы на данных территориях.

Во-вторых, это проблемы соответствия квалификационных требований занимаемой должности и повышения уровня образования и квалификации государственных и муниципальных служащих автономного округа. Постоянная, положительная тенденция снижения доли лиц не имеющих высшего или высшего профессионального образования среди государственных и муниципальных служащих автономного округа практически решила соответствующую проблему среди государственных служащих и лишь частично среди муниципальных.

Текущие изменения и ужесточение квалификационных требований для лиц, проходящих муниципальную и государственную гражданскую службу, обостряют проблему формального и профессионального несоответствия государственных и муниципальных служащих данным требованиям.

В автономном округе не в полной мере функционирует система обучения кадров новой формации. Администрацией ЯНАО ежегодно проводятся масштабные мероприятия с привлечением ведущих специалистов и преподавателей профильных ВУЗов УрФО по профессиональной подготовке служащих, ежегодно для этого в бюджете округа предусматриваются соответствующие статьи расходов.

Справедливо предполагать, что это наиболее оптимальный вариант повышения знаний и умений государственных и муниципальных служащих, так как он позволяет за счет привлечения вышеозначенных лиц сокращать и оптимизировать расходы.

Специфика региона сказывается высокими стоимостными затратами на повышение квалификации государственных и муниципальных служащих за пределами округа, что на практике, в условиях углубляющегося кризиса, ставит под сомнение планомерную реализацию данных мероприятий. Так, расходы, связанные с повышением квалификации государственных и муниципальных служащих автономного округа в значительной степени увеличиваются за счет транспортных издержек, что в значительной степени затрудняет повышение квалификации

муниципальных служащих, особенно из дотационных районов, в связи с низкой степенью обеспечения финансированием.

При этом следует учитывать, что в рамках прогнозируемого затяжного экономического кризиса, реализуемой административной реформы, реформы местного самоуправления, из-за возрастной ротации государственных и муниципальных служащих потребность в подготовке кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления будет только возрастать и обостряться.

Такая форма повышения квалификации как стажировка мало распространена в автономном округе, а в редких случаях использования носит кратковременный характер, порядка 1-2 недели, что крайне недостаточно и малоэффективно. Для сравнения, стажировка специалиста в странах с развитой системой повышения квалификационного уровня она составляет порядка от 3 мес. до 2 лет.

При этом в ЯНАО имеются все предпосылки для создания системы по обмену опытом специалистами, как с регионами Российской зоны севера, так и северными регионами зарубежных стран.

Интенсивность процессов подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих автономного округа выше, чем интенсивность этих процессов среди муниципальных служащих автономного округа. Причем проблема подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих имеет немаловажную специфику подготовки кадров в национальных поселках. В целом возникает необходимость подготовки так называемых «национальных кадров», которая в свою очередь характеризуется большими финансовыми вложениями и долгим сроком подготовки специалиста.

Справедливо будет предположить, что необходимо выявление особых подходов по вопросам повышения квалификации и переподготовки руководящих должностей. Имеется необходимость научного анализа следующего тезиса: чем выше поднимается государственный или муниципальный служащий по служебной лестнице, тем большую долю времени в общей его подготовке должны занимать повышение квалификации, переподготовка и стажировка.

Очевидна потребность в формировании специального регионального заказа на государственных и муниципальных служащих новой формации.

В-третьих, это проблемы кадрового менеджмента в сфере государственной и муниципальной службы автономного округа.

Для всей системы государственной и муниципальной службы России проблема нестабильности кадров является одной из наиболее острых. Анализируя состав корпуса государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, можно утверждать, что в ближайшие 10-15 лет произойдет высвобождение около половины всех должностей государственной и муниципальной службы Российской Федерации.

В Ямало-Ненецком автономном округе этот показатель будет несколько ниже, поскольку демографический потенциал округа очень высок, но и это высвобождение может негативно сказаться на формировании кадрового потенциала, при этом следует учитывать что в государственной и муниципальной службе округа только сейчас начинает формироваться тенденция преемственности, и говорить о том, что она сформируется через 10-15 лет достаточно сложно.

Присутствует тенденция смены лиц, замещающих карьерные должности при смене руководителя. В связи с этим так же возникает проблема формирования оппозитной тенденции

становления аполитичных, ориентированных на профессиональную карьеру государственных и муниципальных служащих.

Очевидна общероссийская кадровая дилемма. С одной стороны, молодые специалисты открыты современным информационным технологиями, они более гибки в управлении и быстро овладевают навыками, с другой стороны у них чаще наблюдается конфликт личных интересов, с интересами государственной и муниципальной службы, причем не всегда в пользу последней. Эта тенденция требует более глубокого изучения с учетом курса на омоложение корпуса государственных и муниципальных служащих.

Высокая моноресурсность кадрового резерва государственной и муниципальной службы автономного округа отрицательно влияет на кадровый потенциал служащих ЯНАО.

Ощутимы проблемы управления карьерой государственных и муниципальных служащих. Данного рода проблемы определены спецификой, отраженной в тенденции более высокой динамики карьеры государственных и муниципальных служащих из коренного населения по сравнению с привлеченными извне государственными и муниципальными служащими. Причем в муниципальной службе эта специфика более ощутима.

Вышеозначенные современные проблемы формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы Ямало-Ненецкого автономного округа сложны и интересны сточки зрения научного исследования, потребность их изучение обусловлена объективной необходимостью, продиктованной возможным применением результатов исследований на практике.

The modern problems of forming the staff potential of the state and municipal clerks in Yamalo-Nenetsky autonomous region

D.A. Djomin

The article of Dmitry Dyomin is a detailed review on the modern problems and tends of creating the staff potential of the state and municipal service in Yamalo-Nenetsky autonomous region. The work is based on scientific and practical methods and criteria applied. In the research the author studies the specific way of working on the staff policy in the state and municipal governing bodies in the settlements and lands of the native and small-numbered peoples in the Polar area of the North. The author shows the main and perspective directions of the stuff policy in the region.

Дизайн повседневности как средство формирования коллективной идентичности жителей северного поселения

Д. Жуковская

Уникальное сочетание богатства полезными ископаемыми, нетронутой природы и сохранившейся культурой аборигенного населения обусловило на сибирской земле оригинальную историю, сделав ее объектом государственных экономических, политических, демографических интересов и споров, а также объектом исследования и почвой для научных дискуссий и открытий.

Национальный мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный» можно рассматривать как очередной поворот истории этого края. В рамках этого проекта планируется крупномасштабная разработка месторождений полезных ископаемых на территории Приполярного и Полярного Урала и построение железной дороги по восточному склону Уральского хребта и сети автомагистралей, общая протяженность всех путей сообщения составляет свыше 3000 км (1200 км железной дороги и 800 км автомагистрали). В связи с этим планируется привлечь специалистов общим числом, с учетом их семей, около 130 – 150 тысяч человек. В качестве базовых узлов планируется развитие таких населенных пунктов, как Няксимволь, Ломбовож, Саранпауль, Щекурья, Неройка и др. [ИА Регнум]. Построение железной дороги как доминанты в освоении новой территории изменит характер восприятия микрорегиона и населенных пунктов (от очагового типа по примеру большинства городов на западно-сибирской равнине – к линейному типу «придорожных» поселений) [Наука Урала: 1, 6-8 стр.].

Названные цифры и названия дают представление о масштабе миграционной волны и площади нового промышленного освоения территорий, являющихся сегодня угодьями оленеводов, рыбаков и охотников манси и северных хантов. Предполагается процесс формирования системы расселения «базовый город – вахтовый поселок» с известными по опыту освоения нефтегазовых месторождений 60-80 гг. прошлого века проблемами социокультурного характера, обусловленными трудностями адаптационного процесса пришлого населения к природно-климатическим и культурным условиям края, а также стихийностью и хаотичностью формирования среды обитания человека. Как со стороны местного, так и со стороны пришлого населения возникает этнокультурное отчуждение. В первом случае это обусловлено нарушением экокаркаса и угрозой традиционным видам хозяйственной деятельности, которые являются залогом сохранения своей национальной идентичности для народов ханты и манси. Во втором случае, отчуждение возникает из-за отсутствия культурной обусловленности своего присутствия на чужой земле, сознания временности своего пребывания на ней, неудовлетворенности своим социокультурным статусом. Однако, главным определяющим фактором формирования культуры и образа жизни обеих сторон является территория, на которой они находятся. Каким бы не был этнос – традиционно-общинным или урбанизированным – он определяется и формируется территорией своего обитания.

Опыт возникновения городов на месторождениях полезных ископаемых показывает, что культура малого промышленного города, его бытовая атмосфера, характер вырастает из временного поселения, которое предшествовало ему. Где-то ярче выражен дух комсомольской романтики, где-то – тяжелое наследие ГУЛАГа [Союз архитекторов России: 488 – 502 стр.]. Кроме того, поселение является площадкой для знакомства аборигенов с пришельцами. Его среда служит адаптационным пространством для формирования диалога между аборигенной культурой, встроенной в каркас территории, и принесенной на эту территорию культурой новых поселений. Можно выявить два фронта адаптации: новой культуры к месту, и места – к новой культуре.

Анализ ситуации в плоскости материальной культуры формулирует задачи проектировщика. Предметно-пространственное наполнение повседневности непрерывно воспринимается и переживается обеими сторонами складывающегося культурного диалога. «Используемые предметы и

их сочетания одновременно отражают и закрепляют ожидаемое в повседневной жизни поведение» [Пресс, Купер: 27 стр.]. Характеристики предметов, придаваемые им в процессе дизайн-проектирования, по мнению Элиота Нойеса, определяют самовосприятие человека и одновременно помогают «выразить себя для других» [Пресс, Купер: 9 стр.]. При наличии конкретных культурных традиций, проектирование предметно-пространственных систем может создать условия для комфортной социокультурной адаптации пришлого населения как к территории, так и к наследию аборигенной культуры как ее части. Смыслы, заложенные в способах организации предметного пространства, и свойства самих предметов являются мощным средством формирования как индивидуальной, так и коллективной, а в более широком смысле – региональной идентичности.

Понять этот алгоритм восприятия себя и окружающих через предметные среды (формальные, пространственные, образные, пластические характеристики пространств и предметов) можно, если представить эти среды как знаковую или кодовую систему [Бодрийяр, Бурдьё и Гоффлер].

Примером могут служить дресс-коды, закрепленные практически во всех культурных традициях, телесные практики, архитектурные каноны относительно культовых или бытовых сооружений. А так же более близкое к нашей сегодняшней культуре явление региональной (национальной) идентичности дизайнера как формы конкретной материальной культурной традиции (например: японская, немецкая, скандинавская традиция в дизайне).

Новая среда обитания как часть новой культуры должна создавать комфортные условия для физической, психологической, социальной и культурной жизнедеятельности. Однако, проектирование среды в отрыве от культурного контекста, в его многоплановости и множестве измерений, дает результат случайный и субъективный. При том, что продукт дизайнера тиражируется и сомасштабен культурной «микротрадиции», субъективность проектного решения может иметь горькие последствия, также как и излишняя стандартизация и унификация проектных решений. В течение длительного советского периода в нашем государстве господствовала политика спуска из центра на периферию стандартных моделей образа жизни, эстетических норм, общественного вкуса. Культуролог и философ О.И. Генисаретский как следствие штампованности проектных решений в провинции видит отсутствие в поселениях «атмосферы бытовой и нравственной оседлости» [Генисаретский], что приводит к проблемам социального отчуждения, усилению чувства «чужой земли».

У каждой территории свой уникальный ландшафт, и наиболее комфортным для жизни в конкретных природно-климатических условиях видится адекватное этой территории культурное пространство. Региональное сужение дизайна, художественного стиля, искусства – а в перспективе сужение до индивидуального личностного своеобразия – стойкая тенденция последних лет во многих проектных практиках. Это объясняется возможностью более точного системного охвата предпроектной ситуации.

Дизайн на современном этапе развития более не является изолированной формальной деятельностью, он становится оправданным лишь в плотной связке с такими дисциплинами как антропология, культурология, этнография, многоплановая экология, медицина. При этом не следует забывать о том, что дизайн является неотъемлемой частью маркетинговых коммуникаций и public relations.

В этом смысле дизайн можно определить как инструмент превращения результатов исследований специалистов из перечисленных областей в осязаемые системы вещей, которые, в свою очередь, формируют облик культуры и направляют ее развитие.

В данном случае, мы рассматриваем новую культуру поселений, предполагаемых в рамках проекта «Урал промышленный – Урал полярный». И настоящее исследование предполагает влияние

на региональную окраску проектной деятельности по созданию среды обитания (дизайн и архитектура) следующих факторов:

диалог культурных традиций – основные населенные пункты по проекту будут располагаться на базе сегодняшних национальных деревень манси и северных хантов, территория нового промышленного освоения пролегает по территориям сезонных касланий кочевников-оленеводов

- гео-культурный образ (ландшафт, климат, флора, фауна, территориальные мифы настоящего, прошлого и будущего) – красота горных пейзажей, озер, чистота рек, знаменитая сосвинская сельдь, мифический покров Камня, редкие виды обитателей леса и предгорья (рысь, россомаха)
- особенности образа жизни, характерные для жителей северного поселения (восприятие пространства, годичного цикла, природы, себя)
- особенности хозяйственной деятельности человека – кочевничество аборигенов и миграция вахтовиков – два ракурса рассмотрения ресурса территории, технологичность новой волны освоения
- место и роль региона в масштабе государства – новый виток истории Сибири, романтика новой дороги, «дороги будущего», ценность полезных ископаемых Полярного Урала для наукоемких технологий и отраслей – значение региона при переходе российской экономики на качественно новый уровень, перспективность и привлекательность территории

Такой подход позволяет определить механизм формирования регионального дизайна. Задать единое направление в поисках конкретных проектных концепций, образно-символических решений. Это обеспечит системность проектного решения и, как следствие, системность восприятия человеком этого решения в ситуациях повседневности, синергичность воздействия множества компонентов предметно-пространственной среды при формировании целостного впечатления. Образно-символический строй дизайн-концепта образа жизни может способствовать обоюдному переживанию людей разных культур себя как одним этносом, современным, развитым, произрастающим из земли сурового северного края.

Литература

Генисаретский О.И. «Регионализм, средовое проектирование и проектная культура»/ Региональные проблемы жилой среды. М.: ВНИИТЭ, 1998 – <http://prometa.ru/olegen/publications/120>

Пресс Майк, Купер Рэйчел, «Власть дизайна. Ключ к сердцу потребителя», Минск, «Гревцов Паблшер», 2008.

“Design of Everyday Life” as an Instrument for Creating a Collective Identity of the Residents of a Northern Industrial Settlement

D. Zhukovskaya

Siberia with its mineral wealth, unique nature and indigenous culture of Khanty and Mansi is a territory of great political, economic, demographic and other interests. Also, its regional situation and peculiarities are the object of scientific research in many disciplines.

The national mega project “The Urals Industrial – The Urals Polar“ could be considered as a new turn in Siberian history. This is going to be a new wave of industrial development of the Subpolar and Polar Urals. This project involves the construction of new large-scale railway and highway systems along the Eastern slope of the Urals. The project provides for the construction of a total of 3000 km of roads (1200 km of railway and 800 km of motorways and zimmiki). New territory development means migration of about 130 000 – 150 000 people, mainly professionals for the mining industry and their families. Basic settlements are planned in existing towns such as Lombovozh, Saranpaul, Shchekur’ya, Neroika and others [I A Regnum]. This method of territorial development will lead to transformation of anthropogenic influences from “seat-way” which is typical of Western Siberia to “line-way” one [Nauka Urala].

These facts draw out the type and area of industrial development on the territory of native reindeer breeders, fishermen and hunters. New settlements are going to be organized by the scheme «base town – field settlement/workmen's settlement» which was applied in Western Siberia in the 1960-1980s. This settlement pattern is notorious for its social and cultural problems caused by difficulties of adaptation to the harsh climatic conditions and culture of the region. In addition to these problems, new permanent settlements were being built spontaneously and chaotically, without any general aesthetic idea. The first generation of labour migrants arrived at uninhabited, unadapted places and their appearance was not culturally reasonable and was not permanent in their minds. Furthermore, the new settlement pattern was harmful for the ecosystem and thus for the traditional economic activities, which are the pivot of the national identity of the Khanty and Mansi. The result was ethnocultural estrangement between the natives and the newcomers. However, the consolidating link for any cultures and peoples is the territory they live in.

Industrial towns appearing in connection with oil and gas development in the North show that their culture, everyday life and character were emerging out of the culture and atmosphere of temporary workmen's settlements first set up in their sites. As a consequence, today one can observe the nostalgia of *komsomol* romance in one town and the ominous legacy of *GULAG* in another one [Russian Union of Architects]. In addition, their environment is a place of meeting and cultural dialogue between the natives and the newcomers and their cultures, one of which is an integral part of the territory and the second one is extraneous. So, there are two directions in the adaptation process, with the new culture adapting to the place, and the place adapting to the new culture.

An analysis of this situation in terms of the object world formulates the following design task. The tangible surroundings of everyday life are perceived and experienced continuously by both participants of the cultural dialogue. According to Mike Press and Rachel Cooper, using things and their combinations reflects and, at the same time, consolidates expected behaviour in everyday life [Press and Cooper]. Properties that designers put into things, according to Eliot Noyes, define person's self-perception and help «express oneself to another» [Press and Cooper]. Designing with due regard for certain cultural traditions provides for the creation of comfortable conditions for social and cultural adaptation of newcomers to the territory and to the indigenous heritage. The meanings put into design are a good instrument for creating identities, both individual and collective.

To understand an algorithm of perception of oneself and others through things (formal, plastic, spatial and figurative properties of things) it would be appropriate to consider the object world as a system of codes and symbols [Baudrillard, Bourdieu, Toffler].

Dress-codes which exist in every culture, body modification, architectural canons for religious and domestic buildings are a good example of formal codes. Regional (national) identity of design is a more suitable example of the contemporary tradition of material culture (e.g. *Scandinavian design*).

A new habitat should provide a person with comfortable conditions for physical, psychological, social and cultural activities. Uncontextual design comes incidentally and subjectively. Considering that a design product is multiplied and spread around, the subjectivity of a project can cause a bad result as well as excessive unification and standardisation. During the Soviet period in Russia standard models of life, aesthetic norms, and public tastes were imposed by the centre onto the periphery. Oleg Genisaretskij noted that rubber-stamped designs in the province result in «the lack of a domestically and morally settled way of life» [Genisaretskij]. This fact aggravates the problem of social estrangement and the sense of «alien land».

Every place has its unique landscape, and the most comfortable surroundings for living in this place can be created only if it is adequate to the natural territory's peculiarity. The narrowing of the focus of design, art, and style from the international to the regional, and down to the individual in the perspective, seems to be a long-term trend. This can give designers an opportunity to use a holistic systematic approach. Design at the contemporary stage is not just a form-making activity, it could be justified only as a part of a multi-disciplinary team of social antropologists, culturologists, ethnographers, ecologists, medics, etc. In this meaning, design is an instrument for translating scientists' research results into palpable things and products which could form a culture and direct its progress.

The algorithm described in this paper allows professionals to highlight regional features of design. It can point to the right direction in searching for new concepts and symbols in design. It provides a systematic design solution and systematic perception of the product, and synergetic effect of its different components for achieving an integral impression. This integral way-of-life concept is conducive to self-perception of themselves by a group of people as one contemporary ethnos emerging in this harsh northern land.

References

Genisaretskij O. I. (1998) Regionalizm, sredovoye proektirovanie I proyektnaya kul'tura/Regional'nye problemy zhiloi sredy, Moscow, VNIITE, from: <http://prometa.ru/olegen/publications/120>

Press Mike and Rachel Cooper (2003) *The Design Experience*, Ashgate Publishing Lmtd.

Особенности профессиональной адаптации молодых специалистов в северных широтах

И.А. Боровикова

Происходящие в России социально-экономические перемены, усилили значимость Северных регионов в экономике страны. Сегодня государство придает большое значение перспективам дальнейшего освоения Крайнего Севера, где в последние десятилетия открыты крупные месторождения нефти и газа. Правительством принята программа освоения и формирования новых центров нефтяной и газовой промышленности. Актуальным остается вопрос привлечения трудовых ресурсов, формирования и сохранения здоровья населения в экстремальных по условиям жизнедеятельности северных территориях.

В связи с высокими затратами на каждого вновь принятого сотрудника организация заинтересована в том, чтобы принятый на работу – не уволился. Однако, как показывает статистика, наиболее высокий процент принятых на работу покидает организацию именно в течение первого года. Основные причины ухода – несовпадение реальности с ожиданиями и сложность адаптации и интеграции в новых климато-географических и социально-экономических условиях жизнедеятельности.

В общем виде адаптация – это процесс приспособления работника к условиям внешней и внутренней среды. С позиции управления персоналом наибольший интерес представляет профессиональная адаптация. Именно она является инструментом в решении такой проблемы, как формирование у нового рабочего требуемого уровня производительности и качества труда в более короткие сроки.

Профессиональная адаптация включает в себя: психофизиологическую адаптацию; адаптацию к профессиональным задачам; социально-психологическую адаптацию человека к производственной деятельности.

Субэкстремальные климато-географические условия Крайнего Севера (длительный период низких температур, суточные колебания атмосферного давления, сильные ветры, дефицит ультрафиолетовых лучей, особенности воды, радиационного фона и др.) сформировали в северных регионах специфический комплекс негативных факторов, воздействующих на человека, вызывая сильное напряжение адаптационных систем организма. Соответственно профессиональная адаптация молодых специалистов в северных широтах осложняется психофизиологической адаптацией работника к сложным условиям среды.

Исследованиями установлено, что жизнедеятельность человека в условиях Крайнего Севера приводит к «синдрому полярного напряжения», характеризующимся существенным напряжением основных систем организма: кардиореспираторной, эндокринной, вегетативной нервной. В регионах Крайнего Севера значительная часть населения находится в состоянии хронического психоземotionalного напряжения (В.П. Казначеев, 1980).

Данные наших исследований воздействия специфичности фотопериодичности на Севере свидетельствуют о том, что полярная ночь у работников вызывает сенсорную депривацию, а полярный день – перевозбуждение, переутомление. И в том и в другом случае нарушения сна. Результаты психологической диагностики указывают на высокий уровень тревожности и эмоциональной напряженности респондентов, особенно в зимнее время. Необходимо отметить у работников повышенную чувствительность к эмоциональному стрессу.

Сегодня в организацию приходят работники и условно их можно разделить на две категории: рожденных и выросших в условиях Крайнего Севера и мигрирующих из других регионов России. Нами было отмечено, что период профессиональной адаптации у первых проходил в более короткие сроки и не отягощался соматическими проявлениями. Корпоративная приверженность этих молодых специалистов чаще была уже сформирована и обусловлена тем, что их родители являются работниками нашей организации. Вышеперечисленное позволило нам разработать программу по адаптации молодых специалистов ООО «Газпром добыча Уренгой».

Наша организация осваивает месторождения стационарным методом (работники проживают в городе Новый Уренгой) и частично существует внутрирегиональная вахта. Проведенные нами исследования состояния здоровья и психологических особенностей детей 6-7 лет, воспитывающихся в экстремальных климато-географических условиях, показали, что дети, рожденные от мигрантов второго поколения, наиболее приспособлены к неблагоприятным факторам окружающей среды. Гипотетически адаптационные резервы человеческого здоровья проживающих в регионах Крайнего Севера будут увеличиваться, следовательно, северные города смогут стать кузницей кадров не только профессионально подготовленных, но и адаптированных к субэкстремальным условиям специалистов. Из-за отсутствия необходимости реадаптации (что ярко выражено у специалистов межрегиональной вахты) будут сохранены психофизиологические функции систем организма. Вышеизложенное позволит без ущерба для здоровья кадрового потенциала осваивать новые месторождения в экстремальной климатической зоне методом внутрирегиональной вахты используя трудовые ресурсы северных городов. На наш взгляд это природосообразный подход.

Peculiarities of the Young specialists' Professional Adaptation in Northern Latitudes

I.A. Borovikova

Developments in Russian socio-economic changes have increased the significance of the Northern regions in the country's economy. Today the state pays a lot of attention to the prospects for further development of the Far North, where in recent decades large deposits of oil and gas were discovered. The Government approved a programme for developing and forming new centres of oil and gas production. The question of labour-force attraction is still relevant, as well as directing and maintaining the health of the population in the extreme living conditions of the northern territories.

In connection with the high cost of each new recruit, the organization is interested in ensuring that no employee quits. According to the statistics, however, the highest percentage of employees who quit working for the company, quit during their first year of work. The main reasons for quitting are as follows: different expectations of reality and the complexity of adapting and integrating into the new climatic, geographic and socio-economic conditions of life.

In general terms, adaptation is a process of adapting to the conditions of the employee's domestic and internal environment. From the Personnel Management point of view, the greatest interest is in professional adaptation. Namely this is a tool used for dealing with such issues as the creation of the required level of productivity and quality of work of a new employee in a shorter time.

Professional adaptation includes: physiological adaptation, adaptation to professional challenges, and the socio-psychological adaptation of a person to productive activities.

Extreme climatic and geographical conditions in the Far North (a long period of low temperatures, daily fluctuations in atmospheric pressure, strong winds, damaging ultraviolet rays, peculiar properties of water, background radiation, etc.) formed a specific set of negative factors affecting humans in the northern regions, causing a severe strain of adaptive systems of a body. Accordingly, professional adaptation of young

professionals in northern latitudes is further complicated by psycho-physiological adaptation of the employee to the complex environmental conditions.

Research found that the livelihoods of human beings in the Far North has led to a “Syndrome of polar tension”, characterized by significant strain of major body systems: cardio-respiratory, endocrine, and autonomic nervous. Moreover, in the Far North regions a high proportion of the population is in a state of chronic psycho-emotional stress (V.P. Kaznacheev, 1980).

The data of our research on the impacts of photoperiodicity specificity in the North show that the polar night causes sensory deprivation for employees, and the polar day causes overexcitement and overstrain; both cases cause sleep disorders. The results of psychological diagnosis indicate a high level of anxiety and emotional tension of respondents, especially in winter. It should be noted that employees are increasingly sensitive to emotional stress.

Today, the company faces new employees who can be divided tentatively into two categories: born and raised in the Far North and migrants from other regions of Russia. We have noted that the period of vocational adjustment in the first group took place in a shorter time and did not include so many somatic manifestations. The corporate commitment of these young professionals has often already been formed and is due to the fact that their parents are employees of our organization. The above has enabled us to develop a programme for the adaptation of young professionals of Gazprom dobycha Urengoy LLC.

Our organization develops fields on a fixed basis (workers live in the city of Novy Urengoy), and in part there is an intra-regional rotation. Our studies of the health and psychological characteristics of children 6-7 years old, brought up in extreme climatic and geographical conditions, showed that children born to second generation migrants, are most adapted to adverse environmental factors. Hypothetically, human health adaptation reserves of residents in the regions of the Far North will increase, consequently, the northern cities could become sources of manpower where such professionals are not only trained but also adapted to the extreme conditions. Due to lack of necessity for an appropriate rehabilitation (which is pronounced among employees on interregional shifts) psycho-physiological functions of the body's systems will be retained. The foregoing will allow the development of new fields in the extreme climate zone without harm to the health of manpower using intra-regional shifts and northern cities labour sources. In our view that is an environment-adaptive approach.

Комплексное социально-гигиеническое исследование по охране здоровья работающих в газодобывающей промышленности в условиях Крайнего Севера Западной Сибири

А.П. Кривощёков

Проведено изучение с помощью специальной карты социально-гигиенического исследования роли отдельных факторов риска и их комплексов в формировании у работников длительной и частой утраты трудоспособности.

После оценки влияния отдельных факторов риска и их комплексов на возникновение длительной и частой утраты трудоспособности у трудящихся получены диагностические многофакторные таблицы, что явилось основой для создания оценочно-диагностических и прогностических таблиц.

Анализ состояния здоровья круглогодичных контингентов за (2003 – 2007 годы) показал, что большинство работников Общества в течении года не теряют трудоспособность по болезни 76,9%, редко и непродолжительно -18,3% , длительно и часто болеющих – 4,8%.

Группа ДЧБ составляла в целом по Обществу – 4,8% что даёт до 38,6% всех случаев и до 40,3 % дней нетрудоспособности.

Анализ структуры ЗВУТ во всех профессиональных группах показал, что наибольшие трудовые потери связаны с болезнями органов дыхания (61,0); заболеваниями костно-мышечной системы (34,6); несчастными случаями, травмами и отравлениями (33,2); болезнями органов пищеварения (16,2); заболеваниями системы кровообращения (16,0) случаев на 100 работающих.

Сопоставление частоты встречаемости различных экзо и эндогенных факторов в группах работающих – практически здоровых и ДЧБ (позволило отобрать 42 наиболее информативных из них, а 30 из них с точки зрения неблагоприятного воздействия на здоровье трудящихся расценить как факторы способствующие возникновению ЗВУТ).

К таким факторам отнесены: возраст 40 лет и старше, стаж работы по специальности 10 лет и более, наличие профессиональных вредностей, частые переохлаждения, нервно-психическое напряжение, плохие отношения в коллективе. Из поведенческих факторов риска отметим – длительное (20 лет и более и частое 2 раза в неделю и более) употребление алкоголя, курение в течение 20 лет и более, отсутствие систематическим занятием физкультурой и спортом. Питание в «сухомятку» и нерегулярный приём пищи.

Как показал анализ, у лиц относящиеся к группе ДЧБ в 2,2 раза чаще есть родственники имеющие хронические заболевания.

На формирование группы ДЧБ влияет совокупность факторов, из которых можно выделить: биологические, социальные и медицинские. Из биологических факторов наибольшее значение в формировании группы ДЧБ имеют наследственность и возраст; социальных – общий стаж работы, стаж по специальности, вредные привычки; из медицинских – частота и длительность ЗВУТ.

На долю социальных факторов приходится – 65,0%, биологических -20,0%, медицинских-15,0%.

Факторы риска в зависимости от степени их управляемости распределяются следующим образом: 50,0% являются активно управляемыми, 33,3% относительно управляемыми и 16,7% неуправляемыми.

Для определения индивидуального риска оказаться в группе ДЧБ применили разработанную прогностическую таблицу, которая содержит градацию факторов и соответствующие им значения, предложена шкала оценки предрасположенности к длительной и частой утрате трудоспособности.

При планировании мер по охране здоровья особая роль отводится профессиональным осмотрам (предварительным и периодическим). Профилактика воспринимается как комплекс организационных мер направленных на предупреждение возникновения заболевания, предупреждения риска развития осложнений и инвалидности.

Формирование групп риска проводится в процессе проведения комплексных массовых профилактических осмотров.

Нами предложено использование оценочно диагностических и прогностических таблиц для оценки риска возникновения ЗВУТ, что значительно снизит вероятность хронических заболеваний у работников Общества и как следствие снизит затраты на лечебные мероприятия.

В условиях промышленного освоения газовых месторождений Севера Западной Сибири, все большее значение приобретают вопросы совершенствования охраны здоровья работников газовой промышленности, выявление факторов, увеличивающих уровень заболеваемости в отрасли, а также внедрение наиболее рациональных форм медицинского обслуживания работников, приводящих к профессиональному долголетию.

В ходе работы:

- проведён углублённый анализ ЗВУТ работающих газодобывающей промышленности в условиях Крайнего Севера Западной Сибири, дана оценка и роль групп ДЧБ в трудопотерях предприятия
- выявлены наиболее информативные факторы риска и их комплексы заболеваемости с временной утратой трудоспособности
- разработаны диагностические таблицы степени риска заболеваемости с временной утратой трудоспособности

Углубленный анализ заболеваемости с временной утратой трудоспособности в Обществе и его структурном подразделении осуществлён по данным журнала учёта больничных листов (содержащего информацию около 15000 листках нетрудоспособности за 2005 – 2007 годы).

Integrated Social and Hygienic Research in Health Safety of the Gas Industry Employees working in the Far North of West Siberia

A.P. Krivoschekov

In the context of the industrial development of gas fields of the West Siberian North increasing attention is paid to the health safety issues of the gas production employees, to the factors influencing an infection rate in the branch, and to the implementation issues of the most rational forms of the medical services for the employees, which could contribute to the career longevity.

In the health safety planning a particular reference is assigned to a professional examination as a combination of organising measures focused on prophylaxis of disease, prevention of complications and disability.

The author initiates the use of diagnostic and prognostic tables for hazard assessment of temporary disability diseases. This will cut the risk of chronic diseases among the employees of society and consequently, bring down the expenditures connected with remedial measures.

Социальная и экологическая физиология представителей новой популяции человека на Тюменском Севере

В.С. Соловьев, С.В. Соловьева, А.В. Елифанов, С.В. Панин

Интенсивное освоение территории Тюменского Севера связано с открытием и разработкой нефтяных и газовых месторождений, с последующим развитием инфраструктуры, необходимой для стабильного поддержания производственного потенциала населения. Массовые переселения жителей происходили в 70-е и 80-е годы прошлого столетия с началом широкой застройки жилья, создания учреждений образовательной, медицинской, социально-бытовой сферы.

Медико-биологическая наука внимательно отслеживала процессы заселения региона. Этому в немалой степени способствовало заинтересованное внимание административных и промышленных структур. Демографическая структура населения, прибывающего, прежде всего, из районов сложившейся нефтегазодобывающей и перерабатывающей промышленности (что способствовало созданию городов и поселков вокруг или вблизи промыслов, т.е. градообразующих предприятий) складывалась за 5-10 лет.

Большое место заняли трассовые поселки при УПГН, ДНС, КНС, АТП и заводах. Население характеризовалось молодостью и высоким образовательным цензом. Многонациональность в условиях Советского Союза не сопровождалась проявлениями национализма, а мировоззрение, порядочность, честь и достоинство, единство в достижении цели сближали людей, формировали семьи. В биологической и медицинской науке, благодаря интенсивным и длительным исследованиям ученых различных специальностей из научных центров Новосибирска, Томска, Красноярска, Москвы сложились доказательства становления популяции человека с новым биологическим стереотипом.

Сейчас можно считать общепризнанным наличие трех субпопуляций человека на Тюменском Севере. Самые немногочисленные, имеющие наибольший опыт проживания на Севере, представители национальностей ненцев, ханты, манси. Вторая по численности – коренные пришлые русские и русскоязычные – проживают здесь не менее ста лет. По другой квалификации – это аборигены V и более старших поколений. Самая большая по численности – новоселы и их ближайшие потомки 1,2 поколений, дети и внуки первых освоителей нефтегазовой целины.

Основные закономерности приспособления человека к новым условиям существования определяются для индивидуума фенотипическими, а для популяции – генотипическими свойствами. В условиях активно меняющейся среды обитания существенное значение приобретает психофизиологический потенциал населения. Это понятие призвано отражать взаимоотношения людей в коллективе или популяции, близко к группе определений – географическая психология, качество жизни, человеческий фактор. Оно отражает, в частности, взаимоотношения между вновь прибывшими и старожилами, формируется в течении 7-8 лет.

Адаптация – процесс фазовый и хорошо исследован сперва на БАМовской, а затем и на Тюменской популяции. Лучше других исследованы системы дыхания и кровообращения, которые являются ведущими в обеспечении непрерывных морфологических, физиологических, биохимических, психофизиологических процессов приспособления к жизни в регионах, значительная часть территории которых отнесена к экстремальным и субэкстремальным климатическим зонам. Кислородно-энергетический гомеостаз – интегративный механизм, обеспечивающий стабильное существование организма.

Специфическим стимулятором напряжения гомеостаза с последующей активизацией кардиогемореспираторной системы является гипоксия. Первичный запрос кислорода и энергии

возникает на субклеточном уровне с участием комплекса внутриклеточных белков, запускаемых эритропоэтином, основной функцией которого является регуляция красного кроветворения. Природа гипоксии неспецифическая и основным элементом имеет нестабильность климато-физиологических гелиофизических факторов – температуры, влажности, скорости и направления движения воздуха, атмосферного давления, освещенности, электромагнитной и солнечной активности. Все это приводит к необходимости практически непрерывно приспосабливать газообмен и метаболизм к постоянно меняющимся адресатам максимального кислородного запроса. Кровообращение, дыхание, красная кровь -природные антигипоксические механизмы.

Напряжение и срыв, переход в патологию происходит сперва на объективном функциональном и органическом уровнях, а спустя 7-10-15 лет у большинства патологии приобретают и субъективное отражение в виде жалоб и ощутимых дисфункций. Основные патологии – артериальная гипертензия и хронические обструктивные болезни легких (ХОБЛ) – эффективнее всего выявляются при донозологической диагностике во время обязательных глубоких медицинских и медико-биологических обследованиях профилактического характера. Артериальная гипертензия (АГ) и ХОБЛ являются основными факторами риска потери трудоспособности и инвалидизации населения.

Резистентность организма к неблагоприятным факторам среды в большой мере зависит от стрессоустойчивости организма. Стресс – это эволюционно сложившаяся система физиологических, психологических, биохимических, социальных механизмов. Он наиболее распространен и включается раньше других неспецифических механизмов защиты, а поэтому довольно хорошо изучен. Как любой стресс, стресс адаптации довольно долго, как свидетельствуют фазы развития дизадаптации, компенсирует приспособление организма. В первую очередь начинают срываться наиболее напряженные системы организма, к которым наряду с вышеназванными относятся центральная нервная система, высшая нервная деятельность, репродуктивная система.

К факторам риска дизадаптации относятся пол, возраст, алкоголь, курение. Особым механизмом является иммунитет. Если неспецифическая защита открыто заявляет о себе и может быть оценена, то лимфоидный иммунитет стал доступен к объективному изучению фактически после открытия генома человека, т.к. позволил определять конкретные формы белка на ядерном и мембранном уровне у индивидуума. Белки синтезируются и расходуются интенсивнее других пищевых веществ, а в условиях напряжения нагрузка на белковый и метаболизм увеличивается. С дисфункцией белкового синтеза связано широкое распространение онкологических заболеваний, которые по встречаемости и по смертности занимают одно из первых мест в жизни человека.

Становление адаптации считается успешным, если ребенок наследует от родителей до 80 % положительных свойств. После 55 % начинается депопуляция – убыль населения. Социально-экономический кризис, сопровождающий развитие России как государства, как и кризис конца 50-х годов прошлого столетия, вызвал демографическую катастрофу, высокую смертность, низкую рождаемость – явления, близкие к общебиологическим, а не только человеческим видовым свойствам. Северные территории благополучнее других регионов переносят этот период, хотя не избежали ремиграций, развития стресс-индуцируемых соматических и психических пре- и патологий.

Решительные меры в виде концепции развития ХМАО на 2000-2010 годы, закона о качестве жизни населения ХМАО-Югры позволили этому округу сохранить самую главную ценность территории – производительное население, создать условия для воспроизводства. Прямая миграция не может компенсировать естественную убыль работоспособного населения, а третье поколение пришлых – это уже почти стабильное население. Еще одно-два поколения – и оно станет коренным по физиологии и психологии. О достаточно высоком трудовом потенциале и адаптивном характере дисфункций говорит высокий процент работоспособных людей не только в возрасте 18-55-60 лет, но и позже. 30 % пенсионеров официально, и значительно больше в реальной жизни, еще одно из проявлений стабилизации популяции.

Стресс на Севере, как по всей стране, в последние годы потерял первоочередность физиологического и психоэмоционального проявления, а все больше носит характер психосоциального. Об этом свидетельствуют результаты самооценки жителями Севера физиологического и социального статуса. На первом месте – доходность как фактор качества жизни. Среди мероприятий по сохранению популяции на первое место выходят следующие: медицинская служба, питание, обеспечение социального благополучия, широкое применение естественных адаптогенов.

Авторы имеют большой опыт успешных работ по оценке и сохранению здоровья северян разного возраста, пола и профессий. Комплексные мероприятия охватывали школы, НГДЦ, БП ТОИК и города. Не отходя от принципиальной схемы работы на популяционном уровне, мы могли выдать индивидуальные рекомендации, корректировать режимы дня и нагрузки в школах, вузах. Сейчас оснащение кафедры характеризуется высокоспециализированными исследователями, техникой последнего поколения, владением теории адаптации и конкретных ее проявлений.

Естественно, постулируя первоочередное внимание к поколениям освоителей нефтегазового комплекса, мы выступаем за создание активной системы сохранения их здоровья и воспроизводства на уровне администраций и работодателей. Научная база для этого на социально-физиологическом уровне создана. Дело за ее широким внедрением. Своевременная забота по успешной адаптации представителей всех поколений популяции – основа реализации социально-экономического плана и жизни каждого северянина. Самое главное: изучение влияния длительности проживания (5,10,20 лет) стало не актуальным, необходимо изучение сложившейся популяции, ее здоровых и больных представителей.

Social and Ecological Physiology of the New Human Population Representatives in the North of Tyumen Region

V.S. Solovyev, S.V. Solovyeva, A.V. Yeliphanov, S.V. Panin

Medico-biological science has been keeping up on process of settlement in Tyumen region. In the result of long and intensive research the scientists have got the evidences of new human population formation with new biological and genetic stereotype. At present the existence of three human subpopulations in the North of Tyumen region can be acknowledged. In this connection this paper describes various aspects of these population's psycho-physiological potential. Timely concern for the successful adaptation of the representatives of every population is fundamental for the life and socio-economical development of every northerner.

Использование вахтового метода труда при освоении ресурсов Севера России

Н.Г. Телегий

Бескрайние просторы заснеженной тундры, поразительная тишина обжигающего мороза, суровый и удивительно красивый край. Огромные запасы природных богатств. Земля великой истории и больших перспектив – Ямал. Сегодня из недр Ямала ежегодно подается в газовые магистрали более 500 миллиардов кубических метров природного газа, что составляет около 92% объема газа, добываемого в России. Добыча и переработка углеводородного сырья постоянно увеличивается. Для разработки новых месторождений требуются энергичные и сильные люди, различных профессий и квалификаций. В настоящее время Газпром признал перспективной разработку Ен-Яхинского, Песцового, Берегового, Заполярного и др. месторождений. Данные сейсмических разведок позволяют предполагать открытие новых крупных месторождений углеводородов на шельфе полуострова Ямал. Газпром предоставляет вакансии на востребованные профессии при освоении новых месторождений. Работа в Газпроме почетна и престижна.

В конце 60-х годов, в СССР была выдвинута и затем реализована идея «экспедиционно-вахтового метода», направленная не только на обеспечение промышленности и строительства квалифицированными кадрами, но и на ограничение численности «пришлого населения» в непригодных для проживания северных районах.

Если коротко сформулировать смысл экспедиционно-вахтового метода – это выполнение работ на Севере силами предприятий, работники которых постоянно проживают в базовых городах и/или в центральных/южных районах страны. Официальное определение вахтового метода следующее: «особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания».

Вахтовый метод был применён впервые в газовой промышленности по всему циклу работ от геологоразведки и строительства до эксплуатации. Министерством газовой промышленности и ПО «Ямбурггаздобыча» была реализована программа освоения и обустройства Ямбургского газоконденсатного месторождения исключительно вахтовым методом. В дальнейшем вахтовый метод получил наибольшее применение именно в газодобывающей промышленности. Поэтому при рассмотрении данного метода ведения работ целесообразно обращать внимание именно на опыт «Газпрома».

В 1986-1988 гг. Тюменским медицинским институтом проблем освоения Севера были проведены медико-биологические и социологические исследования на Ямбургском месторождении по обоснованию эффективности режимов труда и отдыха. Было рекомендовано использовать на Ямбурге (и он, в основном, используется) режим 60x30 и 30x30 дней работы и отдыха соответственно в прерывном и непрерывном производстве. В режиме 30x30 используется 12-часовой рабочий день, что допустимо только в непрерывном производстве. В режиме работы 60x30 – продолжительность смены 10 часов.

В районах, жестко не связанных транспортными схемами и расположенных южнее, возможны и применяются режимы 20x10 с 10-часовым рабочим днем для прерывного производства и 15x15 с продолжительностью смены 12 часов в непрерывном производстве.

Уже 19 лет действует предприятие «Ямбурггаздобыча» (дочернее добывающее предприятие «Газпрома»), которое эксплуатирует месторождение по экспедиционно-вахтовому методу; вблизи промыслов размещены только вахтовые поселки газавиков и городки строителей. Но необходимо

отметить, что в качестве базовых городов были выбраны уже существовавшие Надым и Новый Уренгой, также расположенные в неблагоприятной для постоянного заселения приполярной зоне.

Применение вахтово-экспедиционного метода при обустройстве и эксплуатации Ямбургского ГКМ может свидетельствовать о его целесообразности и достаточной эффективности при работах в районах с экстремальными природно-климатическими условиями Крайнего Севера (в настоящее время вахтовым методом разрабатывается и Заполярное месторождение, при этом другой метод освоения изначально даже не обсуждался).

Для стабильной добычи газа на определенном уровне и сохранения имеющихся позиций в Европе «Газпром» в настоящее время прилагает усилия по формированию Ямальского производственного комплекса, включающего в себя бурение, добычу, транспортировку природного газа, строительство и другие виды производственной и вспомогательной деятельности. Практический опыт показывает, что наряду с техническими и технологическими решениями по разработке газоконденсатных месторождений, важную роль в эффективном осуществлении этих проектов играют социальные программы, назначение которых – обеспечивать рациональное использование трудовых ресурсов.

Специфика освоения ямальских месторождений (экстремальные природно-климатические условия, отсутствие социальной инфраструктуры) обуславливает необходимость использования вахтово-экспедиционного метода организации труда. В связи с этим особую актуальность приобретают социальные программы, включающие в себя выработку схемы расселения работающих по местам приложения труда (вахтовым поселкам) и постоянного проживания (базовым городам), определение объемов жилищного строительства и необходимых затрат на развитие социальной инфраструктуры базовых городов и вахтовых поселков и др.

Сам вахтово-экспедиционный метод, в свою очередь, требует решения ряда проблем, в том числе обоснования режимов труда и отдыха, продолжительности вахты, выбора городов для постоянного проживания, инфраструктуры вахтовых поселков и др. Тем не менее, применение этого метода позволяет сокращать расходы по созданию социальной сферы и вспомогательной инфраструктуры, а также снижать психологические и физиологические нагрузки, связанные с длительным пребыванием работников в экстремальных условиях. Данный метод при определенных условиях, с одной стороны, экономически эффективен, а с другой – социально полезен.

Известно, что в последние годы предпринимались попытки произвести расчеты экономической эффективности вахтового метода. Так, ООО «НИИГАЗэкономика» (дочернее предприятие «Газпрома») несколько лет назад была разработана «Методика определения экономической эффективности применения вахтового метода и расчета стоимости содержания одного вахтовика». В методике были определены состав и методы расчета затрат на содержание одного вахтовика, был разработан метод определения экономической эффективности применения вахтового метода, основанный на сопоставлении затрат при традиционной и вахтовой формах организации работ. Данная методика должна была стать составной частью программы «Газпрома» по развитию вахтового метода на предприятиях при освоении газовых месторождений северных регионов. Также известно, что в некоторых диссертационных работах в конце 90-х годов предпринимались попытки обосновать экономическую эффективность вахтового метода. В одной из них (работа Е.В. Черепанова «Особенности использования вахтового метода освоения и эксплуатации газовых месторождений» (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) для оценки экономической эффективности был применен метод приведенной стоимости. В качестве основного обобщающего показателя, характеризующего эффективность проекта разработки месторождений региона, в нем используется показатель интегрального экономического эффекта (чистой текущей стоимости), в котором находят отражение частные показатели эффективности – производительность труда и фондоотдача, материалоемкость и энергоемкость процессов бурения, обустройства промыслов и добычи природных ресурсов, а также показатели качества добываемого

сырья. По расчетам Е.В.Черепанова, экономический эффект при реализации вахтового метода на п-ове Ямал за все годы расчетного периода в 1,8 раза выше, чем при традиционном варианте освоения и эксплуатации, что выглядит достаточно эффективно.

Анализ отечественной практики использования вахтово-экспедиционного метода работ позволяет выделить его характерные признаки:

- наличие базового города с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры для постоянного проживания работников с семьями и вахтового поселка на местах приложения труда для проживания сменного персонала
- обеспеченность регулярными транспортными связями базового города с вахтовым поселком, расположенными за пределами ежедневной транспортной доступности;
- использование режимов труда с удлиненной рабочей сменой и суммированным учетом рабочего времени
- проживание в период вахты в вахтовом поселке только сменного персонала, в связи с чем в них складывается особая демографическая структура населения, в которой полностью отсутствуют неработающие члены семьи
- расширенная социальная сфера (сфера общественного питания, бытового обслуживания, культурно-спортивного отдыха и др.)

Таким образом, можно предположить, что этот метод способствует максимальной концентрации населения в регионах с высоким уровнем урбанизации, удовлетворению значительных социальных потребностей населения базовых городов, экономии капитальных вложений при градостроительстве и сокращению объемов жилищно-гражданского строительства в зонах, непригодных для постоянного проживания, а также решению вопросов занятости населения на региональном рынке труда. Но самое важное – это то, что вахтовый метод обустройства нефтегазоконденсатных месторождений ускоряет ввод в действие промышленных объектов.

Литература

Бинкин В. А. – Экономическим реформам – социальные ориентиры // *Налоги. Инвестиции. Капитал*, 2004. № 1-2.

Брехунцов А. М., Бочкарев В. С., Бородкин В. Н. Ямало-Ненецкий автономный округ как основа топливно-энергетического комплекса России // *Нефтегазовая геология и геофизика*, 2003. № 5.

Быковский В. А. Человеческий капитал Севера Западной Сибири и проблемы его развития. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2004.

Ганопольский М. Г. Устойчивое развитие региона: вопросы методологии и социокультурный контекст: Учебное пособие. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2005.

The Use of Shift-work in Resource-extractive Industries of the Russian North

N.G. Telegy

Today Yamal supplies more than 500 milliards cu m/year of gas. And it was the gas industry that pioneered the use of long-distance commuting: Ministry of gas industry and production association “Yamburggazdobytcha” accomplished a programme of Yamburg gas-condensate field exploitation using the long-distance commuting only. Long-distance commuting officially is defined as “particular method of employment in which the work place is isolated from the workers’ homes and their everyday returning home is impossible”.

Analysis of Russia’s experience in the development of long-distance commuting identified its main characteristic features which are described in this paper.

Организация вахтового метода работ на Крайнем Севере и его правовые основы

В.А. Мартынов

Правовые основы

Согласно Трудовому Кодексу российской Федерации, вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания.

Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков работ.

Работники, привлекаемые к работам вахтовым методом, в период нахождения на объекте производства работ проживают в специально создаваемых работодателем вахтовых поселках, представляющих собой комплекс зданий и сооружений, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности указанных работников во время выполнения ими работ и междуменного отдыха, либо в приспособленных для этих целей и оплачиваемых за счет работодателя общежитиях, иных жилых помещениях⁴.

Условия проживания регулируются трудовым договором, и не должны противоречить санитарно-эпидемиологическим нормам⁵.

Один из домов вахтового поселка

Вахтой считается общий период, включающий время выполнения работ на объекте и время междуменного отдыха.

Продолжительность вахты не должна превышать одного месяца. В исключительных случаях на отдельных объектах продолжительность вахты может быть увеличена работодателем до трех месяцев с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации⁶.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 297 «Общие положения о работе вахтовым методом».

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 36 «Обеспечение прав работников на охрану труда». Статья 219 «Право работника на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда» и статья 220 «Гарантии права работников на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда».

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 299 «Продолжительность вахты».

Рабочее время и время отдыха в пределах учетного периода регламентируются графиком работы на вахте, который утверждается работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, и доводится до сведения работников не позднее, чем за два месяца до введения его в действие.

В указанном графике предусматривается время, необходимое для доставки работников на вахту и обратно. Дни нахождения в пути к месту работы и обратно в рабочее время не включаются и могут приходиться на дни междувахтового отдыха.

Каждый день отдыха в связи с переработкой рабочего времени в пределах графика работы на вахте оплачивается в размере дневной тарифной ставки, дневной ставки, если более высокая оплата не установлена коллективным трудовым договором⁷.

Работникам, выполняющим работы вахтовым методом, за каждый календарный день пребывания в местах производства работ в период вахты, а также за фактические дни нахождения в пути от места нахождения работодателя (пункта сбора) до места выполнения работы и обратно выплачивается взамен суточных надбавка за вахтовый метод работы.

Работникам организаций, финансируемых из федерального бюджета, надбавка за вахтовый метод работы выплачивается в размере и порядке, устанавливаемых Правительством Российской Федерации.

Работникам организаций, финансируемых из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, надбавка за вахтовый метод работы выплачивается в размере и порядке, устанавливаемых соответственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Работникам работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, надбавка за вахтовый метод работы выплачивается в размере и порядке, устанавливаемых коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором.

Работникам, выезжающим для выполнения работ вахтовым методом в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности из других районов:

устанавливается районный коэффициент, и выплачиваются процентные надбавки к заработной плате в порядке и размерах, которые предусмотрены для лиц, постоянно работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск в порядке и на условиях, которые предусмотрены для лиц, постоянно работающих:

- а) в районах Крайнего Севера, – 24 календарных дня;
- б) в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, – 16 календарных дней.

В стаж работы, дающий право работникам, выезжающим для выполнения работ вахтовым методом в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности из других районов, на соответствующие гарантии и компенсации, включаются календарные дни вахты в районах Крайнего

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 301 «Режимы труда и отдыха при работе вахтовым методом».

Севера и приравненных к ним местностях и фактические дни нахождения в пути, предусмотренные графиками работы на вахте.

Работникам, выезжающим для выполнения работ вахтовым методом в районы, на территориях которых применяются районные коэффициенты к заработной плате, эти коэффициенты начисляются в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

За каждый день нахождения в пути от места нахождения работодателя (пункта сбора) до места выполнения работы и обратно, предусмотренные графиком работы на вахте, а также за дни задержки в пути по метеорологическим условиям или вине транспортных организаций работнику выплачивается дневная тарифная ставка, часть оклада (должностного оклада) за день работы (дневная ставка)⁸.

Трудовое законодательство предусматривает свободный выбор места работы для граждан Российской Федерации.

С другой стороны, по законодательству иностранные граждане тоже могут работать на территории РФ. При необходимости работодателей в иностранной рабочей силе, они ежегодно, до 1 мая представляют в уполномоченные органы субъектов Российской Федерации заявку о потребности в рабочей силе для замещения в предстоящем году вакантных и создаваемых рабочих мест иностранными работниками⁹. В случае если в течение года, на который утверждены квоты, у работодателей возникает необходимость в дополнительном привлечении иностранных работников (или же уменьшении их количества) это так же возможно и осуществляется по тому же принципу, что описан выше¹⁰. После чего заявка и вся информация (в том числе о соискателе) проходит ряд инстанций (в их числе: Министерство иностранных дел, Министерство здравоохранения и социального развития, Министерство экономического развития, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба по труду и занятости). В итоге выносится постановление подписанное президентом Российской Федерации «Об утверждении квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности». Например, квота на 2009 год составляет 1250769 приглашений¹¹.

Вахтовый метод организации работ

Вахтовый метод организации работ – специфическая форма организации труда, широко распространенная в нефтяной, газовой и лесной промышленности, строительстве, геологоразведке и на железнодорожном транспорте и применяемая в основном в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, на труднодоступных и малоосвоенных территориях Сибири, Дальнего Востока.

Вахтовый метод необходимо отличать от других форм организации труда: командировок, сезонных работ, обычных смен. Наибольшее сходство такой метод имеет с командировками. Обе эти формы связаны с поездками к месту выполнения работы и возвращением к месту жительства.

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 302 «Гарантии и компенсации лицам, работающим вахтовым методом».

⁹ Постановление правительства Российской Федерации «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формировании квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности». Часть II пункты 5-7.

¹⁰ Постановление правительства Российской Федерации «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формировании квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности». Часть IV пункт 33.

¹¹ Постановление правительства Российской Федерации «Об утверждении на 2009 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» от 7 ноября 2008 г. N 836.

Работникам выплачиваются гарантии и компенсации, расходы по проезду к месту работы и обратно. К командировкам и работе по вахтовому методу не могут привлекаться одни и те же категории работников. Другие существенные различия следующие.

Командировка предполагает	Вахтовый метод предполагает
1) Поездку, как правило, отдельного работника	1) Поездку групп работников
2) Единовременную поездку	2) Регулярные поездки
3) Поездку вне места постоянной работы	3) Поездку на место постоянной работы
4) Выполнение разового служебного поручения	4) Выполнение постоянной трудовой функции
5) Специальное оформление (приказ, командировочное удостоверение, авансовый отчет и др.)	5) Поездку без специального оформления
6) Сохранение среднего заработка за время командировки	6) Выплату тарифной ставки за время в пути или оплату за выполненную работу
7) Выплату суточных, возмещение расходов по найму жилого помещения за время в пути	7) Выплату компенсаций в размерах, установленных законодательством (Трудовым кодексом)
8) Письменный доклад о результатах; отсутствие письменных отчетов, и авансовый отчет об израсходованных суммах	8) Отсутствие письменных отчетов после окончания вахты

Вахтовый метод организации труда имеет общие черты и с сезонными работами. И те и другие работы зависят от природно-климатических условий, требуют, как правило, выезда в другую местность на определенный период. Лицам, занятым на этих работах в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, предоставляются льготы.

Вахтовый метод организации работ	Сезонные работы
1) Предполагает регулярные поездки к объектам работ, удаленным на значительные расстояния	1) Предполагают разовую поездку на работу и возвращение после окончания сезона, либо вообще не предполагают поездок
2) Означает работу сменным (вахтовым) персоналом	2) Не предполагают сменности
3) Влечет применение особых режимов труда и отдыха, основанных на суммированном учете рабочего времени	3) Не связаны с особыми режимами труда и отдыха

Вахтовый метод организации труда в нефтяной (газовой) отрасли отличается также от работы обычными или удлинненными сменами. При вахтовом методе сменная работа является лишь одним из составляющих его элементов. Круг отношений, возникающих при применении такого метода, значительно шире, чем при организации сменной работы. В него входят отношения по поводу заключения трудового договора, доставки работников, оплаты труда, предоставления определенных гарантий, выплаты компенсаций, охраны труда и ряда других, которых не возникает при сменной организации труда¹².

Таким образом, вахтовый метод – специфическая форма организации работ и перераспределения трудовых ресурсов, которая является одной из самых важных и эффективных в условиях Крайнего Севера.

Литература

Кривой В.И. «Вахтовый метод организации работ», Правоведение. -1985. – № 2., 71 – 75 с.

Постановление правительства Российской Федерации «Об утверждении на 2009 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» от 7 ноября 2008 г. N 836.

Постановление правительства Российской Федерации «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формировании квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности» от 22 декабря 2006 года № 783.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 36 «Обеспечение прав работников на охрану труда». Статья 219 «Право работника на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 36 «Обеспечение прав работников на охрану труда». Статья 220 «Гарантии права работников на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

¹² Кривой В. И. «Вахтовый метод организации работ», «Правоведение» - 1985. - № 2. - 71 – 75 с.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 297 «Общие положения о работе вахтовым методом», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 299 «Продолжительность вахты», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 301 «Режимы труда и отдыха при работе вахтовым методом», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

Трудовой кодекс Российской Федерации. Глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом». Статья 302 «Гарантии и компенсации лицам, работающим вахтовым методом», с изменениями и дополнениями на 30.12.2008.

The Organization of the Long-distance commute Work in the Far North and its Legal Bases

V.A. Martynov

The legal bases

According to the Labor Code of the Russian Federation long-distance commute work is a special form of the labor organization where a workplace is located remote from a worker's places of residence. It is employed when daily return to places of residence is not possible since workplaces are situated too far away. Therefore, shift work is used also for the reason of saving time.

During the work period long-distance commute workers live in special work camps, hostels or other housing facilities which are paid and provided by employer. Commuter settlements comprise numerous buildings where administrative and supply facilities are located.¹³ Living conditions in the work camps are fixed in the labor contract and must not contradict sanitary and epidemiological standards¹⁴.

Example of a building in a shift camp

¹³ Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 297 «General points about shift work».

¹⁴ Labor Code of the Russian Federation. Chapter 36 «Workers' labor protection guarantees». Article 219 «Worker right to safety arrangement and precautions labor» and article 220 «Guarantee of right to safety arrangement and precautions labor».

A shift is a period which includes working time and rest time between shifts. This can last up to one month, although for particular occupations the length of a shift period may last up to three month. These cases are negotiated by the labor union and included into the labor code.¹⁵

Rest period and work time is set within the shift timetable. This must be approved by the employee. New timetables must be brought to workers' notice at least two month before the day of deployment. Shift timetables include also workers' transfer time. However, this is not included into the work time.

That is why it can falls on between shifts rest days.

For each day of between shifts rest is paid day tariff rate or even more (this point is fixed by labor contract)¹⁶. Shift workers receive premiums for each calendar day on the work site and for actual days being en-route from the starting point to workplace and back.

Shift workers of organizations which are financed from the federal budget receive premiums as fixed by the government of the Russian Federation. Shift workers of organizations which are financed from the Russian Federation subjects' budgets and cities' budgets receive premiums as fixed by organs of government of subjects and city forms of government. Shift workers of non-budget organizations receive premiums is fixed in the labor contract.

Shift workers who work in the Far North area or in equivalent regions

- have a fixed district coefficient and receive premiums is specified for a person who constantly works in the Far North area or in equivalent regions
- receive annually paid additional vacation as it is fixed for a persons who constantly works

a) in the Far North area. The length of additional vacation is 24 calendar days

b) in equivalent regions as the Far North. The length of vacation is 16 calendar days.

Standing includes calendar days of shift work in the Far North area or in equivalent regions as the Far North and factual days being on-the-way which are provided by shift timetable. Long-distance commute workers who are working in territories with a district coefficient receive this coefficient as fixed in the labor code.

For each day of workers' transfer stipulated by shift timetable and for each delay day because of weather conditions or transport problems workers are paid according to the tariff rate per day¹⁷.

The labor code of the Russian Federation allows citizens to choose the work place freely. In the case of foreign employers they must announce in advance the number of foreign workforce wanted for the coming year before the 1st of May¹⁸. Since employment of foreigners is dependent on yearly quotas, employers must announce a reduction of foreign work force¹⁹. The request and concomitant information about applicants is reviewed by the Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Health and Social Development, Ministry of Economic Development, Federal Migratory Department, Federal Department of Labor and

¹⁵ Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 299 «Shift time length».

¹⁶ Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 301 «Rest and labor schedule in shift work».

¹⁷ Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 302 «Shift workers' guarantees and compensations».

¹⁸ The Russian Federation government resolution «About executive authority determining needs of foreign workers and forming quotas on foreign workers labor». Part II, points 5-7.

¹⁹ The Russian Federation government resolution «About executive authority determining needs of foreign workers and forming quotas on foreign workers labor». Part IV, point 33.

Employment. Finally, the resolution is pronounced by the president of the Russian Federation within the notification «About approval to give foreign citizens invitations to entrance the Russian Federation for the purpose of working». The quota of invitations to foreign workers in 2009 totals to 1,250,769 people²⁰.

The organization of the shift work

Long-distance commute work is a specific form of labor organization which is widespread in construction, geological prospecting, oil and gas industries as well as in forestry. It is noteworthy that long-distance commute work is usually used in hard-to-reach and little-developed territories of the Far North area and equivalent regions of the Far North.

Long-distance commute work differs from business trips, seasonal works, and ordinary shift work. Shift work is similar to business trips since both of these forms concern trips to a workplace and the return to the place of residence. Guarantees and compensations as well as transfers are paid. The same categories of workers cannot be involved in business trips and in shift work. Other essential differences:

Business trip assumes	Shift work assumes
1) Trip, as usual, of the separate worker	1) Trip of groups of workers
2) Single trip	2) Regular trips
3) A trip out of a permanent job place	3) A trip to the place of a permanent job
4) Performance of the single office commission	4) Performance of constant labor function, trip for advance established constant period
5) Special registration (the order, the traveling certificate, the advance report, etc.)	5) Trip without special registration
6) Preservation of average earnings during business trip	6) Payment of the tariff while the worker is or way or payment of done work
7) Daily allowance payment, the reimbursement of premises hiring	7) Payment of compensations as it is fixed in labor law
8) Written report about results, the advance report about use up money	8) Absence of written reports after shift work

Long-distance commute work is similar to seasonal work. Both of these forms may also depend on climatic conditions. They refer to trips for a long period to districts other than that of permanent residence. In both cases benefits are paid if the workplace is located in the Far North or its equivalent regions.

²⁰ Russian Federation government resolution «About approval to give foreign citizens invitations to entrance the Russian Federation for the purpose of working in 2009» 7th of November 2008, N 836.

Long-distance commute work	Seasonal work
1) Regular trips to remote workplaces 2) Utilization of shift-work personnel 3) Special rest periods and particular work schedules, which are calculated according to a particular amount of working hours within the whole shift period	1) One trip only to and from the workplace at the beginning and at the end of the season 2) No shift-work personnel 3) It is not connected with special rest periods and particular work schedules

Long-distance commute work in the gas and oil industry in the Far North differs from usual shift work that is located close to the home region. Although shift work is part of long-distance commute work. However, long-distance commute work contains more elements such as regulations on the workers' transfer to and from work place, benefits, guarantees and compensations, safety regulations and so on²¹. Long-distance commute work as a particular form of labor organization for the relocation of workforce appears to be of particular importance and of high effectiveness under conditions of the Far North.

References

- Krivoi, V. (1985) The organization of the shift work, In: Jurisprudence, No. 2, 1985, 71 – 75 pp.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 297 «General points about shift work». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 36 «Workers' labor protection guarantees». Article 219 «Worker right to safety arrangement and precautions labor ». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 36 «Workers' labor protection guarantees». article 220 «Guarantee of right to safety arrangement and precautions labor ». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 299 «Shift time length». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 301 «Rest and labor schedule in shift work». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Labor Code of the Russian Federation. Chapter 47 «Special features of shift work regulation». Article 302 «Shift workers' guarantees and compensations». With amendments and additions from 30.12.2008.
- Russian Federation Government Resolution (07.11.2008) «About approval to give foreign citizens invitations to entrance the Russian Federation for the purpose of working in 2009». No. 836.
- Russian Federation government resolution (22.12.2006) «About executive authority determining the needs of foreign workers and the forming of quotas of foreign workers labour». Part IV, point 33. No. 783.

²¹ V. I. Krivoi «The organization of the shift work», «Jurisprudence» - 1985. - № 2. - С. 71 - 75

Психологические аспекты вахтового труда в условиях крайнего севера

Т.Л. Попова, А.А. Буганов, В.А. Лобова

Возрастающие потребности мировой экономики в ресурсах вовлекает новые, прежде малонаселенные территории из-за экстремальных для человека условий проживания. Привлечение рабочей силы при освоении территорий Крайнего Севера осуществляется двумя основными методами, каждый из которых имеет своих сторонников и противников, периодически возобновляющих горячие дискуссии и не идеальных по многим параметрам. Основным вопросом, по которому расходятся представления сторонников различных моделей освоения Крайнего Севера, заключается в том, имеют ли преимущества постоянные поселения, требующие создания дорогостоящей инфраструктуры для семей северян, либо более рационально использовать вахтовые формы труда, экономически более эффективные и предполагающие привлечение рабочей силы на определенный период из других регионов. Каков бы ни был экономический резон, основной акцент и в том и в другом случае должен быть сделан на психологическом благополучии человека, участвующего в освоении Крайнего Севера.

Экспедиционно-вахтовый метод характеризуется передвижным характером и отдаленностью мест приложения труда от основной производственной базы, регулярными маятникообразными передвижениями работников на большие (до 2-3 тысяч км) расстояния из мест постоянного проживания и отдыха к месту работы и обратно с их резкими климатическими и социальными контрастами. В этой связи, у вахтовых рабочих в профессиональной, бытовой, коммуникативной, интимной сфере возникают условия для целого ряда затруднений психологического порядка. Для анализа личностных проблем и причин внутреннего дискомфорта у работников межрегиональных вахтовых бригад нами проведено данное психологическое исследование, в котором приняли участие 126 мужчин, работающих в режиме вахты 30/30 дней, в возрасте от 20 до 59 лет. Группу сравнения составили мужчины этого же возрастного диапазона, постоянно проживающие в молодых индустриальных городах Крайнего Севера (Надым, Новый Уренгой).

Общий показатель стресса у рабочих межрегиональных бригад и рабочих, проживающих в данном регионе постоянно, показал, что стрессированность у межрегиональных рабочих достоверно выше, по сравнению с мужчинами, работающими и проживающими в одной климатической зоне (рисунок 1).

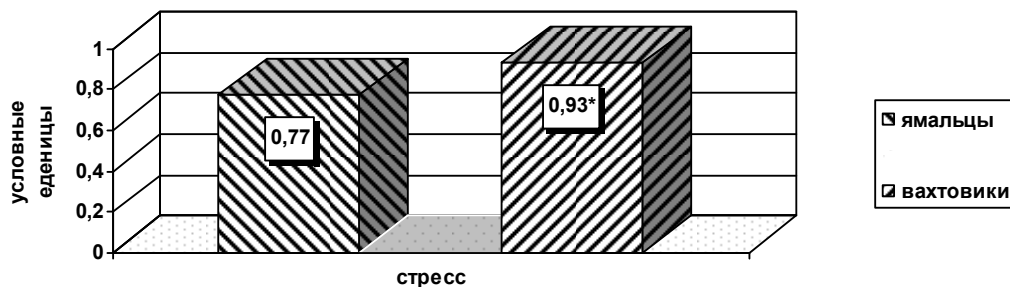

Рис. 1. Уровень стресса (изученный по Шкале Л. Ридера.) у вахтовых рабочих в сравнении с рабочими, проживающими на Ямале постоянно (* $p < 0,05$)

Анализ стрессированности в зависимости от стажа работы вахтовым методом показал, что стресс изначально выше в группе лиц с максимальным стажем работы, по сравнению с группой лиц, недавно работающих в режиме экспедиционно-вахтового труда. Кроме того, выявлены неоднотипные

тенденции в группах лиц с разным стажем. У межрегиональных вахтовиков, работающих менее пяти лет, к концу вахтового заезда стресс увеличивается. У лиц, работающих вахтовым методом в течение пяти и более лет, стресс остается на одном уровне (рис. 2.).

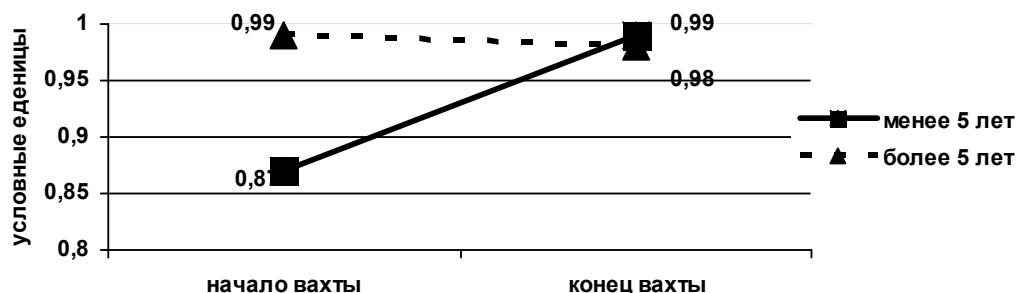

Рис.

2. Уровень стресса у рабочих в зависимости от вахтового стажа (усл. ед.)

При проведении корреляционного анализа стресса с основными факторами социальной ситуации вахтового труда обнаружено, что в начале вахты все рабочие проявляют более выраженную негативную личностную реакцию на изменение привычных условий жизни. В этот период отмечена тесная связь между стрессом и личностным фактором (сильная корреляция между стрессом и показателем общей нервности $r=0,7$). К концу вахтового заезда реакции сглаживаются, и уже не так остро вахтовые работники переживают сложные условия своего труда (средняя корреляция между стрессом и показателем общей нервности – $r=0,6$).

Таблица 2. Корреляционная связь стрессированности рабочих и факторов социальной ситуации вахтового труда на Ямале (r):

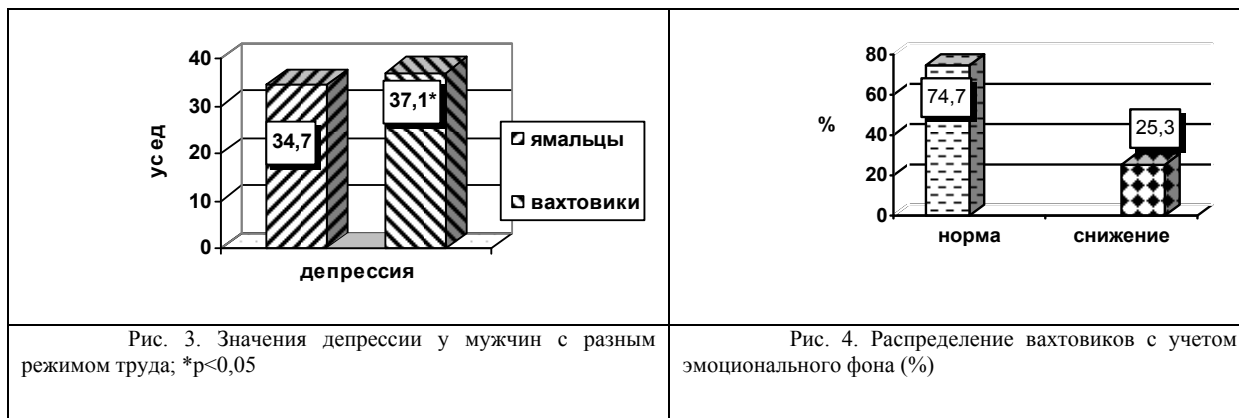
Социальные факторы	Сила связи	
	Начало вахты	Конец вахты
Личность	сильная	средняя
Труд	умеренная	умеренная
Эмоции	сильная	сильная
Быт	сильная	средняя
Общение	сильная	средняя
Жизненное истощение	средняя	средняя
Семья	умеренная	средняя

Большие проблемы у вахтовиков вызывают на начальном этапе рабочего периода и бытовые условия. Величина корреляции указывает на более выраженную связь между стрессом и бытовыми неурядицами в начале вахтовой смены, по сравнению с ее завершением.

Также более остро вахтовики реагируют на межличностные отношения в бригаде на начальном периоде работы, по сравнению с завершающим этапом. Обусловленность стресса конфликтами и шероховатостями в общении между бригадными рабочими более тесная именно в первые дни совместной работы, по сравнению с концом заезда.

В целом для вахтовиков на начало вахты эмоционально более значимы проблемы быта и общения. В то же время к концу заезда у них усиливаются переживания, связанные с гармонизацией семейных отношений. Корреляции стресса с переживаниями в отношении семьи и супруги на завершающем этапе рабочей смены являются более тесными, по сравнению с началом вахты.

Индекс депрессии (рисунок 3) в целом по выборке вахтовых рабочих, во-первых, превышает критические значения, во-вторых, достоверно выше, по сравнению с показателями, полученными у мужчин-северян аналогичной возрастной группы. Снижение эмоционального фона объясняет то, что рабочие экспедиционно-вахтового труда пессимистичнее оценивают свое будущее, чаще бывают подавленными и раздраженными. Депрессивные состояния характеризуют четверть обследованной выборки вахтовиков (рисунок 4).

Какие факторы влияют на формирование эмоционального дискомфорта у межрегиональных работников? Подавляющее большинство отмечает при опросах, что очень беспокоится о своей работе – 77%. По поводу бытовой неустроенности в период вахты переживает четверть всех опрошенных работников – 23%. Многие мужчины продолжают беспокоиться и переживать по поводу семьи – 15%. Часть вахтовиков испытывают коммуникативный стресс, утверждая, что, общаясь с людьми, ощущают сильное нервное напряжение – 8%. На полный упадок сил указывает восемь процентов опрошенных рабочих, утверждая, что к концу каждого рабочего дня он совершенно истощен физически и психически. Каждый пятый рабочий убежден, что в период вахтовой смены он раздражен и вспыльчив больше обычного, что существенно усложняет его жизнь в бригаде.

У кого в вахтовых бригадах чаще всего возникают коммуникативные проблемы? Агрессивность преобладает у стеничных мужчин, нетерпимых к критике, с доминантной структурой характера и «властным-лидирующим» типом коммуникаций. Установлена прямая связь между авторитарностью этих лиц и конфликтами в бригаде ($r=0,2$, $p=0,003$).

В то же время, больше всех страдают при общении мужчины с «недоверчивым-скептическим» типом коммуникаций (найдена связь со стрессом и депрессией) ($r=0,2-0,3$, $p < 0,02$). Для данного типа характерна замкнутость, обособленность, скрытность, разочарование в людях, недовольство и подозрительность. Свой негативизм они в основном проявляют в вербальной агрессии. И в том и в другом варианте нужна психологическая поддержка и коррекция взаимоотношений.

При конструировании психологического портрета «межрегионального вахтовика» найдены связи между социальными характеристиками и механизмами базальных влечений.

Межрегиональные рабочие, связывающие свою судьбу с Крайним Севером, движимы такими жизненными потребностями, как удовлетворение тщеславия, авантюризм, неосознаваемая жажда славы и популярности (связь притязаний с эксгибиционизмом $r=0,3$). Уровень притязаний обусловлен неудовлетворенной потребностью в любви и признанием значимости (связь притязаний с депрессией $r=0,3$). Вместе с тем, основной вектор жизненной позиции и целей у «среднего вахтовика» базируется на таких качествах, как самоограничение, преданность и самопожертвование (максимально тесная связь притязаний с мазохизмом) ($r=0,4$; $p < 0,005$).

«Модель самоосуществления» вахтовика, таким образом, включает жертвенность, сочувствие к людям, верность, преданность, умение отказывать себе во всем, с одновременной потребностью в ощущении собственной значимости, успеха, признания и позиционирования этих качеств. Изучение глубинных тенденций и влечений личности показывает, что в большинстве своём межрегиональные рабочие – это активные, энергичные, общительные люди, у которых сильна тяга к независимости и преобладают мечты об идеальных отношениях (ведущие влечения – контактные и сексуальные).

При весьма позитивном психологическом портрете, только каждый десятый мужчина, работающий вахтовым методом, обладает высоким и адекватным уровнем притязаний, что говорит о недостаточной оценке своего социального престижа. У подавляющего большинства вахтовиков снижен уровень притязаний, вследствие чего они находятся в состоянии стресса и остро переживают успех или неуспех в осуществлении своей деятельности (рисунок 5).

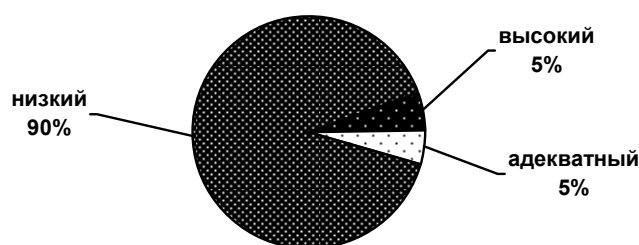

Рис. 5. Распределение вахтовиков в зависимости от уровня притязаний

Для купирования своей эмоциональной напряженности и стресса, вахтовые рабочие используют различные методы. Чаще всего – это общение с близкими людьми и общение с природой (39,5%, и 57,3%). Снимать стресс помогает и общение с искусством (36,4%). Курение, как традиционный способ снять напряжение, использует каждый третий рабочий (31,1%). Спорт и физические нагрузки в этом ряду стоят на пятом месте по значимости (26,6%). Часто используют с этой целью алкоголь (13,2%).

Методы саморегуляции занимают в системе психогигиены незначительное место. С аутогенной тренировкой знакомы и используют ее приемы немногим более двух процентов вахтовиков (2,3%). Почти семь процентов не использует ни один из традиционных методов.

Заключение: В вахтовых бригадах зафиксированы не только стресс, но и внутригрупповые изменения с возрастающей напряженностью, ухудшением взаимоотношений и комфортности в общении. Этих изменений можно в значительной степени избежать или нивелировать. Во-первых, для этого необходимо правильное формирование групп на основе рационального психологического отбора. Во-вторых, для своевременной коррекции коммуникативных и эмоциональных трудностей необходимо организовывать кабинеты социального тренинга или комнаты психологической разгрузки, что является удобной формой психогигиены и психопрофилактики. Кратковременный отдых в комнате психологической разгрузки, в среднем, на 25 % продуктивнее отдыха в обычных условиях. Сеансы релаксации создают бодрое настроение, повышают работоспособность, внимание, скорость реакций. Кроме того, отдых в комнатах разгрузки уменьшает конфликтность и повышает мотивацию к работе. И наконец, такой отдых позволяет повысить иммунитет, снять утомление, улучшить общее состояние центральной нервной системы. В подобных комнатах медперсонал может проводить для вахтовиков сеансы свето – музыка – и ароматерапии.

Штатные психологи в настоящее время включены в кадровые службы отдельных предприятий по добыче и переработке газа. Вместе с тем, эта кадровая проблема по-прежнему остается острой. Ее решение во многом помогло бы более рационально использовать вахтовый режим, решить многие внутренние проблемы и обеспечить жизненный комфорт и психологическое благополучие трудовых мигрантов.

Psychological Aspects of Long-Distance Commute Work under Conditions of the Far North

T.L. Popova, A.A. Buganov, V.A. Lobova

Research of problems specific for rotational workers of the Far North showed some psychological difficulties in professional sphere, communicative sphere, internal feelings and way of life. In order to lighten the causes of internal discomfort and improve personal socialization of rotational workers in the north a psychological research was carried out.

Aim of a trial was to study psychological aspects (stress, needs, pretensions, general emotional background, interpersonal relations) in rotational workers of the Far North.

Material and methods. 126 rotational workers were examined (all respondents were men, aged 20-59), period of interregional rotational work – 30/30. The research was done in villages of Nadym region (Yagelny, Priozerny, Longyugan) in spring and summer 2008. Szondy's test (method of portrait choice), Zung's depressive scale, Reeder's stress scale, questionnaire on interpersonal relations and questionnaire "How do you escape the nervous overtension?" were used.

Results. The trial revealed that stress in interregional rotational work was greater for rotational workers who worked by rotational way 5 or more years in comparison with men who worked in such a way less than 5 years. The most part of respondents showed great concern about their work (77%).

Depression was revealed in one-fourth of respondents. Depression index (by Zung) was higher by critical levels and was significantly higher than in analogous group of men residing in the Far North permanently.

The types of interrelations were studied. Aggression prevailed in stenic men, intolerance to criticism with dominant character structure and "autocratic" communication type. There were direct correlations between autocratic workers and conflicts in a team. In men with "distrustful-skeptical" communication type correlations between stress and depression were stated. Persons of such a type were offish, reticent, disappointed, distrustful and disaffected. Their negativism was rendered through verbal aggression. The correlations between social characteristics and basal needs were revealed. The work in the Far North was chosen by rotational workers because of ambitions, adventure hunting, longing for glory and popularity. Pretension level was defined by the need for love and achievement of self-importance. In general, life position in a rotational worker was based on such qualities as self-abnegation, ability to refuse himself in everything and devotion. Study of deep personal tendencies and affinities showed that most rotational workers were active, independent and communicative people in who dreamt of ideal relations. Ten percent of workers had adequate pretensions, in 90%, however, level of pretensions was decreased – this witnessed the improper assessment of their social status and stress presence.

Conclusion. Model of self-embodiment of a rotational worker included self-abnegation, ability to refuse himself in everything, devotion, compassion and at the same time the need to set self-importance, achieve success and recognition. Stress in rotational workers was caused by the way of life hard physical work and communicative problems. Preventive measures should be based on rational psychological choice at the period of rotational teams formation and include in-time correction of communicative and emotional difficulties.

Психофизиологические аспекты адаптации экспедиционно-вахтовых рабочих на Крайнем Севере

И.Ю. Низамова, А.А. Буганов, В.А. Лобова

Процесс приспособления человека к обитанию в полярных регионах страны чрезвычайно сложен. Однако он еще более усложняется, когда комплекс экстремальных факторов воздействует не постоянно, а прерывисто, как это имеет место при экспедиционной вахте. За короткий период вахты полноценная адаптация не успевает сформироваться, поскольку вахтовый труд отличается чрезвычайной интенсивностью физических и психических нагрузок.

Целью нашего исследования явилось изучение эффективности психофизиологической адаптации вахтовиков на Крайнем Севере, в зависимости от радиуса перевозки, для разработки последующих мер по профилактике нервно-психических нагрузок.

Научными сотрудниками лаборатории медицинской психологии нашего научно-исследовательского института обследовано 89 мужчин, работающих в режиме вахты 30 на 30 дней в возрасте от 20 до 59 лет (средний возраст $38,6 \pm 0,96$ лет), прибывших из Средней Полосы и Юга России.

В экспериментально-психологическом исследовании были использованы следующие методы: проба Шульте (А.И. Андрианов, 1992), теппинг-тест (Е.П. Ильин, 1986), тест САН (В.А. Доскин, 1973) опросник тревоги Спилбергера (С.D. Spielberger, 1970; Ю.Л. Ханин, 1976), шкала депрессии Зунга (W.W.K. Zung, N.C. Durhan, 1965; адапт. Т.И. Балашовой, 1988), шкала стресса Ридера (L.G. Reeder et al. 1963; А.А. Гоштаутас, 1986).

У всей бригады вахтовых рабочих изучены показатели функциональной психической активности, подвижности/уравновешенности нервных процессов, оптимальный уровень тревоги/депрессии, уровень психической регуляции в начале вахтовой смены и на ее завершающем этапе.

Установлена негативная динамика ухудшения функционального состояния организма. Исследования феномена утомления (по тесту САН) показали, что в первую очередь, у вахтовиков страдают характеристики, отражающие силу и здоровье. В частности, к завершению вахты у всех рабочих получено достоверное снижение показателей по шкале «самочувствие», по сравнению с начальным периодом ($p < 0,001$). При субъективной оценке в самоотчетах вахтовиков к концу вахты появляются такие лексические единицы, как обессиленный, изнуренный, вялый. Зафиксирована тенденция ухудшения показателей по шкале «настроение» с понижением основных характеристик эмоционального состояния ($p < 0,1$). По категории «активность» достоверных различий не обнаружено (рис.1).

В то же время показатели сквозных психических функций в процессе вахтовой смены имели обратную тенденцию. Нами получены данные, свидетельствующие о неблагоприятной картине на начало заезда с последующей стабилизацией рассматриваемых функций и улучшением отдельных характеристик изучаемых психических процессов на завершающем этапе вахтовой смены.

Так, при выполнении пробы Шульте, в начале вахтового заезда у респондентов обнаруживался низкий темп чтения корректуры и значительное количество ошибок при определении нужных стимулов. Итоговый показатель, рассчитанный на основе суммарного индекса правильно найденных символов, оказался ниже в тот период, когда работник только осваивался в новых условиях. В завершающем эксперименте через тридцать дней эффективность выполнения пробы достоверно улучшилась.

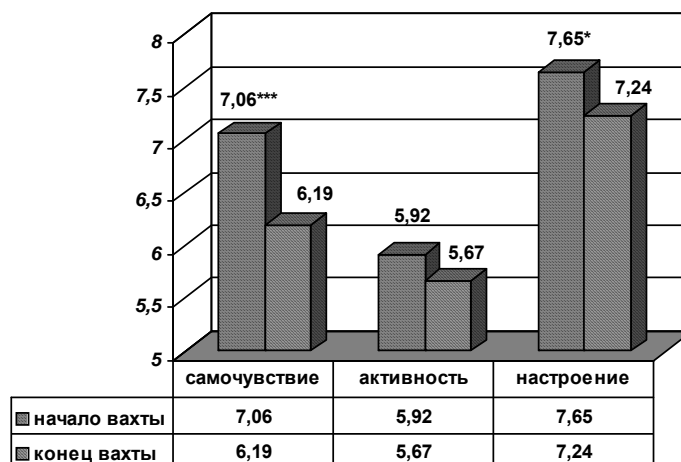

Рис. 1. Изменение функционального состояния в процессе вахтовой смены (усл.ед.); * – $p < 0,1$; *** – $p < 0,001$

Поскольку качество внимания является одним из важнейших условий эффективности труда на отраслевых предприятиях по переработке и транспортировке газа, данный условный показатель учитывался в каждом отдельном случае. Низкий уровень переключаемости внимания в начале работы характеризовал 2/3 лиц, участвовавших в эксперименте. Удовлетворительный и высокий уровень функции внимания был только у трети работников во всей бригаде. В то же время к концу вахтовой смены численность вахтовиков с удовлетворительными показателями внимания достоверно увеличилась (в 2 раза) ($p < 0,001$). Данный факт и приведенные выше статистические данные обнаруживают то, что функция внимания у вахтовиков в процессе адаптации стабилизируется (рис.2).

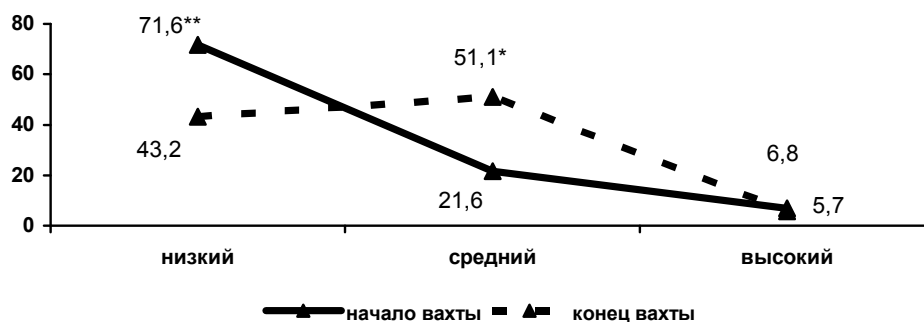

Рис. 2. Распределение вахтовиков по показателям переключаемости внимания (%); **- $p < 0,001$; *- $p < 0,01$

Для оценки функционального состояния нервных клеток мы использовали пробу, построенную на определении динамики максимального темпа движений рук (теппинг-тест). Так же, как и в предыдущей пробе, на начало вахтового заезда чаще выявлялись лица с недостаточным уровнем работоспособности нервных клеток, с функциональной лабильностью и истощаемостью. При лабильности у вахтовиков отмечалось первоначальное снижение темпа работы с последующим кратковременным его возрастанием до исходного уровня. Функциональная норма характеризовала шестую часть работников (16,0% случаев). На момент завершения вахты достоверно снизилась численность работников с лабильным и неустойчивым типом ($p < 0,001$). Поскольку лабильность связана с плохой продуктивностью и ослаблением самоконтроля, особенно в сложных ситуациях, факт уменьшения лабильных лиц следует расценивать в качестве позитивного (рис.3).

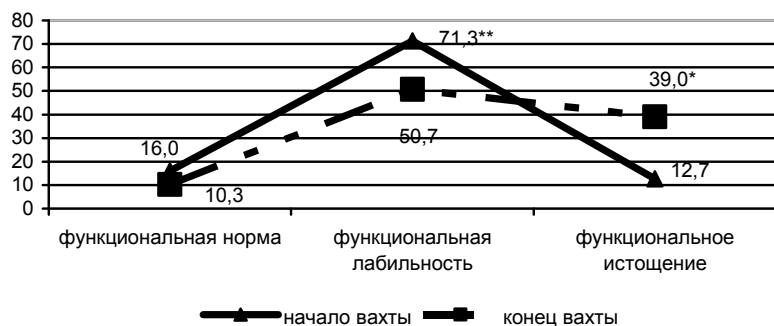
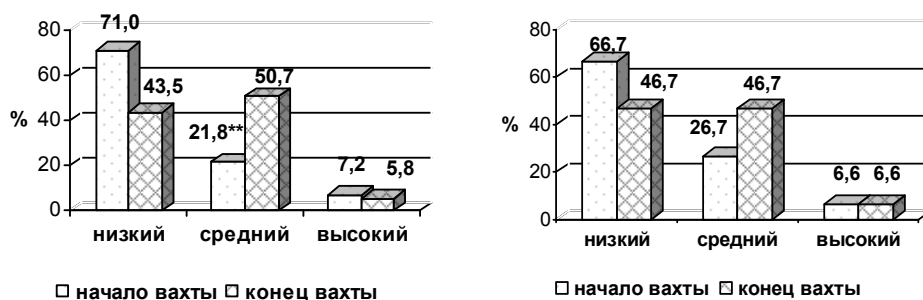

Рис. 3. Динамика функциональных показателей у рабочих в процессе вахтового труда (%); * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,001$

Нас интересовало, одинаково ли переносят экстремальные условия работы вахтовики, прибывшие из разных регионов. Для этого проведен анализ данных, полученных на основе выполнения всех функциональных проб с учетом радиуса перевозки людей, работающих в бригаде.

Общий анализ показал, что адаптация к условиям Севера у лиц, прибывших из Средней Полосы, происходит эффективнее, по сравнению с южанами.

Подтверждением является тот факт, что по данным, полученным в пробе Шульте, доля вахтовиков с устойчивым вниманием, прибывших из умеренных зон, к концу вахты выросла в 2 раза, по сравнению с ее началом, а у южан – в 1,5, в первом случае достоверно ($p < 0,001$) (рис.4).

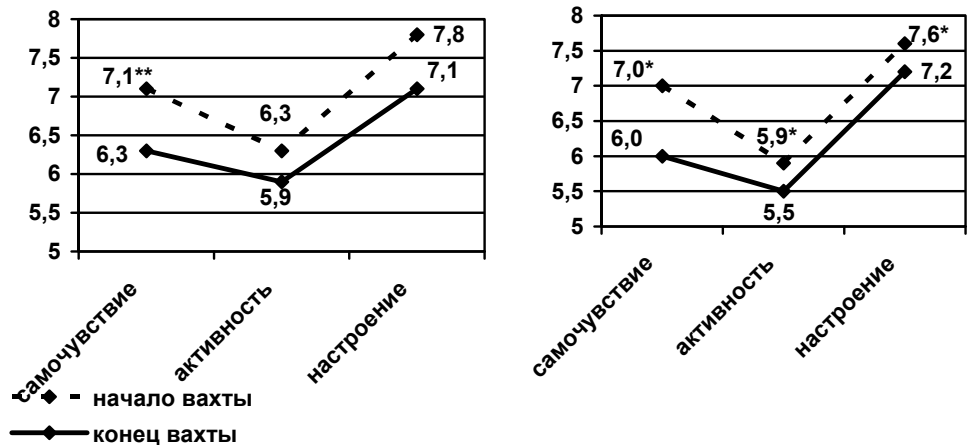
Средняя Полоса

Юг России

Рис. 4. Динамика по показателям внимания у рабочих в процессе вахтового труда (%); ** – $p < 0,001$

Кроме того, по результатам функциональной пробы Ильина (теппинг-тест) у южан численность лиц с нервным истощением к концу вахтовой смены увеличилось в 8 раз, а у межрегиональных вахтовиков из Средней Полосы – в 2,7 раза, в обоих случаях достоверно ($p < 0,001$).

Примечателен также факт, что у вахтовиков с меньшим радиусом перевозки при завершении вахтовой смены достоверно страдают только показатели самочувствия ($p < 0,001$). У южан установлено достоверное ухудшение всех показателей пробы (тест САИ) ($p < 0,05$) (рис.5).

Юг России

Средняя Полоса России

Рис. 5. Показатели функционального состояния, в зависимости от радиуса перевозки (усл.ед.); * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,001$

Таким образом, адаптация к условиям Севера у лиц, прибывших из Средней Полосы, происходит эффективнее, по сравнению с южанами, о чем свидетельствует анализ с учетом радиуса перевозки.

В то же время, нами выявлена тенденция, согласно которой у всех вахтовиков в начале северной вахты отдельные показатели нервных процессов снижены. На начальном этапе вахты психика людей как бы переходит на экономный, энергосберегающий режим, о чем свидетельствует отмеченное нами «спящее» состояние отдельных функций, в частности, внимания. Мы расцениваем этот факт в качестве адаптивного механизма, направленного на сохранение работоспособности нервной системы и организма в новых экстремальных условиях.

Эмоциональный фон на разных этапах адаптации к северной вахте также претерпевает существенные изменения. Каковы же эти особенности?

Парадоксальная картина наблюдается в отношении тревоги. Реактивная и личностная тревога у межрегиональных вахтовиков достоверно ниже в конце вахтовой смены. Снижение уровня тревоги можно объяснить улучшением профессиональной адаптации и общей вработываемостью вахтовиков к концу вахтовой смены (корреляции между трудовыми стрессами и тревогой: на начало вахты есть, на конец – отсутствуют). Кроме того, найдены изменения корреляций между тревогой и бытом (на начало – умеренные, на конец – очень слабые), что говорит о более терпимом отношении к быту под конец смены.

Несмотря на тенденцию снижения, эмоциональный фон у вахтовиков в значительной степени окрашен тревожными переживаниями и на начало и на конец вахтовой смены. С одной стороны, показатели тревоги существенно превышают нормативные значения. С другой стороны, тревога фиксируется у подавляющего большинства вахтовиков.

Нами найдены корреляции между тревогой и коммуникациями, а также бытовыми стрессами в начале вахтовой смены. К завершающему периоду вахтового заезда усиливаются корреляции между тревогой и коммуникативными нарушениями. Обнаруживаются новые корреляции между тревогой и переживаниями в связи с семьей.

Кроме того, найдены высокие показатели депрессии, обусловленной различными аспектами функционального состояния. Есть корреляции между депрессией и физиологическим напряжением (слабые на начальном периоде, возрастающие – при завершении вахтовой смены). К концу смены депрессия максимально сопряжена с реактивной и личностной тревогой, хотя на начало вахты связь не установлена (таблица 1).

Таблица 1 Связь депрессии с показателями функционального состояния и тревогой на начало и конец вахтовой смены

Показатели	Период работы	
	начало вахты	конец вахты
Самочувствие	-0,3**умеренная	-0,3**умеренная
Активность	-0,2*слабая	-0,4***умеренная
Настроение	-0,3**умеренная	-0,4**умеренная
Реактивная тревога	0,1 очень слабая	0,6***средняя
Личностная тревожность	0,2**слабая	0,5***средняя

Примечание – * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,002$

Таким образом, общая тенденция к снижению уровня тревоги с параллельным усилением корреляций между депрессией и тревогой/физиологическим напряжением говорит о том, что вахта в большей степени влияет на знак эмоций, нежели на их интенсивность. Эти факты диктуют особенности профилактической работы с вахтовиками.

Для этого на предприятиях необходимо создавать специализированные службы по адаптации кадров. Такие службы могут выступать как самостоятельные структурные подразделения (отдел, лаборатория). Они могут входить в состав других подразделений, например, в отдел кадров, социологическую лабораторию, отдел труда и заработной платы, представляя собой бюро, группу или отдельных работников. Важно только, чтобы служба адаптации была составным звеном общей системы управления кадрами в вахтовых подразделениях газодобывающей отрасли.

Основные задачи службы адаптации – разработка и внедрение мероприятий по минимизации неблагоприятных последствий от работы, по стабилизации трудового коллектива и повышению удовлетворенности трудом.

Среди мер, способствующих сокращению периода адаптации и негативных ее последствий, можно выделить хорошо поставленную профессиональную ориентацию и, в частности, профессиональный отбор кадров. С этой целью возможно использовать аппаратные и индивидуальные методы психологической диагностики.

Успешной психофизиологической адаптации способствуют мероприятия по приспособлению среды к человеку: улучшение условий труда и быта, учет эргономических требований при организации рабочего места (выбор соответствующего оборудования, планировка рабочего места).

Важную роль в адаптации работников играет психологический климат в коллективе. Для его улучшения необходимо формировать бригады на основе психологической совместимости и проводить мониторинг социальной удовлетворенности, включающий исследования взаимоотношений в коллективе и дифференциацию индивидуальных поощрений, как важного способа руководства вахтовой бригадой.

Важными представляются мероприятия, направленные на снижение утомляемости человека. В этом плане могут оказаться полезными релаксационные процедуры, сенсорные комнаты и тщательный психолого-медицинский контроль (в том числе, аппаратный) с разработкой индивидуальных мер и паспортов по адаптации к экстремальным условиям.

Литература

Андрианов А.И., Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие/В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2000. – 560 с.

Балашова Т.И. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие/В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2000. – 560с.: ил. – («Практикум по психологии»).

Доскин В.А. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие/В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2000. – 560с.: ил. – («Практикум по психологии»).

Ильин Е.П. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие/В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2000. – 560с.: ил. – («Практикум по психологии»).

Reeder, L.G. et al. Handbook of Medical Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963 – с. XVI, 602.

Спилбергер (С.Д. Spielberger, 1970; Ю.Л. Ханин, Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие/В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Горбачевский и др., Под общей ред. А. А. Крылова, С А. Маничева. – СПб: Питер, 2000. – 560с.: ил. – («Практикум по психологии»).

Psycho-physiologic aspects of adaption of Long-distance commuters in the Far North

I.J. Nizamova, A.A. Buganov, V.A. Lobova

The complex process of adaptation of people to the conditions of the Far North became more complicated when the extreme northern factors are episodic – such as at rotational work.

Aim of the research: to study the peculiarities of the psychophysiological adaptation of rotational workers in the Far North in relation to the distance of their transportation.

Material and methods: 89 men were examined (mean age 38,6±0,96 yrs), total period of rotational work 30/30 – 6,0±0,37 yrs. All the persons came from Southern or Central Russia. The psychological diagnostics was carried out in the beginning and at the end of the working period.

Results: Functional psychic activity and lability/mental ballast of nervous processes were studied during the examination. The negative dynamics in worsening of the functional abilities of nervous cells was defined in total sample of rotational workers. Two significant tendencies were revealed: on the one hand – increase in functional exhaustion of nervous cells and on the other – increase in lability and fluctuation of these functions.

Negative changes manifested themselves more clearly in rotational workers who came from southern part of Russia. Significant worsening of all the indices in tests of well-being, activity, and mood was shown ($p < 0,05$). Deviations in psychic functioning were revealed in criteria of strength and health (scale of well-being), speed, tempo and lability of functions (activity scale) and emotional state (mood scale). For inhabitants of Central Russia only the indices of well-being worsened significantly ($p < 0,001$). Comparison of indices defining attention shifts in the beginning and at the end of a working period dependent on the distance of a worker's transportation, revealed that attention was more stable in Central Russia inhabitants than in residents of South Russia. At the end of working period relation between depression, activity, and mood strengthened and there was a correlation between fatigue and anxiety. During this period depression associated greatly with reactive anxiety (in the beginning of a working period, this trend was not evident). Strong correlation between depression and personal anxiety was also identified.

Conclusion: Residents of Central Russia adapted to the northern conditions more effectively than inhabitants of Southern Russia. It was shown by indices of activity, main functions of nervous system and psychic functions. The activities aimed at the effective management of adaptive processes in rotational workers is shown by the psychological staff are in great need in the industrial plants.

Реализация политических решений освоения крайнего Севера: к истории развития вахтового метода

Е.С. Алешкевич

„Мы знали – Ямбург будет!“ (Пашин С.Т.)

В эпиграф статьи мы вынесли слова, сказанные в те времена Генеральным Директором «Ямбурггаздобыча» С.Т. Пашиным²², не случайно. 1986 год стал важной вехой в развитии истории вахтового метода, тогда правительством было принято решение обустраивать и эксплуатировать Ямбургское нефтегазоконденсатное месторождение вахтовым методом, впервые заселять новые земли «кочующим» от дома к вахте специалистами. Такой подход был абсолютно новым в экономических практиках социалистического государства. «Ямбург будет» – будет дальняя вахта и все расширяющиеся масштабы применения метода. Однако, здесь речь пойдет не о конкретном стопроцентном поселке вахтовиков, находящемся за пределами полярного круга, а об истории принятия политических решений, дебатов, и экономических споров, столкновении интересов, прежде всего центральных и региональных властей, глав отраслевых министерств. Актуальность вопросов развития богатейших северных территорий только продолжает возрастать и быть или не быть вахте и какой ей быть остается тем самым камнем преткновения, поставленным три десятка лет назад в Ямбурге.

Необходимо остановиться на истории развития вахтового метода Северных областей подробнее. Форсированные властями переброски трудовых ресурсов в места концентрации природных ресурсов были всегда. Связано это с особенностями развития экономики. Как известно, факторы естественные: природные, географические и климатические обуславливают многие черты пространственной структуры экономики. Обширная территория, суровые климатические условия на двух третях всей территории, низкая (в среднем) плотность населения и его многоэтнический и многоконфессиональный состав, – все это играет определяющую роль в функционировании государства. Основным вопросом остается максимально эффективно решить проблему разрыва между сосредоточениями природных ресурсов, населения и производственного капитала. А так как экономика России все таки не монообъект, а многорегиональный организм остается привычка перетягивать одеяло интересов на себя во время «региональных» взлетов. К примеру, одной из отличительных черт развития отечественного нефтегазового комплекса является наличие своеобразных региональных волн, когда на определенном отрезке времени абсолютно доминирует тот или иной нефтегазоносный район. Так на заре отечественной добычи долгие годы преобладали южные регионы – Северный Кавказ и Баку, затем в 1950-е гг. вверх взяла новая нефтегазоносная провинция – Урало-Поволжье (где особенно выделялись Башкирия и Татария), а спустя двадцатилетие неоспоримое лидерство перешло к Западной Сибири, главенствующей и по сей день. Именно в Баку в тридцатых годах для освоения нефтегазоносных месторождений начал применяться в широких масштабах вахтовый метод²³. Но ни освоение Кавказских, ни Поволжских месторождений не привело к законодательному оформлению понятия вахтового труда. Только после прорыва в Сибирь, в дальнюю, малозаселенную землю возникла необходимость регулирования новой системы использования трудовых ресурсов.

Момент ожесточенных споров середины 70-х годов о регионах развития ресурсной базы углеводородов мы оставляем в стороне. Однако отметим, что высшее руководство не сразу уверовало в перспективы Зауралья. К примеру, одним из обсуждаемых проектов было строительство Нижне-Обской ГЭС (в районе Салехард), что могло привести к затоплению обширных территорий

²² Пашин С.Т. Мы знали- Ямбург будет!// Газовые океаны Ямбурга. - Москва, 2004.- С.86

²³ Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 146-162 (Постраничные примечания).

предполагаемой добычи нефти и газа. Усилиями региональных и отраслевых партийных сил был поддержан сценарий, в котором мощности народного хозяйства концентрировались на освоении нефтяных гигантов широтного Приобья, а затем и колоссальных запасов газа в Ямало-Ненецком автономном округе.

Вопрос освоения огромных запасов Западно-Сибирского НГК требовал продуманной тактики обеспечения производства трудовыми ресурсами. Работала старая схема: пропаганда, подкрепленная материальными стимулами (более высокий заработок и первоначальные средства на обустройство), основанная на небывалом подъеме патриотических чувств и новой романтики²⁴, инициированные государством комсомольские стройки и главное – строительство монопрофильных городов с постоянным населением и соответствующими вливаниями в региональный бюджет. К тому времени северные форпосты топливной индустрии Надым (1972 г.) и Новый Уренгой (1980 г.) получили статус города. В 1982 городом стал Ноябрьск. Начало строительства Ямбургского поселения также ознаменовывалось перспективой нового северного «полноценного» города с соответствующей инфраструктурой, постоянным поселением, социальной коммуникацией и капитальным жильем, школами и детскими садами. В 1984 г. решением исполкома Тюменской области Совета народных депутатов был образован поселок Ямбург, затем последовало утверждение институтом ЛенНИИградостроительства генерального плана застройки. Первоначально он был рассчитан на город с населением 30 тысяч человек. Этому подходу нецелесообразного в условиях вечной мерзлоты «укоренения» противостояла идея новая, амбициозная по своей сути – полностью вахтовый поселок. Оговорка «новая идея» отмечена в том ключе, что ранее вахтовый труд также применялся, но впервые он стал единственной альтернативой городу.

Как мы отмечали выше, уже в 30-х годах использовалась внутререгиональная вахта на небольших объектах уровня промысла, но впервые это понятие «вахтовый метод» употребляется в Положении об организации работ вахтовым методом, утвержденном Минлеспромом СССР 11 апреля 1974 г., и в Положении об организации вахтовых лесозаготовок, утвержденном Всесоюзным объединением «Тюменьлеспром» в 1976 г. В этих положениях под вахтовым понимается такой метод, при котором бригады и мастерские участки работают на отдаленных от центральных поселков вахтах – временных поселениях, предназначенных для проживания рабочих без семей²⁵. Первым же нормативным актом в СССР, регулирующим условия труда при вахтовом методе работы, было постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС 1981 года²⁶.

С одной стороны в 80-х годах уже сложились предпосылки для нового типа трудовых отношений, с другой, партийные функционеры и местные лоббисты отстаивали старые идеи, и главной причиной тому оставался контроль: административный, экономический и социальный и боязнь перемен, т.е. неизбежного обращения к опыту Запада. Локальные конфликты базировались именно на приоритетах освоения нового месторождения, не всегда эти приоритеты обосновывались экономической целесообразностью для отдельной административной единицы.

Против вахтового поселка выступали региональные власти, начиная с областного масштаба. По словам Пашина С.Т. «Им лестно было бы иметь в Тюменской области еще один город²⁷». Получается, не важно какими средствами, но город. Возможно, годами раньше инициатива местной власти могла бы быть одобрена. Но в 80-х с начала десятилетия экономического прагматизма на политическую арену выступили и влиятельные отраслевые механизмы, такие как Миннефтегазстрой СССР и подчиненные им предприятия. К 1984 году основными газодобывающими предприятиями на Севере Тюменской области являлись ПО "Надымгазпром" и ПО "Уренгойгаздобыча"

²⁴ Габдель М. В сердце Ямала. М.2001, 189 С.

²⁵ Кривой В. И. Вахтовый метод организации работ //Правоведение. -1985. - № 2. - С. 71 - 75

²⁶ Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС «Об утверждении типового положения о вахтовом методе организации работ от 13.12.1981». Газовая промышленность, №9, 2007

²⁷ Пашин С.Т. Мы знали- Ямбург будет!// Газовые океаны Ямбурга. - Москва, 2004.- С.87

В.С.Черномырдин, в то время начальник всесоюзного производственного объединения "Тюменгазпром", заместитель министра газовой промышленности СССР, настоял на создании управление будущего производственного объединения "Ямбурггаздобыча" из представителей "уренгойской школы". Они готовы были рисковать и слаженной командой вырабатывать новый опыт освоения территории в суровых экономических условиях. Таким образом, после победы «вахтового» сценария продолжился "территориальный конфликт". Вопреки начертанной линии, развивался Ямбург и Уренгой как единый топливно-энергетический комплекс. Тем более что из Уренгоя на Ямбург, сооружена была перемычка в Уренгойский межпромысловый коллектор²⁸, строились автомобильная и железная дороги, ЛЭП²⁹. Партийные лидеры города Надыма, которых поддерживал секретарь областного Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков, проиграли связке Ямбург – Новый Уренгой, поддерживаемой секретарем ЦК КПСС В.И.Долгих. Дальнейшее развитие "Ямбурггаздобычи" пошло ориентированным в основном на Уренгой. В Новом Уренгое открылось представительство ЯГД, а в дальнейшем, с переходом на вахтовый метод, и административный персонал ЯГД разместился в Уренгое.

С дебатов в отношении Ямбура начался долгий сложный путь развития вахтового метода. Уже к концу 80-х, казалось бы решенный вопрос звучит снова с сомнением: «Город (Ямбург) здесь все равно возникнет, это неизбежно. Но разумней строить его капитально с самого начала, чем потом переделывать из временок вахтового поселка»³⁰.

Любая практика расширения осваиваемой территории, обустройстве новых стационарных поселений, раздвижении границ или фронта говорит о тенденциях укрепления государственной власти и в целом может служить неким индикатором регионального благополучия. В 90-е года периода переходной экономики мы будем наблюдать иной вектор, «споров о городе» уже не будет. Еще в 1989 в СССР министерство газовой промышленности преобразовано в государственный концерн «Газпром». Главой «Газпрома» стал отраслевик В.С. Черномырдин, некогда поддерживавший вахтовый Ямбург.

В рамках процесса приватизации и изменения отношения собственности проводилась реорганизация (на начальном этапе – по решению государственных органов власти во главе с президентом Ельциным Б.Н.³¹), формировались компании на основе технологически связанных производств. В результате нефтегазовый сектор экономики Западной Сибири оказался поделенным между несколькими крупными вертикально-интегрированными компаниями. ВИК стали наиболее распространенной формой интеграции в нефтяной отрасли России³². По оценке экспертов, начиная с 1992 года три московских структуры: группы ОАО «Газпром», Мострансгаз и Газэкспорт обеспечивают более 70 процентов доходов всей группы. В то время как более 85 процентов добычи природного газа осуществляется на территории Западной Сибири – в Ямало-Ненецком автономном округе³³. Наиболее выгодным для рабочего, нефтяника, газовика на фоне роста безработицы оказывалось положение включенного в структуру нового «собственника» и поддержание именно корпоративного единства. Тогда же, в 90-е началась критика советских методов освоения северных территорий, неверной пространственной организацией, сращивание социальной инфраструктуры поселений с производственными предприятиями. Региональные же структуры, оставаясь доминантной силой в административном плане, оказавшиеся не в состоянии решить проблемы без поддержки государства, теряли экономическую власть, резко лишились доли в государственном бюджете.

²⁸ МПК обеспечивает сбор и транспортировку природного газа и газового конденсата от газовых промыслов

²⁹ Там же. с. 87

³⁰ Кутцев Г.Ф. Человек на севере, М.: Политиздат. - 1989.С. 204

³¹ Ельцин Б.Н. О развитии Тюменской области. Указ Президента РСФСР от 19 сентября 1991 г.

³² Синогейкина Е.Г. Совершенствование оценки методов вертикально - интегрированных компаний // Конгресс «10 лет оценочной деятельности в России. Итоги и перспективы», 2003 - <http://old.appraiser.ru/info/meet/10let/business/sinogeykina.htm> (21.9.2009)

³³ Крюков В., Севастьянова А., Шмат В. «Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? (Текущие проблемы и формирование условий долговременного устойчивого социально-экономического развития)» – Новосибирск-Тюмень, ИЭиОПП- АО «Правовая Экономика». - 1995 - 368 с.

«Московская вертикаль власти»³⁴ исправно работала с начала двухтысячного года, когда с приходом новой власти созрела необходимость повышения эффективности управления государством и укрепления связки «центр-регионы» в условиях оппозиционно настроенных местных властей. В это время была утверждена новая структура федеральных органов исполнительной власти, принят Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Образовано семь федеральных округов, связанных не административно, а больше на экономических началах³⁵. Тюменская матрешка³⁶ вошла в Уральский Федеральный округ, возглавляемый до 2008 года полномочным представителем Латышевым П.М. Эта фигура, как и другие полномочные представители, в общем, являет рупор центральной власти. Старые споры, забытые в тяжелые времена, возродились вновь, как только начались дискуссии о новых проектах экономического развития, ориентированных на долгосрочный экспорт природных ресурсов.

Оппоненты в лице высокопоставленных чиновников (глав регионов), политиков (полпреды) и главы вертикально – интегрированных компаний вновь заговорили о том как развиваться Северу. Наиболее явно проблема обозначилась в 2004 году на заседании президиума Госсовета при президенте Владимире Путине. С одной стороны, выступали губернаторы Юрий Неелов (ЯНАО), Александр Филиппенко (ХМАО), Вячеслав Штыров (респ. Саха) и другие, которые настаивали на невозможности ликвидации образований и сохранении их достойной жизнедеятельности. Их оппонентами выступали бывший тогда губернатором Сергей Собянин (Тюменская обл.), Алексей Миллер (Газпром) и ряд федеральных чиновников. Последние высказывались за перевод Севера на вахтовый метод³⁷. Споры разгорелись не случайно. 16 мая 2005 г. на совещании по вопросам социально-экономического развития Уральского федерального округа в г. Челябинск было принято решение о разработке крупного межрегионального проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» (УПУП)³⁸.

Проект предполагает освоение новой минерально-сырьевой базы промышленности на Полярном и Приполярном Урале на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Им предусматривается, в частности, прокладка нового транспортного коридора вдоль восточного склона Уральских гор. В рамках программы намечено освоение запасов восточного склона Уральских гор, обеспеченного богатыми запасами железорудного сырья. Основные задачи проекта – развитие и эффективное использование минерально-сырьевой базы твердых ископаемых восточного склона Уральских гор и нефтегазовых месторождений тюменского Севера³⁹. Итогом подготовительного этапа стало подписание 21 января 2008 г. соответствующего Распоряжения Правительства Российской Федерации, а 30 января 2008 года инвестиционного соглашения «О разработке проектной документации для реализации инвестиционного проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»⁴⁰, за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации. Это решение стало подтверждением значимости проекта для развития России.

Тема развития северных городов, включенная в границы перспективного мега-проекта вызвала мгновенную реакцию. В 2008, феврале будучи в Салехарде, полпред выступил с инициативой создания в рамках мегапроекта УПУП (Урал промышленный – Урал Полярный) в районах промышленного освоения новых городов и, по северным меркам, крупных

³⁴ Система управления, ориентированная на укрепление центральной власти и ослабления региональных элит.

³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе //Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.

³⁶ Тюменская матрешка включает себя Тюменскую область и вложенные в нее Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-мансийский автономный округ.

³⁷ Сотник В. Неелов, Собянин и Миллер объединяются против Латышева. (2008), Российское информационное агентство, <http://ura.ru/content/yamal/13-03-2008/articles/3256.html>

³⁸ Латышев П. Пространство эффективности // Россияская газета, 2008 - <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html> (20.9.2009)

³⁹ Перестронин Александр. Проект "Урал промышленный - Урал Полярный" объединит все регионы УрФО, заявляет губернатор Якушев. 2007, РИА новости Урал, <http://ural.rian.ru/economy/20070605/81565267.html> (18.9.2009)

⁴⁰ Петр Латышев. Пространство эффективности. 2008, Российская газета, <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html>

муниципалитетов⁴¹. Полпред Латышев дал свой прогноз развитию событий: «В рамках реализации проекта «Урал промышленный – Урал Полярный» в УрФО появится горнопромышленный район, в котором будет построено несколько городов с населением по 30-50 тыс. человек»⁴². Новые центры социально – экономического развития требуют соответственного размещения производительных сил не только на время строительства, но и на время функционирования разработанного горнопромышленного района. Поэтому таким важным после решения о разработке УПУП стал «управленческий аспект»⁴³.

Речь шла о целесообразности создания в районах Крайнего Севера новых городов, в то время как содержание уже существующих обходится и регионам, и государству весьма не дешево. Комментируя этот же вопрос на совещании, которое прошло в Надыме с руководством «Газпрома», Неелов заявил: «Вы знаете, сколько проблем у нас осталось после того, как ушел Миннефтегазстрой, стала частной нефтяная промышленность, сколько «хвостов» повисло в виде балков, бамовских домов, недостроенных дорог, разваливающихся пятиэтажек. Такие ошибки мы повторять не будем! Нужно не строить города, которые со временем вымрут, а осваивать недра разумно»⁴⁴.

В том же время, в феврале 2008 года в Новосибирске на совещании посвященном вопросам демографического развития первый вице премьер Дмитрий Медведев резко высказался против идеи освоения Сибири только вахтовым методом: "Есть некоторые крупные руководители, которые говорят об освоении Сибири вахтовым методом. Это полная чушь. Есть чиновники, которые говорят с высокой трибуны, не задумываясь ни о ситуации, ни о тех последствиях, которые связаны с выступлениями больших начальников"⁴⁵.

Вахтовая организация труда только набирает обороты, Ямбург остается хорошо обустроенным, но все же вахтовым поселком, а предприятие "Газпром добыча Ямбург" (ранее Ямбурггаздобыча), в 2009 году широко отмечает свое двадцатипятилетие. В связи с юбилеем Генеральный директор ООО "Газпром добыча Ямбург" Олег Андреев говорил о долгосрочных перспективах проекта: «Идет подготовка к выходу в новые газоносные районы акваторий Обской и Тазовской губ, южной части Гданьского полуострова. Заделом, призванным решать эти сверхсложные задачи, является разработка генеральной схемы развития Общества до 2030 года»⁴⁶.

На федеральном уровне идет дальнейшая разработка проекта УП-УП с планированием новой инфраструктуры, возможно базирующейся на стационарных поселениях. К реализации мегапроекта "Урал промышленный – Урал Полярный" помимо Уральского могут подключиться еще 3 федеральных округа. Как заявил действующий уральский полномочный представитель Президента РФ Николай Винниченко, ближе к лету намечено провести совещание с участием представителей Приволжского, Центрального и Сибирского округов для рассмотрения вопроса возможного участия в реализации мегапроекта. Как отметил Н. Винниченко, 2009 год будет полностью посвящен проектным работам по УПУП. В 2010 году необходимо сделать заказы предприятиям, чтобы они подготовили оборудование, производственные мощности для строительства объектов транспортной инфраструктуры – мостов и дорог⁴⁷.

⁴¹ Сотник В. Там же.

⁴² Сотник В. Там же.

⁴³ Латышев П.. Там же.

⁴⁴ Латышев П. Там же.

⁴⁵ РИА новости. Медведев назвал чушью идею освоения Сибири вахтовым методом // Политика, 2008 - <http://www.rian.ru/politics/20080214/99184093.html> (20.9.2009)

⁴⁶ Advis. Ru «В новоуренгойском офисе ООО "Газпром добыча Ямбург" состоялось торжественное собрание, посвященное профессиональному празднику» // INFO line, 2009 - <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?FD18875E-BC80-6945-94A5-D25B929EFB6D> (24.9.2009)

⁴⁷ УралИнформБюро. Предприятия получают заказы по мегапроекту УПУП в 2010 году // Новости, 2009 - <http://www.uralinform.ru/armnews/news102198.html> (24.9.2009)

В настоящий момент движение на Север продолжается, Правительство Российской Федерации определяет стратегические перспективы добычи нефтегазового комплекса на шельфе арктических морей и ведет проектные работы по УПУП. Вопрос какими методами будет осваиваться территория остается открытым: межрегиональная вахта с привлечением рабочих из многочисленных отдаленных от производственных баз территорий, или внутререгиональная вахта с ресурсами муниципальных образований, или может быть построена совершенно новая инфраструктура с стационарными базами – городами. Жесткие высказывания представителей противоположных подходов только очерчивают направления вариантов развития, но каждая из точек зрения содержит в себе компромисс или идею баланса. По нашему мнению вопрос баланса территориальной политики государства: экономического и геополитического интереса часто решался в пользу последнего. В настоящее время нужно пристально следить за реализацией инновационно-производственного плацдарма УПУП и проектами освоения новых газоносных районов – именно они определяют региональное стратегическое планирование освоения крайнего Севера.

Лист сокращений

ВИК – вертикально-интегрированная компания

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГЭС – Гидро – электро станция

КПСС – Коммунистическая партия Советского союза

ЛенНИИградостроительства – Ленинградский научно-исследовательский институт городского строительства

Минлеспром – Министерство лесной промышленности

Миннефтегазстрой – Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР

МПК – Межпромысловый коллектор

НГК – Нефте-газовый комплекс

УПУП – Урал промышленный – Урал полярный

ЯГД – Ямбурггаздобыча

Литература

Advis. Ru. «В новоуренгойском офисе ООО "Газпром добыча Ямбург" состоялось торжественное собрание, посвященное профессиональному празднику» // INFO line, 2009 – <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?FD18875E-BC80-6945-94A5-D25B929EFB6D> (24.9.2009).

Габдель М. В сердце Ямала. М. 2001, 189 с.

Ельцин Б.Н. О развитии Тюменской области. Указ Президента РСФСР от 19 сентября 1991г.

Кривой В. И. Вахтовый метод организации работ // Правоведение. -1985. – № 2. С 71 – 75.

Крюков В., Севастьянова А., Шмат В. «Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? (Текущие проблемы и формирование условий долговременного устойчивого социально-экономического развития). – Новосибирск-Тюмень, ИЭиОПП – 1995. 368 с.

Кутцев Г.Ф. Человек на севере, М.: Политиздат, 1989. с. 204.

Латышев П. Пространство эффективности // Российская газета, 2008 – <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html> (20.9.2009).

Пашин С.Т. Мы знали – Ямбург будет! // Газовые океаны Ямбурга. – Москва, 2004.- С. 86.

Перестронин А. Проект "Урал промышленный – Урал Полярный" объединит все регионы УрФО, заявляет губернатор Якушев // РИА новости Урал, 2007 - <http://ural.rian.ru/economy/20070605/81565267.html> (18.9.2009).

Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС «Об утверждении типового положения о вахтовом методе организации работ от 13.12.1981». Газовая промышленность, 2007 г. №9.

РИА новости. Медведев назвал чушью идею освоения Сибири вахтовым методом// Политика, 2008 – <http://www.rian.ru/politics/20080214/99184093.html> (20.9.2009).

Синогейкина Е.Г. Совершенствование оценки методов вертикально – интегрированных компаний // Конгресс «10 лет оценочной деятельности в России. Итоги и перспективы», 2003 – <http://old.appraiser.ru/info/meet/10let/business/sinogeikina.htm> (21.9.2009).

Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 146-162 (Постраничные примечания).

Сотник В. Неелов, Собянин и Миллер объединяются против Латышева. Элиту пугает навязчивая идея полпреда// Российское информационное агентство, 2008 – <http://ura.ru/content/yamal/13-03-2008/articles/3256.html> (22.9.2009).

Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе // Собрание законодательство Российской Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.

УралИнформБюро. Предприятия получают заказы по мегапроекту УПУП в 2010 году // Новости, 2009 – <http://www.uralinform.ru/armnews/news102198.html> (24.9.2009).

Implementation of Policy Decisions to Develop the Far North: History of the Long-distance Commute Work

E.S. Aleshkevich

We knew it – Yamburg will be! (Pashin S.T.)

In the epigraph of the article, it is not by mere chance that we refer to the words expressed at the time by the General Director of “Yamburgazdobycha” (YGP), S.T. Pashin⁴⁸. 1986 marked a watershed in the development of the history of the rotation system, when the decision was taken by the government to construct and operate the Yamburg oil and gas condensate field using the rotation system, and for the first time, populate the new territories with specialists working on a rotational basis. This approach was completely new to the economic practices of the Socialist government. “It will be Yamburg” – would be a remote rotation system and ever-increasing application of this system. Nevertheless, here the discussion will deal not with the absolute definitive settlement of rotation workers located outside the Arctic Circle, but rather with the taking of policy decisions, debates, and economic discussions, the conflict of interests, above all of central and regional authorities, and the heads of branch ministries. The immediacy of the issue of the development of the hugely rich northern territories continues to grow, and to be or not to be on rotation and how do it remains the stumbling block put in place three decades ago in Yamburg.

It is necessary to go into the history of the development of the rotation system in the northern regions in more detail. The enforced transfer of manpower resources to places rich in natural resources has always been carried out by the authorities. This is related to the specific features associated with economic development. As is well known, these are natural-occurring factors: natural, geographical and climatic factors determine many features of the economy’s spatial structure. Extensive territory, harsh climatic conditions over two thirds of the territory, low (on average) population density, with a multi-ethnic and multi-faith composition – all of these play a decisive role in the functioning of the state. The basic issue remains how to solve, maximally and effectively, the issue of the gap between concentrations of natural resources, the population and productive capital. But while Russia’s economy is not monolithic in structure, but a multiregional organism, they still have a habit of pulling the blanket of self-interest over themselves during “regional” take-offs. For example, one of the distinguishing features of the development of a domestic oil and gas complex is the presence of unique regional waves, when one or other oil and gas bearing region completely dominates over a given period of time. Thus, in the early days of domestic production, the southern regions dominated – the Southern Caucasus and Baku – then in the 1950s an new oil and gas-bearing province – the Ural Povolzhye region (especially in the area around Bashkiria and Tatarstan), and twenty years later, Western Siberia became the undisputed leader, and has predominated to this day. It was in Baku in the thirties that the rotation system was adopted on a large-scale, for the development of oil and gas fields.⁴⁹ But development of the fields in the Caucasus or Povolzhe regions did not lead to any legislative formulation of the concept of rational labour. It was only following the boom in the remote, sparsely populated lands of Siberia that there was a requirement to regulate this new use of labour resources. The period of bitter disputes in the mid-70s over the regions to develop the resource base for hydrocarbons, we shall leave to one side. However, it should be noted that the chief decision makers were not immediately convinced of the prospects in the Trans-Ural region. For example, one of the projects under consideration was the construction of the Nizhny Obsky hydroelectric power station (in the Salekhard region), which could have resulted in the flooding of vast areas for proposed oil and gas development. Through the efforts of regional and industrial party powers, a scenario was supported in which the strength of the national economy would be concentrated on the development of oil majors around the high latitude Ob river basin, then on the massive gas reserves of the Yamalo Nenetsky Autonomous District.

⁴⁸ Pashin, S.T. (2004) We knew it – Yamburg will be! In: Yamburg gas fields. Moscow, 86 p.

⁴⁹ Slavkina, M.V. (2005) History of decision-making for industrial development of Western Siberia. In: Economic history. Overview / Edited by L.I. Borodkina. Pub. 10. Moscow, 146-162 pp

The issue of development of the huge reserves of the oil and gas complex in Western Siberia required well-thought out tactics for the supply of labour resources for production. The old scheme worked: propaganda, reinforced by economic incentives (higher wages and initial funding for infrastructure development), based on an unprecedented raising of patriotic feelings and a new romanticism⁵⁰, the Komsomol building projects initiated by the state and, most importantly – the construction of monoprofile cities with a settled population, and with corresponding injections of funds into the regional budget.

By that time, the northern outposts for the fuel industry, Nadym (1972) and Novy Urengoy (1982) were granted city status. Noyabrsk became a city in 1982. The beginning of construction work of the Yamburg settlement also marked the prospect of new northern "fully-fledged" city with a corresponding infrastructure, a settled population, social communications and permanent housing, schools and kindergartens. In 1984, by decision of the executive committee of the Tyumen region Council of People's Deputies, the settlement of Yamburg was established, followed by approval of the area development plan by the LenNilgradostroitelstva Institute. Initially, this was calculated for a city with a population of 30 thousand. Against this unviable approach was a new, altogether ambitious idea – a fully rotational settlement. The phrase "new idea" is referred to, in that previously, rotational labour had been used, but for the first time it became the only alternative for the city.

As mentioned above, intraregional rotation shifts were being used in small-scale industry sectors in the 30s, but for the first time, the concept of a "rotation system" was used in a Provision on the organisation of labour by rotation system, approved by Minlesprom (Ministry for Timber Industries), on 11 April 1974, and in the Provision on rotational timber harvesting operations, approved by the All-Union association "Tyumenlesprom" in 1976. In these provisions, a rotational system is understood as a system, under which the crews and workshop units work in rotation which are far from the base camps – in temporary settlements sections work on the distant from the central settlements – the temporary settlements, intended to house workers without families.⁵¹ However, the first statutory act in the USSR to regulate working conditions under the rotational work system was the decision of Goskomtruda (State Committee for Labour) of the USSR and the Secretariat of the VTsSP (All-Union Central Trade Union Council) in 1981⁵².

In the 80s, on the one hand, the basis for these new labour relations had been established, while on the other, party functionaries and local lobbyists defended old ideas, and the main reason for this was control: administrative, economic and social, along with fear of change, with inevitable references being made to the experience of the West.

Local conflicts were based precisely on priorities to develop new fields, and these priorities were not always based on economic expediency for the administrative district in question.

Regional authorities spoke out against the rotational settlement, at regional level and above. According to S. T. Pashin, "They would be flattered to have another town in the Tyumen Region"⁵³. As it turned out, a town by any means at all. Perhaps, in previous years, the initiative of the local authorities would have been approved of. But in the 80s, from the beginning of the decade of economic pragmatism, influential industry institutions stepped into the political area, institutions such as Minneftegazstroy (Ministry of Petroleum and Gas Engineering) of the USSR and other institutions under them. By 1984, the main gas-producing companies in North Tyumen Region were PO Nadyngazprom and PO Urengoygazdobycha.

V. S Chernomyrdin, at that time head of the All-Union production association Tyumengazprom, and Deputy Minister of the USSR Ministry of Gas Industries, insisted that the management of the

⁵⁰ Gabdel, M. (2001) V Serdtse Yamala. Moscow, 189 p

⁵¹ Krivoy, V. I. (1985) Rotational System in Organising Labour. In: Jurisprudence. - No. 2, 1985, 71 – 75 pp

⁵² Ruling of Goskomtrud USSR Sekretariat VCSPS (2007) "On approval of standard provisions for the rotation system on the organisation of labour dated 13.12.1981. In: Gazovaya promyshlennost, No. 9

⁵³ Pashin, S.T. (2004) We knew it – Yamburg will be! In: Yamburg gas fields. Moscow, 86 p

prospective production association Yamburggazdobycha production association be drawn from representatives from the Urengoy school. They were willing to put at stake coordinated command to work out new procedures to develop areas in harsh economic conditions. In this way, following the victory of the “rotation system” scenario, the “territorial conflict” was to continue. Despite the lines being drawn, Yamburg and Urengoy developed into a single fuel-energy complex. Especially as the intersection for the Urengoy gathering pipeline⁵⁴, was laid from Urengoy to Yamburg, and roads, railways and electric power lines⁵⁵ were built. Party leaders in the city of Nadym, who were supported by the Secretary of the Tyumen Regional Committee of the CPSU (Communist Party of the Soviet Union), G. P. Bogomyakov, lost out to the Yamburg – Novy Urenskoy link, backed by the Secretary of the CPSU Central Committee, V.I Dolgykh. Subsequent development of Yamburggazdobycha then began to be focused mainly on Urengoy. YGD (Yamburggazpromdobycha) opened a representative office in Novy Urengoy, and later, with the changeover to the rotation system, YGD administrative staff moved to Urengoy.

From the debates relating to Yamburg, began the long complex route to developing the rotation system. By the end of the 80s, a seemingly resolved issue was once again the cause of misgivings: “The city (of Yamburg) will come into being here anyway – it is inevitable. However, it makes more sense to build it from scratch, instead of rebuilding it from the temporary rotational village”.⁵⁶

Any expansion of territory, or construction of new permanent settlements, or extension of boundaries or frontiers suggest tendencies to strengthen the power of the state, and as a whole may serve as an indicator of regional prosperity. In the 90s, the transitional economy period, we would see another vector, there would no longer be “squabbles over the city”. In the USSR in 1989, the Ministry of Gas Industries was changed to the state concern “Gazprom”. V. S. Chernomyrdin, who had been a supporter of the Yamburg rotation system, was appointed as head of “Gazprom”.

Within the framework of the privatisation process and changes in matters relating to property, reorganisation was carried out (at the initial stage – by decision of government agencies headed by B. N. Yeltsin⁵⁷), companies were set up on the basis of technologically connected production. As a result, the oil and gas sector of the Western Siberian economy was subdivided into several large vertically integrated companies. VICs (vertically integrated companies) became the most widespread form of integration in the Russian oil sector⁵⁸. According to experts, since 1992, three Moscow organisations: the joint stock company groups: “Gazprom”, “Mostrangaz” and “Gazekспорт” have provided more than 70 % of the revenue of the entire group. While more than 85 percent of natural gas output comes from Western Siberia – the Yamalo Nenetsky Autonomous District⁵⁹.

Most advantageously for employees, oil-industry workers, and gas workers, against the backdrop of rising unemployment, was the new “property owner” scheme, which was integrated into the economy, and the maintenance of a specific corporate unity. At the same time in the 90s, criticisms began to be made of Soviet methods for developing the northern territories, improper spatial organisation, and the splicing of social infrastructures in settlements with production facilities. Regional structures, which remained the dominant force on an administrative level, showed that they could not resolve issues without state support, lost economic power, and were sharply deprived of state budget funding. Moscow’s vertical power structure was in proper operation from the beginning of 2000 when, with the arrival of the new administration, with the increasing need to raise “efficiency in state management and strengthen “centre-region” links amidst

⁵⁴ Marine shipping complex provides handling of natural gas and gas condensate from gas fields

⁵⁵ Pashin, S.T. (2004) We knew it – Yamburg will be! In: Yamburg gas fields. Moscow, 86 p

⁵⁶ Kutsev, G.F. (1989) People in the North. Moscow: Politizdat, 204 p

⁵⁷ Yeltsin, B.N. (1991) Development of the Tyumen Region. Presidential Decree of September 19, 1991 the Russian Soviet Federative Socialist Republic

⁵⁸ Sinogaykina, E. G. (2003) Developing assessment of methods for vertically-integrated companies. In:

<http://old.appraiser.ru/info/meet/10let/business/sinogaykina.htm> (21.9.2009)

⁵⁹ Kryukov, V., Sevastyanova, A., Schmat, V. (1995) Oil and Gas Territories: How to handle wealth (Current issues and formulation of conditions for long term, sustained socio-economic development) – Novosibirsk-Tyumen, IEiOPP- AO “Legal Economics”, 1995 - 368 pp

oppositionally disposed local authorities. At this time, the new structure for the federal bodies of executive power was ratified by Russian Presidential Decree dated 13 May 2000. “Concerning the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Federal District”⁶⁰. Seven federal districts were formed, which are connected not so much on an administrative level, but rather more on economic principles⁶¹. The Tyumenskaya matryoshka region⁶² joined the Urals Federal District, which was headed until 2008 by plenipotentiary representative P. M. Latyshev. This figure, like many plenipotentiary representatives in general, was the mouthpiece of the central authority. Old quarrels, forgotten in hard times, stirred up again, as soon as discussions on new economic development projects began, and which were aimed at exporting natural resources.

Opponents in the form of high-ranking officials (regional heads), politicians (plenipotentiaries) and heads of vertically integrated companies resumed discussions on how to develop the North. The problem was most clearly defined in 2004 at the Presidium of the Gossoviet (State Council) during the presidency of Vladimir Putin. On one side, Governor Yuri Neyelov (Yamalo Nenetsky Autonomous District), Aleksandr Filippenko (Khanty Mansiysk Autonomous District), and Vyacheslav Shtyrov (Sakha Republic), amongst others, made speeches, called for the impossibility of phasing out training and the preservation of their vital activities. Speaking against them were former Governor Sergei Sobyenin (Tyumen Region), Aleksei Miller (Gazprom) and a number of federal officials. The latter declared themselves in favour of a changeover to the rotation system⁶³. It was by no mere chance that heated arguments ensued. On 16 May 2005 at a conference held in Chelyabinsk to discuss socio-economic issues in developing the Urals Federal District a decision was adopted for the development of a major inter-regional project called “Industrial Urals – Polar Urals (IU – PU)”⁶⁴.

The intended project is based on developing a new mineral-ore industrial base in the Polar Urals and Nether Polar Urals within the Tyumen Region, and Khanty-Mansiysk and Yamalo Nenetsky Autonomous Districts. Provision will be made for the construction of a new transport corridor along the Eastern slopes of the Ural Mountains. Within the programme there are plans to develop the reserves on the eastern slopes of the Urals, which are rich in iron ore raw materials. The basic aims of the project are the development and efficient use of a mineral-ore base of solid minerals on the eastern slopes of the Urals and the oil and gas fields in the northern Tyumen Region⁶⁵. The outcome of the preparation stage was the signing, on 21 January 2008, of the corresponding Decree of the Government of the Russian Federation, and on 30 January 2008 of the investment agreement “Concerning the drawing up of draft documentation for the implementation of the investment “Industrial Urals – Polar Urals project”⁶⁶, funded by the Russian Federation Investment Fund. This decision has confirmed the significance of the project for Russia’s development.

The issue of development of the northern cities, within the scope of a future mega-project, provoked instantaneous reaction. In February 2008, in Salekhard, a plenipotentiary made a speech on the initiative for the IU – PU (Industrial Urals – Polar Urals) mega-project in regions of industrial development of new cities and, by northern standards, large municipalities⁶⁷. Plenipotentiary Latyshev gave his forecast on the course of events: “Within the framework of implementation of the “Industrial Urals – Polar Urals”

⁶⁰ Presidential Decree of the Russian Federation dated 13 May 2000. No. 849 “Concerning the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in a federal district. In: *Sobraniye Zakonodatelstvo Rossiskoy Federatsii* 2000. No. 20. Art. 2112

⁶¹ System of management, aimed at strengthening central power and weakening regional , ориентированная на укрепление центральной власти и ослабления региональных элит.

⁶² “Tyumenskaya Matryoshka” is within the Tyumen District and enclosed within it are the Yamalo -Nenetsky autonomous district and the Khanty- Mansiysky autonomous district.

⁶³ Сотник В. Неелов, Собянин и Миллер объединяются против Латышева. Российское информационное агентство, <http://ura.ru/content/yamal/13-03-2008/articles/3256.html>

⁶⁴ Pyotr Latyshev. The spreading of efficiency. (2008), *Rossiskaya Gazyeta*, <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html>

⁶⁵ Perestronin, A. (2007) “Industrial Urals – Polar Urals” project unites all Urals regions, announces Governor Yakushev. In: *RIA novosti Ural*, <http://ural.rian.ru/economy/20070605/81565267.html> (18.9.2009)

⁶⁶ Latyshev, P. (2008) The spreading of efficiency. In : *Rossiskaya Gazyeta*, <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html> (20.9.2009)

⁶⁷ Sotnik, V. (2008) Neyelov, Sobyenin and Miller join forces against Latyshev. Official idea of Plenipotentiary alarms elite. In: *Russian Information Agency*, <http://ura.ru/content/yamal/13-03-2008/articles/3256.html> (20.9.2009)

project, a mining region will emerge in the Urals Federal District, within which several cities with populations of 30 – 50 thousand will be built”⁶⁸.

New centres of socio-economic development will require a corresponding distribution of production forces, not only during the construction period, but also when the developed mining region is operational. Therefore, the “administrative aspect” has taken on such importance following the decision to develop the IU – PU project”⁶⁹.

The discussion dealt with the practicalities of creating new cities in the regions of the Far North, while the upkeep of existing cities is very expensive for the regions and for the state, not cheap in the least. Commenting on the same issue at the conference, which was held in Nadym with the management of “Gazprom”, Neyelov stated: “You know, we were left with so many problems after Minneftegazstroi (Ministry for Oil and Gas Engineering) left, the oil industry was privatised, so many “tail-ends” were left in the form of girders, dilapidated houses, uncompleted roads, and collapsing five storey buildings. Mistakes like this will not happen again! We just do not need to build cities that will die out in time – we need to develop resources carefully”⁷⁰.

At the same time, in February 2008, in Novosibirsk, at a conference dedicated to issues of demographic development, the Deputy Prime Minister, Dmitry Medvedyev spoke out vociferously against the idea of developing Siberia using only the rotation system: “Some senior leaders are talking about developing Siberia using the rotation method. This is complete nonsense. There are officials who speak from their pulpits without thinking about the situation or the consequences their words can have”⁷¹.

The rotational organisation of labour is gathering momentum, Yamburg will be well built, but still a rotational settlement, and the concern “Gazprom Dobycha Yamburg” (previously known as “Yamburggazdobycha”, will mark its twenty fifth anniversary in 2009. In connection with the anniversary, the Managing Director of Gazprom Dobycha Yamburg Ltd, Oleg Andreyev talked on the long-term outlook for the project: “Preparations are under way for output in the new gas-bearing regions from offshore areas in the Ob and Taz Gulf, in the southern part of the Gdansky peninsula. Drawing up the general outlines of the Company’s development up to the year 2030 is the task on hand to decide on these very complicated issues”⁷². At a federal level, the further development of the IU – PU project continues, with the planning of the new infrastructure, possibly based on permanent settlements. Apart from the Urals, 3 other regional districts may be included in implementing the “Industrial Urals – Polar Urals” mega-project. As stated by the acting Urals plenipotentiary Deputy President of the Russian Federation Nikolai Vinnichenko, towards the summer months, a conference is being planned with the participation of representatives from the Volga, Central and Siberian districts to study the issue of possible participation in implementing the mega-project. As N. Vinnichenko noted, 2009 will be dedicated entirely to planning work for the IU – PU mega-project. In 2010, orders should be placed with companies, in order that they can prepare equipment and production facilities for the construction of transport infrastructure installations – bridges and roads”⁷³.

At the present time, activities are underway in the North, and the Russian government is establishing the strategic production potential for an oil and gas complex on the Arctic Sea shelf, and is carrying out planning work on the IU – PU project. The question of which methods to use remains open: an inter-regional rotation system with the assistance of workers from numerous bases on the territory which are

⁶⁸ Sotnik V. Ibid.

⁶⁹ Latyshev, P. Ibid.

⁷⁰ Latyshev, P. Ibid.

⁷¹ RIA Novosti (2008) Medvedyev announces preposterous idea to develop Siberia using the rotation system. In: <http://www.rian.ru/politics/20080214/99184093.html> (20.9.2009)

⁷² Advis.ru (2009) In the Novy Urengoy office of OOO “Dobycha Yamburg Ltd” a meeting was held relating to professional holidays. INFO line (company materials). In: <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?FD18875E-BC80-6945-94A5-D25B929EFB6D> (24.9.2009)

⁷³ UrallInformByuro (2009) Businesses receive orders for the UIUP mega-project in 2010. In: <http://www.uralinform.ru/armnews/news102198.html>(24.9.2009)

far from operations bases, or an intra-regional rotation system using the resources of municipal districts, or perhaps a completely new infrastructure will be developed with permanent base settlements. The rigid statements of representatives with alternative approaches only highlight the developmental variations, but each point of view represents a compromise or balanced idea. In our view, the issue is a balance of the territorial policies of the government: economic and geopolitical interest is often decided in favour of the latter. At present, we need to work keenly towards implementing an innovative production base for the IU – PU project and projects to develop new gas-bearing resources – it is these precisely which will determine strategic planning for developing the Far North.

List of abbreviations

CPSU – Communist Party of the Soviet Union

CTUC – Central Trade Union Council

HEPS – Hydro Electric Power Station

IFP – Inter-field gathering pipeline

IUPU – Industrial Urals – Polar Urals

LeNIIgradostroitelstva – Leningrad Institute of Scientific Research for Urban Planning

Minlesprom – Ministry of Timber Industries

Minneftegazstroi – USSR Ministry of Oil and Gas Industry

OGC – Oil and Gas Complex

VCSPS – USSR State Committee for Labour and Central Trade

VIC – Vertically-integrated company

YGP – Gazprom dobycha Yamburg (OAO Gazprom subsidiary)

References

Advis.ru (2009) *In the Novy Urengoy office of OOO "Dobycha Yamburg Ltd" a meeting was held relating to professional holidays*. INFO line (company materials). In: <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?FD18875E-BC80-6945-94A5-D25B929EFB6D> (24.9.2009).

Gabdel, M. (2001) *In the heart of Yamal*. Moscow, p 189.

Krivoy, V. I. (1985) *Rotational System in Organising Labour*. In: Jurisprudence. – No. 2, 71 – 75 pp.

Kryukov, V., Sevastyanova, A., Schmat, V. (1995) *Oil and Gas Territories: How to handle wealth (Current issues and formulation of conditions for long term, sustained socio-economic development)* – Novosibirsk-Tyumen, IEiOPP- AO “Legal Economics”, 1995 – p 368.

Kutsev, G.F. (1989) *People in the North*. Moscow: Politizdat, p 204.

Latyshev, P. (2008) The spreading of efficiency. In: Rossiskaya Gazyeta, <http://www.rg.ru/2008/02/19/ural.html> (20.9.2009).

Pashin, S.T. (2004) We knew it – Yamburg will be! In: Yamburg gas fields. Moscow, p 86.

Perestronin, A. (2007) “Industrial Urals – Polar Urals” project unites all Urals regions announces Governor Yakushev. In: RIA novosti Ural, <http://ural.rian.ru/economy/20070605/81565267.html> (18.9.2009).

Presidential Decree of the Russian Federation dated 13 May 2000. № 849 “Concerning the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in a federal district. In: Sobraniye Zakonodatelstvo Rossiskiy Federatsii 2000. No 20. Art. 2112.

RIA Novosti (2008) Medvedyev announces preposterous idea to develop Siberia using the rotation system. In: <http://www.rian.ru/politics/20080214/99184093.html> (20.9.2009).

Ruling of Goskomtrud USSR Sekretariat VCSPPS (2007) On approval of standard provisions for the rotation system on the organisation of labour, 13.12.1981. In: Gazovaya promyshlennost, No. 9.

Sinogaykina, E. G.(2003) Developing assessment of methods for vertically-integrated companies. In: <http://old.appraiser.ru/info/meet/10let/business/sinogeikina.htm> (21.9.2009).

Slavkina, M.V. (2005) History of decision-making for industrial development of Western Siberia. In: Economic history. Overview. Edited by L.I. Borodkina. Pub. 10. Moscow, pp 146-162.

Sotnik, V. (2008) Neyelov, Sobyenin and Miller join forces against Latyshev. Official idea of Plenipotentiary alarms elite. In: Russian Information Agency, <http://ura.ru/content/yamal/13-03-2008/articles/3256.html> (20.9.2009).

UralInformByuro (2009) Businesses receive orders for the UIUP mega-project in 2010. In: <http://www.uralinform.ru/armnews/news102198.html> (24.9.2009).

Yeltsin, B.N. (1991) Development of the Tyumen Region. Presidential Decree of September 19th, 1991 of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Множественные локальности и социальные пространства межрегиональных вахтовиков: Дом – Дорога – Вахта⁷⁴

Г. Эйльмштейнер-Саксингер

Социальные пространства: Дом – Дорога – Вахта

Многие рабочие-вахтовики описывают свою жизнь, как состоящую из 2 частей или они называют ее «двойной жизнью». Причиной этого является не только простое территориальное разделение жизни дома и жизни на вахте. Рабочие вовлекаются в различные социальные окружения со своими правилами и обычаями, радостями, сложностями, ожиданиями, обязанностями и т.д. В моем исследовании я называю это конкретное окружение теоретически «социальное пространство».

С помощью этого инструмента мы можем не только определить различия между этими окружениями, но и увидеть их пересечение, а также то, что эти окружения существуют для человека одновременно. Эта одновременность значимых для вахтовиков мест едва ли может быть идентифицирована, если мы слово «пространство» или окружение будем понимать в физическом или территориальном смысле.

Дорога – это не только деятельность по соединению отдельных мест. Она значима для человека, передвигается ли он поездом или самолетом и оплачивает ли компания его поездки или нет. Это влияет значительно на его доход и на количество дней отдыха. Таким образом, Дорога имеет социальное измерение, появляющееся из личного отношения рабочего к работе и которое, со своей стороны, влияет на его или ее частную жизнь. Теоретическое предположение взаимосвязанных социальных пластов становится понятным, когда мы слушаем рассказы конкретных рабочих о том, как ДОМ, ДОРОГА и ВАХТА формируют их жизнь.

Примеры этнографического исследования

Эти рассказы дают нам понимание каждого отдельного человека и условий вахтовой работы, удовлетворенность образом жизни зависит от комплекса факторов заимствованных из частных жизненных планов, рабочих условий, изменений, происходящих в результате реструктуризации компаний.

ДОМ в Ибреси Чувашия

Социально-пространственное измерение понятия ДОМ я описываю на примере межрегионального вахтовика. Я выбрала пример высокого уровня удовлетворенности работой

Ибреси – маленький город в республике Чувашия в Центральной России, откуда большое количество мужчин и даже женщин работают на Севере. Льву – 40 лет и он работает на газовом месторождении на полуострове Ямал. Ему нравится работа и вся окружающая жизнь. В целом, он производил впечатление человека, гордого за свою профессию. Это не только работа, это образ жизни.

Жена Льва – Галя сказала, что она тоже Лягушка-Путешественница. Очень хочет путешествовать. Много лет назад она тоже работала на Новой Земле. Поэтому она очень хорошо

⁷⁴ Авторский диссертационный проект в Венском Университете под руководством профессора Питера Швайцера финансируется несколькими небольшими грантами Венского Университета (Förderungsstipendium/Forschungsstipendium), Австрийской академией наук, Австрийской ассоциацией исследований, Австрийским научным фондом, а также субсидируется личными (не корпоративными) вложениями.

понимает своего мужа и его желание жить в движении. Галя уже привыкла к ежемесячной вахте мужа. Во время вахты мужа она занимается повседневными делами. Ей больше нравится работа 15/15. При месячном графике они привыкают друг к другу каждый раз, а также имеют возможность подготовиться к новой вахте. Наиболее важным для них является то, что большую часть месяца они ведут обычную жизнь. Во время отдыха Льва оба работают в своем частном доме, который они начали строить несколько лет назад. Гале нравится работать со Львом.

Взаимосвязь и одновременность социальных пространств

В случае с Галей и Львом, вахтовая работа с регулярным присутствием и отсутствием, формирует их отношения очень положительно. Оба социальных пространства – Дом и Вахта – взаимосвязаны и одновременно влияют на жизнь Льва и Гали.

Не только удовлетворенность частной жизнью формирует отношение Льва к вахтовой работе. Высокий уровень мотивации абсолютно необходим, чтобы переносить жесткий климат и условия труда. Лев ездит на Ямбург уже 15 лет и социально-экономическое положение его семьи очень от этого зависит. Зарплата Льва, которую он имеет, работая на Ямбурге в 8-9 раз выше, чем средняя зарплата в Чувашии. Зарплата Льва было достаточно, чтобы заплатить за университетское образование детей. Другими факторами удовлетворенности являются социальные услуги со стороны компании – соцпакет и стойкое чувство, что он имеет постоянную работу. Дорогу Льва до Ямбура оплачивает компания и она обычно преодолевается поездом или самолетом за день. Это сохраняет деньги и дни для отдыха. Но это не является характерным для всех межрегиональных вахтовиков.

ДОРОГА Вахтовый поезд

Григорий работает вахтовым методом уже 15 лет, месяц за месяцем. Он ездит из г. Белгорода в г. Новый Уренгой. Его опыт прямо противоположен: он видел нестабильность работы и ухудшение рабочих условий. В течение 11 лет он летал самолетом, который оплачивала компания. Несколько лет назад его компания была реструктурирована. С того времени он оплачивает проезд сам. По этой причине он ездит поездом, дорога занимает три дня в один конец, покупает самый дешевый билет. Несмотря на все трудности и разочарования его предыдущей работы он работает вахтовым методом. Он и его коллеги не имеют выбора. Им остается уйти из компании или соглашаться на существующие условия работы. Желающих много – говорит он. «Они ожидают места. Без «связей» и блата очень трудно получить работу с лучшими условиями. Что мне еще остается делать?».

ДОРОГА остановка в базовом городе. Пример общежития в г. Н. Уренгой

Дорога на вахту это не только путешествие поездом или самолетом. Во многих случаях необходимо остановиться на ночь в базовом городе, таком как Новый Уренгой, чтобы добраться до рабочего места в тундре на следующий день. Сможет ли человек позволить себе остановиться в комфортабельной гостинице или в 6-местном номере в рабочем общежитии, большей частью зависит от его профессионального уровня и контактов. Я встречала группы, состоящие из вахтовиков из различных районов центральной России, которые застряли на несколько дней в общежитии в пригороде г. Н. Уренгой. Из-за плохих погодных условий вертолет не мог переправить их в вахтовые поселки.

Они сообща готовили еду, пили чай и смотрели телевизор. Несомненно, это очень скучно. «А зимой это часто бывает», – сказали они мне. Очевидно, что они не являются вахтовиками с высоким уровнем доходов. Одни из них водители, другие – охранники. Я посещала этих парней в их общежитии. В Уренгое было действительно холодно и заснежено. Поэтому они не выходили из дома. Но обычно, особенно молодые люди, знакомятся с городом. Они ходят в кафе, рестораны, кино. Последние – более дешевое развлечение.

Одна значительная проблема, с которой они сталкиваются это то, что во время остановки в базовом городе мало развлечений, которые им интересны или которые они могут себе позволить. Обычно происходит выбор – развлечься в базовом городе или сохранить деньги для дома, где их ценность значительно выше. Есть и такие вахтовики, которые могут позволить себе развлечения.

ДОРОГА в контексте социального пространства

Как мы видим, дорога на вахту и назад содержит множество граней и имеет более широкое измерение, чем простое соединение географических мест. Условия ДОРОГИ влияют на общее качество жизни, жизнь ДОМА и удовлетворение от работы вахтовым методом. Условия в ДОРОГЕ также влияют на качество работы на ВАХТЕ: усталость от переездов и неудовлетворенность условиями в пути влияют на качество работы индивида.

ВАХТА условия и безопасность работы

Сергей 25 лет является межрегиональным вахтовиком из г. Самары. Он работает 60/30 дней – в Тазовском районе. Он – водитель специальной машины на предприятии газовой промышленности. В будущем он планирует постоянно жить в южных районах страны. Основная цель вахтового труда – высокая заработная плата с последующим развитием малого бизнеса. «На Севере большой спрос на специалистов. Но на Севере – высокий конкурс рабочих мест в условиях рыночной экономики». Он получил эту работу с условием работы вахты 60/30 дней, хотя такая работа для него тяжела. Безопасность работы – важная тема для всех работающих.

У Сергея уже есть опыт аварийной ситуации с опрокидыванием машины в болото. Водители имеют спутниковый телефон для связи с диспетчером в случае аварийной ситуации. Однако возможны трудности в оказании ему необходимой помощи вертолета из-за погодных условий.

Его мотивация занятия вахтовым трудом на Севере – в будущем заняться малым бизнесом. Но семья переживает за его здоровье во время работы вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. Сергей планирует уехать с Севера и перестать заниматься вахтовым методом труда, несмотря на необходимость денег для будущего малого бизнеса.

ВАХТА – ДОМ – интеграция социального пространства

На примере Льва и на примере Сергея мы можем понять пересечение социального пространства вахта и дом. У Сергея мы видим, что семья переживает и он переносит условия работы на северной трассе тяжелее обычного. Для Льва и его жены – наоборот, вахтовый метод труда является их образом жизни, несмотря на такие же тяжелые условия работы. Они уважают вахтовый метод труда за более высокий экономический потенциал и вследствие этого их личные отношения крепче.

Вывод

Успешная адаптация к жизни вахтовика зависит от того, насколько интегрированы «разделенные» или «двойные» жизни ДОМА, НА ВАХТЕ и в ДОРОГЕ. Факт постоянного то отсутствия, то присутствия дома, задержек в отдаленных вахтовых поселках и включенность в жесткий режим работы компании на довольно длительный период, рассматривается как характеристика образа жизни и необязательно рассматривается как негативная оценка. Для многих межрегиональных вахтовиков этот факт является удовлетворяющей их моделью, для того чтобы заработать на жизнь. Нам следует иметь в виду, что жизнь в разъездах стала нормой для многих вахтовиков и их семей. И независимо от их специфических особенностей они, как и многие другие рабочие в России и мире, постоянно осмысливают, обдумывают и оценивают преимущества и

недостатки меняющихся параметров данных пространств, чтобы достичь индивидуально для каждого приемлемого качества жизни. Вадим отметил: «Нет ничего особенного в моем образе жизни. Я и раньше жил так и это нормально для меня». Тем не менее, деградация условий труда определяется как наиболее важная причина спада общей мотивации в работе и, в частности, мотивации работы вахтовым методом.

В часто повторяющемся определении жизни вахтовиков как «двойной жизни» и «жизни, разделенной на две части» не представляется больше абстрактным, если мы рассматриваем ее в контексте жизни, в первую очередь, скорее как социальную характеристику, а не только временный и географический параметры. Эти социальные аспекты отдаленной ежедневной работы являются для многих вызовом, но в тоже время воспринимаются в позитивном ключе рабочими и их семьями. Эти выводы могут быть уместны, если мы будем принимать во внимание, что газовые и нефтяные северные земли, как правило, удалены от населенных пунктов и что нефтегазовый сектор напрямую зависит от мотивированного и высоко-квалифицированного персонала.

Multiple Locality and Socially Constructed Spaces among Interregional *Vakhtoviki*: HOME – JOURNEY – ON DUTY⁷⁵

G. Eilmsteiner-Saxinger

Some *Vakhtoviki*, as such long-distance commute workers in Russia are called, describe their lives as “split into two halves” and others talk of “leading double lives”. The reason for that is not the mere territorial separation of a life at HOME and a life ON DUTY. Workers are also drawn into different social settings with their own rules and customs, joys, hardships, expectations, obligations and hierarchies. When perceiving this particular setting theoretically as social space we cannot only identify the differences between these spaces, we see also overlap and that these spaces exist for the individual simultaneously. This social simultaneity of the *Vakhtoviki*'s meaningful places could hardly be identified if we conceived of space in just a physical and territorial sense. This is also true for the social space of JOURNEY. It is not a mere physical activity of connecting distant places. JOURNEY as a social space itself is shaped by hierarchies. In practical terms, it matters a great deal to the workers whether the company pays for the trip or not, and whether the mode of transport is train or aeroplane. It affects actual income and actual number of rest days. Furthermore, JOURNEY is an emotional shift from one social sphere to another and an activity of connecting meaningful places. JOURNEY has a social dimension resulting from an individual's position in the work context, which, in turn, substantially influences his or her private context.

Generally speaking, when it comes to issues like migration, extended homes, dual livelihoods, multiple residences, circular movements and so on, the category space is necessarily affected – often implicitly. Therefore, the notion of space should be explicitly addressed (c.f. Soja 1990, Harvey 1989, Lefebvre 1991, Gupta and Fergusson 1997, Sørensen and Olwig 2002, Law and Lawrence-Zuniga 2003, Löw 2001; 2008, Tishkov 2003). This is also the theoretical embedding of this paper. Space is a constituting category that impacts on and causes social agency as well as structure, which are two dimensions with mutual repercussions (Löw 2001; 2008). A dynamic and non-deterministic approach to space is also necessary in a study on *Vakhtoviki*. In different contexts, geographically defined distance may emotionally vanish or be experienced as something that can barely be overcome. *Vakhtoviki* continuously negotiate and integrate HOME – JOURNEY – ON DUTY.

⁷⁵ The author's dissertation project at the University of Vienna, supervised by Prof. Peter P. Schweitzer, is financed by various small grants of the University of Vienna (*Förderungsstipendium/Forschungsstipendium*), ÖAW Austrian Academy of Sciences, ÖFG Austrian Research Association, FWF Austrian Science Fund and, private (non-corporative) funding.

Let me now turn to some examples of my ethnographic field-work undertaken since 2007 in the western Siberian north and central parts of Russia among inter- and intraregional commute workers. In this paper I shall focus exclusively on the interregional workers. This rather abstract, theoretical assumption of interrelated social spaces becomes clear when we hear individual narrations of workers, telling how HOME, JOURNEY and ON DUTY shape their life. The stories enrich our understanding of the individual facets and circumstances of long-distance commute-work. Satisfaction with that way of life is dependent on a complex set of factors deriving, for example, from private life-plans, working conditions and overall changes due to the restructuring processes of oil and gas companies.

HOME – a case of passionate travellers

In the following account of the social spatial dimension of HOME I refer to an example from the Republic of Chuvashia. Lev⁷⁶ works on a gas field at the Yamal peninsula. He is a husband and father in his forties and lives in a small town called Ibresi, where a substantial number of people commute to the Russian North. He agreed with alacrity to tell me stories of his experiences as a *Vakhtovik*, and reported being very satisfied with his work and overall quality of life. On the whole he gave the impression of being very proud of his profession. It is not only a job, he said, it is a way of life. Lev's wife, Galja, said she is also a "Ljaguzhka Puteshestvenniza" (translated figuratively: a "passionate traveller"). Many years ago she also used to work far from home on the island Novaja Zemlja. Therefore, she understands very well her husband's passion for a life on the move. If she had not already been too old by the time her children were grown up, she said, she would have liked to commute with her husband to Yamburg as well. Galja further related that she copes fine with Lev's one-month-on, one-month-off shift roster. While he is away at work she appreciates her personal independence when organising her daily business according to her wishes. Instead of a 14/14 roster, she likes the 30/30 roster more. In a full month there is plenty of time to get re-acquainted, as well as having time to prepare for the next departure with no rush. The main thing for them is to have a substantial part of the month to lead an ordinary, everyday life. During Lev's time at home, both are busy with work on their private house, which they started to construct a few years ago. Galja enjoys this joint work with her husband. It makes up an important part of their relationship as a couple, she says. Both admit that on the whole they are very well off.

In case of Galja and Lev, commute work with regular, alternating presence and absence shape their partnership in a positive way. Both social spaces, HOME and ON DUTY, are therefore very strongly interrelated and simultaneously relevant in Lev and Galja's lives. Lev's motivation to continue to do shift labour is strongly characterised by his satisfying private life. Strong motivation is absolutely necessary to be able to cope with severe climatic variations and challenging working conditions. Lev has been commuting to Yamburg for the past 15 years now and his family's socio-economic position is strongly dependent on that. Lev's income from Yamburg is about eight to nine times higher than the average in Chuvashia. The unemployment rate is high there as a long-term result of the closure of many local industries in the 1990s.

Lev's salary was even enough to provide university education for both children. He is still able to support them as adults. This is necessary, since both now have their own young families. Lev stated: "What else should we do all that for, if not for the future of our kids?" Further factors contributing to satisfaction are a great variety of fringe benefits available to him and his family offered by the company and his confidence in having stable employment with a stable income. Furthermore, Lev's commutes to Yamburg are paid for by the company and usually completed in a day by train and aeroplane. That saves money and does not cut into the actual days of the recreation period. This is not the case for all interregional LDC.

⁷⁶ All workers' names in this paper have been changed for reasons of anonymity.

JOURNEY – a view from the train

The following narrations about JOURNEY were collected on commuter trains between the Yamalo-Nenets as well as the Khanty-Mansi Autonomous Districts and central parts of Russia. Vadim has been commuting monthly between Belgorod to Novy Urengoy for around 15 years. His experience is different from that of Lev: he faces instability at his workplace and a degradation of his working conditions. For eleven years he commuted by aeroplane on company expenses. However, a few years ago his company was restructured and since then he has had to cover travel expenses himself. Therefore he travels by train, where the journey takes about three days one way, but the price is only a fraction of the cost of a plane ticket. However, it often happens that all the third class tickets are sold out. Then he has to decide whether to queue up for a cheap train ticket for a train in the days prior to his departure for home, thus wasting precious recreation time, or to purchase a first or second class ticket, costing much more but enabling him to leave the North as fast as he can.

I asked why he does not move to the North on a permanent basis, since he has neither wife nor children at Belgorod. He told me that first of all, changing the place of residence to Novy Urengoy is connected to a wide range of organisational issues, money, bureaucracy and other life-shaping decisions. Anyway, he is now used to the long train rides and has already resigned himself to the loss of one out of the four weeks of his total recreational period. His income is substantially reduced due to the outlay for train tickets, the hostel on a stopover in the base-town, food on the train and so forth. But he still prefers long-distance commuting for various reasons. The climate at home is milder. He is attached to his social network and community at home i.e. friends and relatives, who are very important to him, since he has no wife or children.

Vadim's income is still higher than the local average at home in Belgorod. Housing and the cost of living are much lower than in the north. Despite all the hardship and degradation of his working conditions, he remains a *Vakhtovik*. In the end, he and his colleagues had no choice, he told me. They could either leave the company or agree to the debased working conditions they were offered. "Competition is high," Vadim said, "Others are already waiting for your job. And without *blat*⁷⁷ it is very difficult to get a job under better conditions. So what else can I do?"

In addition, days and hours on the train or on the aeroplane give the workers the opportunity to pause for a moment, to contemplate and to shift gradually from one community and collective to another, from one set of obligations to another. People might travel individually, or with colleagues. They become acquainted with travel mates working in other companies and regions on the way, exchanging the latest news. This may lead to new job opportunities, as rumours or information on re-structuring processes in the sector are helpful for forming personal career-strategies. Mutual exchanges with strangers from similar backgrounds is an important tool for gaining perspective on one's own situation as well as on general implications of shift-labour in the North. Collective travelling also gives the chance to young *Vakhtoviki* and newcomers to become socialised to that particular way of life. I saw fathers and uncles travelling to the north with their sons, nephews or young neighbours. The elders pointed out the importance of introducing young *Vakhtoviki* to the challenges of that labour system and to effective ways of coping. It is important for the individual and the family to seek out strategies of how to gain the benefits shift-labour can provide. Ideas are passed on from one generation to the next. JOURNEY is therefore not only an activity of connecting places, it is in itself a social space where social systems and this idiosyncratic life on the move are reproduced.

JOURNEY – a stopover in the base town

The journey to work may not only comprise a train ride or a flight. In many cases it is necessary to stay overnight in base towns like Novy Urengoy in order to be taken by the company to the remote workplace

⁷⁷ *blat*: informal connections. The range of *blat* indicates also the *social capital* of a person.

during the following day(s). Whether a person can easily stay in a comfortable hotel or only afford a place in a six-bed room in a workers' hostel, depends mainly on the professional level and the work-contract. I met a group of *Vakhtoviki* from various southern and central Russian places who were stranded for a few days in their dormitory on the outskirts of Novy Urengoy. Many of the places provided for interregional shift workers are not much more than basically-equipped wooden barracks built in the 1980s. Due to bad weather conditions the helicopter could not fly them to the shift-worker camp. They somehow made the best of their situation by collectively preparing food, drinking tea and watching TV. "Without doubt," they said, "this is an extremely tiresome situation which occurs frequently in the winter."

Obviously these men are not a part of the upper level income group among *Vakhtoviki*. Some of them are drivers and others security staff. The day I met them in their dormitory, there was driving snow and a temperature of below -40° Celsius in Novy Urengoy. Therefore, they had all chosen to remain in their crowded room. Usually they socialise in the city, they admitted, particularly the younger interregional commute workers. During the one or two days' stay they go to the gym, visit cafés, restaurants or the cinema if their personal budget is not too tight. Some visit colleagues: intraregional workers who live there permanently with their families. However, the fundamental dilemma they face during their stopover in base towns is finding satisfying activities they can afford. There is always a trade off between having fun and taking part in leisure activities and the necessity of saving money to spend in the home region where its purchasing-power is substantially greater. On the other hand, I met *Vakhtoviki* who deliberately arrive a few days before their departure to the workplace in order to enjoy the atmosphere and life in the big town Novy Urengoy. No doubt, there are also *Vakhtoviki* who are economically flexible enough to stay in better accommodation such as hotels or private flats they share with other workers during their stopover in Novy Urengoy.

As we saw, JOURNEY to and from HOME contains manifold social facets and has a broader dimension than just the activity of connecting geographically distant places. When we come back to the theoretical approach of *Vakhtoviki*'s social space I state that the conditions of JOURNEY shape the overall quality of life, the life back home and the overall satisfaction with long-distance commute work. Its conditions also influence the worker's performance ON DUTY, on his or her work place. Fatigue from travelling and frustration deriving from its circumstances may also impact on the individual's quality of work and labour safety.

ON DUTY

Sergej is a 25-year-old *Vakhtovik* from Samara. His roster is two month's working in the Tazovskij region and one month's recreation at home. He is a driver of specialised vehicles in a construction company for gas infrastructure. His long-term goal is permanent residence in Samara. Long-distance commute work is an intermediate way to earn the financial assets for starting up a private business. The idea to work in the north was first proposed by his brother's father in-law who lives in Novy Urengoy. Also Sergej's neighbour, who commutes to Kogalym, encouraged him to become *Vakhtovik* and persuaded him that money can be earned more quickly – even if not more easily – in the north than at home. Their information was right, and Sergej learned that there is high demand for qualified workers in the oil and gas industry in north-western Siberia. However, he soon also discovered that at the same time competition is fierce and market conditions are forcing companies to aim to continually reduce labour costs. Therefore, Sergej got the job only by agreeing to a 60/30 roster, which he actually experiences as extraordinarily challenging. His travel expenses are not covered or subsidised by the company. "For the company the 60/30 roster is cheaper. We are only 3 workers on that rotational post – instead of four, as a 30/30 rotation would require," he explained to me. "Within a 90 day period, two people are on shift, one is at home. But what happens if one colleague does not turn up to work though illness or other reasons? There is no extra worker on the construction site who could step in to do this job. Therefore, one is forced to remain there, regardless how exhausted he is after a two-month shift under the open sky beyond the polar circle."

Safety at work is also an important topic for most of the workers I talked to. For example Sergej operates heavy vehicles such as special excavating machines on the Tundra surface which requires experience and skills. He has already witnessed a caterpillar tipping over and drowning in the marsh. Even if they always have satellite phone connections, in case of a severe accident, first aid helicopters take time to arrive and are dependent on weather conditions – if they can start at all. Grigori, a lorry-driver from Novy Urengoy told me that he once tipped into the marsh. His lorry drowned “and was never seen again”, he said dramatically. “Thank God, I was able to escape.” Grigori has been employed in this capacity for more than 20 years. “I have witnessed a lot of things you couldn’t imagine if you are not familiar with the north. Unfortunately I know people who have frozen to death when help came too late after an accident. Thank God, this is only very rarely the case”. He has already adapted to the extraordinary working and safety conditions in the north.

Sergej, who is only half the age of Grigori, has not got used to these conditions and certainly does not plan to go on commuting until retirement, as he emphasised. His group stays in a mobile work camp, a *vagon gorodok*. This trailer settlement is inhabited by around 30 workers. Eight people share one container on a rotational system: while four of them are out at the construction site for 12 hours of work, the other four can relax. The sanitary conditions are not very satisfactory to him, although his camp has the most up-to-date facilities. The path to the toilet trailer is not enclosed: “This is tough when the wind is 150 km/h and snow is not only freezing the face.”

Sergej thinks about quitting his job as a *Vakhtovik* even sooner than planned, regardless of whether he has earned the money for his business plans or not. He stated that he is afraid of going down the same road as his colleagues. “When they started commuting, they planned to do so for a few years. Eventually they got stuck in a rut and some of them have been commuting for over 20 years now.” So far, his motivation derives from earning good money for a future private business at home in Samara. Hence, this motivation is substantially influenced by concerns for his family – his wife and their three-year-old son. The facts are that he is regularly away from home, he wishes to be at home, and he is unable to be involved in urgent family decisions. In talks with his wife the issue of his health and safety regularly arises. These things are not only a personal matter, he explained, it affects his family since he is the only breadwinner. “How would my wife survive if I died in an accident or lost my ability to earn our livelihood? The economic conditions in Russia are hard for a single mother”.

Conclusion

Let me come back to the theoretical starting points of my paper. In many of the above examples, such as Lev’s, the people on the JOURNEY and also in case of Sergej, the simultaneity of *Vakhtoviki*’s social spaces and its close interrelatedness become obvious. Hardships, concerns, good or severe working conditions, informal connections and social networks, the atmosphere in the collective at the workplace as well as the positive impacts of long-distance commute work, all shape these itinerant lives, the life of a *Vakhtovik*. The social setting ON DUTY, which is connected to travel conditions, shift-roster, income level and security issues, is internalised in the lives of the workers and travel with them in an emotional and social sense. The setting ON DUTY impacts social conditions and the human responses and agency also in the context of JOURNEY and HOME. For example, Sergej’s concerns accompany him HOME. He discusses these with his wife, and she expresses her views on their life as a family. For them, long-distance commute work appears to be very challenging. Aside from the high salary it is rather negatively perceived. In contrast, Lev and his wife Galja emphasise that long-distance commuting is a very satisfying way of life as regards their social-economic living standards. Benefits include the opportunity to provide higher education to their two children and the money to build a private house, which enhances their relationship as a married couple. Within their narrations they showed that they learned to cope with Lev’s regular presence and absence from home over time. For the workers I met at the dormitory during their stopover in Novy Urengoy, the very basic living conditions in the base town and the rather limited financial flexibility for making the days during the stopover a bit more exciting, influence overall job satisfaction and their quality of life. On the other hand, they commute with the awareness that they are earning good money which improves their social mobility in

their lives back HOME. In all the cases cited above, the *Vakhtoviki*, their families and social networks have to cope with being involved in two different social settings; the one at HOME and the one ON DUTY with their different customs, responsibilities and different hierarchical systems. Furthermore, they are also involved in a third social space, the JOURNEY that impacts both other spheres as outlined above.

This life on the move is not only a life which is separated by physically distant places where human action takes place. If we examine the matter from a relational theoretical spatial approach (Löw 2001, 2008), the physically distant places have in themselves a social dimension that is shaped, for instance, by the geographically and climatically given circumstances, but also by humanly developed conditions, obligations, rules and hierarchies. Therefore, these places shape and influence the human agency and the responses of people to the social structures that are characterising these places. Subsequently, HOME – JOURNEY – ON DUTY can be conceived not as physical entities but as social spaces.

At my current level of research on long-distance commute work in the Russian Federation (the *vakhtovij metod*) it seems that coping with shift-labour is fundamentally a matter of a satisfying integration of the so called “separated” or “double lives” that are shaped by HOME, ON DUTY and the JOURNEY. Since long-distance commute work is becoming increasingly important for the Russian Federation’s oil and gas industries in the Far North, a closer look at the coping strategies of itinerant workers appears to be timely. No doubt, a life as a *Vakhtovik* is fundamentally different from mainstream life-styles. However, as we have seen, the territorial or temporal distance is not the main challenge of long-distance commute work as a mode of labour organisation. This argument is also supported by Spies (2006;2008) in his study on job satisfaction at a northern Russian oil field.

The fact of being constantly absent and present from HOME and of being stuck at a remote work camp and involved into the strict regime of the company for a rather long period is seen as characteristic of the lifestyle and not necessarily perceived negatively. For many interregional *Vakhtoviki* it is a satisfying mode of earning a livelihood. We should bear in mind that the life on the move has become the norm for many *Vakhtoviki* and their families. These aspects are also illustrated by Shrimpton and Storey (2001) in their comparative study of effects of offshore employment in the petroleum industry. Aside from certain idiosyncrasies they are – as are many other workers in the Russian Federation and in the world – constantly negotiating the advantages and disadvantages of the changing settings of these spaces in order to achieve an individually set level of quality of life. Vadim pointed out, “There is nothing special about my way of life. I am used to it and it is very ordinary to me.”

The oft-repeated statement that a *Vakhtovik*’s life would be a “double life” or a “life split into two halves” no longer appears to be abstract if we look at the narrations on the understanding that life on the move has first and foremost a social dimension, rather than only temporal and geographic dimensions – for instance, if we bear in mind changes and degradation of working conditions. These social aspects of long-distance commute work are for many challenging, but at the same time perceived in a positive way by many workers and their families. These findings might be relevant if we take into account that the northern Russian oil and gas fields are continuously shifting away from permanent settlements in the north and that a prospering hydrocarbon sector is absolutely dependent on motivated and highly qualified personnel.

References

Gupta, A. and J. Fergusson eds. (1997) *Culture, Power, Place. Explorations in Critical Anthropology*. London, Durham: Duke University Press.

Harvey, D. (1990) *The condition of Postmodernity. An enquiry into the Origins of Cultural Change*. Blackwell Publishers.

Law, S. and Lawrence-Zúñiga (eds.) (2003) *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture*. Oxford: Blackwell Publishers.

- Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Löw, M. (2001) *Raumsoziologie*. Frankfurt/Main: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft.
- Löw, M. (2008) The Constitution of Space. The Structuration of Spaces Through the Simultaneity of Effect and Perception. In: *European Journal of Social Theory*. Vol. 11, No. 1, 2008, pp 25-49.
- Shrimpton, M. and K. Storey (2001). The Effects of Offshore Employment in the Petroleum Industry: A Cross-National Perspective. OCS Study MMS 2001-041.
- Soja, E. W. (1990) *Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory*. London: Verso.
- Spies, M. (2006) Distance between home and workplace as a factor for job satisfaction in the North-West Russian oil industry. In: *Fennia 184: 2*, Helsinki, pp 133-149.
- Spies, M. (2008) Shift-work Employment and Labour Relations on a Remote Oil Field in the Russian North. In: *Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, industries and populations from Murmansk to Magadan*. Rautio, V. and M. Tykkyläinen eds. Helsinki: Kikumora, pp 25-52.
- Spies, M. (2009). Resource extraction in extreme remoteness – Organisations, long-distance commuting and Russia's resource peripheries. Doctoral dissertation University of Joensuu (forthcoming).
- Sørensen, N. N. and K.F. Olwig eds. (2002). *Work and Migration: Life and Livelihoods in a Globalizing World*. London: Routledge.
- Tishkov, V. A. (2003) *Kul'turnyi smysl' prostranstva*. In: www.ethnonet.ru/ru/print/pub/0803-02.html (9. 6. 2008).

Сравнительный анализ вахтового метода работы в прошлом и настоящем в условиях Крайнего Севера

А.Ю. Рублюк, З.Э. Борлакова

Резюме

Впервые метод вахтовых работ был применен в геологии при бурении первой скважины на Уренгойском месторождении. Нами был проведен сравнительный анализ развития вахтового метода при разработке Уренгойского месторождения в 60-80-е годы XX века и анализ современного состояния данного метода работы. Были выделены следующие признаки сравнения: бытовые условия вахтовиков; соблюдение техники безопасности при проведении работ; потребность в социальной инфраструктуре; психологическое здоровье; отношение к работе и привязанность к месту жительства; особенности взаимоотношений человека и природы. В работе дано сравнительное описание по каждому критерию. Анализ проводился на основе изучения литературы и интервью с рабочими-вахтовиками, руководителями предприятий, старожилами г. Новый Уренгой.

Впервые метод вахтовых работ был применен в геологии при бурении первой скважины на Уренгойском месторождении. Вахтовики участвовали во всех видах работ, которые предусматривает любая схема раскрытия кладовых природы: строительство железных и автомобильных дорог, линий электропередач, трубопроводов, создание и благоустройство опорных населенных пунктов.

Нами был проведен сравнительный анализ развития вахтового метода при разработке Уренгойского месторождения в 60-80-е годы XX века, т.е. в самом начале вахтовых работ и анализ современного состояния данного метода работы. Анализ проводился на основе изучения литературы и интервью с рабочими-вахтовиками, руководителями предприятий, старожилами г. Новый Уренгой.

В результате анализа собранного материала мы выявили следующий ряд признаков сравнения различных аспектов жизни и деятельности вахтовиков в разные периоды развития Уренгойского месторождения:

- бытовые условия вахтовиков
- соблюдение техники безопасности при проведении работ
- потребность в социальной инфраструктуре
- психологическое здоровье
- отношение к работе и привязанность к месту жительства
- особенности взаимоотношений человека и природы

В сентябре 1964 года с теплого юга в голую, холодную, продуваемую со всех сторон тундру пришел десант в 5 человек, который и положил начало планомерной разведке Уренгойского месторождения. Месторождение гигантское – 250 км в длину и от 30 до 60 км в ширину.

Поселок Уренгой в сущности был заброшенным лагерем заключенных, строивших восточное крыло трансполярной железной дороги Салехард-Игарка (стройки 501 и 503), которую начали прокладывать по распоряжению И.В. Сталина в 1949 году. Несколько сохранившихся от этого лагеря барачных и заняла сейсмическая партия Цыбенко В.Л., которая и стала первооткрывательницей уренгойской структуры.

Бытовые условия

При сравнении бытовых условий вахтовиков в прошлом и сегодня разница очевидна. Сейчас, помимо базового города, существует ряд вахтовых поселков, снабженных необходимыми

условиями. На заре же становления вахтового метода жить приходилось в бараках, оставшихся от заключенных и в вагонах-домиках, причем в каждом домике проживала не одна семья. По воспоминаниям очевидцев, таких сложных условий в вагон-городке как в Уренгое не было нигде. Старожилы утверждают, что с 1973 по 1980 год здесь просто выживали как могли. Такой сложной транспортной схемы по доставке материалов и оборудования, как до Нового Уренгоя, строители раньше не встречали (Сулейманов/Ланчаков 2003). По этой причине часто случался срыв централизованной поставки продуктов питания. Среди других трудностей того времени можно отметить неоднократное затопление поселка Уренгой, в результате чего людям приходилось несколько дней сидеть на вторых этажах; частый выход из строя дизельных электростанций, в результате чего людям приходилось греться у буржеек в 40-50 градусный мороз. В первые же два года жили вообще без электричества. Жгли свечи и керосиновую лампу (Лучников/Казмирович 2008).

Соблюдение техники безопасности при буровых работах

Работа первых вахтовиков была не только сложной, но и очень опасной. Например, сейчас при буровиках работают спасатели и представители РГТИ на случай возникновения фонтанирования. В те времена этого еще не было, хотя аварийных ситуаций, по словам первопроходцев было более чем достаточно (Сулейманов/Ланчаков 2003). Сейчас до газовых промыслов ведет «бетонка», смена вахтовиков может в комфортабельном «Икарусе» расслабиться, вздремнуть, а тогда строителям приходилось преодолевать «трудные» километры – на лыжах зимой и на открытой машине летом форсировать ручьи и речушки. Проваливались прямо с головой в болото или сугроб. Сегодня тяжело представить и такую картину. В 1981 году между третьим и четвертым газопромыслами провалилась в тундру, казалось бы, отсыпанная по всем правилам, дорога, образовалась промоина шириной метров двести, которую невозможно было объехать даже на гусеничных тракторах. Вахтовики доезжали до этой промоины и люди вброд шли на тот берег, где ждали другие вахтовики, которые везли их к буровым, к промыслам. Через промоину был прокинут даже трубопровод – по нему перекачивали дизтопливо для отрезанной от поселка техники. Морозы же в то время были не такие как сегодня, а под 50-60 градусов.

Потребность в социальной инфраструктуре

Самой первой возникшей социальной проблемой и самой важной было наличие образовательных и детских дошкольных учреждений. Наше исследование показало, что во все времена в Уренгой в основном ехали люди семейные и молодые, чтобы поправить свое финансовое

положение. Но если сейчас мы уже имеем выросшее здесь поколение, которым необходимо высшее образование, то на заре разработки месторождения необходимость существовала прежде всего в детских садах и школах, поскольку в молодых семьях дети были соответственно дошкольного и школьного возраста. Первую школу в Уренгое открыли 1 октября 1966 года, в которую пошли около 90 учеников с 1 по 9 класс (Сулейманов/Ланчаков 2003). В настоящее время, поскольку у выросшего поколения существует необходимость получения высшего образования, в городе активно развивается образовательная инфраструктура – в городе имеется ряд филиалов крупных учебных заведений, среди них: филиал Тюменского государственного университета, Томский государственный радиотехнический университет, Московский открытый социальный университет и другие; внедряются новые

инновационные образовательные технологии.

Психологическое здоровье

Безусловно, Север как тогда, так и сегодня предъявляет организму человека значительные требования, вынуждая его использовать дополнительные социальные и биологические средства защиты от неблагоприятного воздействия природных условий (Гиппенрейтер 2002). Неблагоприятное воздействие на организм человека в условиях Крайнего Севера оказывают следующие факторы: необычная для средних широт фотопериодичность (полярная ночь и полярный день); отрицательный годовой баланс солнечной радиации; воздействие низких температур в сочетании с высокой скоростью ветра; длительный период низкой температуры воздуха; чрезвычайная неустойчивость погоды; гипокинезия, обусловленная неблагоприятными метеорологическими факторами; неадекватное, несбалансированное питание, гиповитаминозы эндогенной и экзогенной природы; промышленное загрязнение внешней среды; резкие перепады атмосферного давления; геомагнитные колебания; близкое расположение от поверхности почвы слоя вечной мерзлоты и др. К этим средовым факторам можно добавить такое психологическое чувство как оторванность от большой Земли. Влияние на человека каждого из этих факторов оказывает существенное воздействие на организм, самочувствие человека и систему его гомеостаза.

Влияние средовых факторов сказывается и на потенциальных возможностях системы энергообеспечения, которые часто не соответствуют высоким требованиям, предъявляемым к организму окружающей средой. Поэтому вся деятельность (умственная и двигательная) осуществляется за счет высокой степени напряжения адаптивных механизмов и превосходит «физиологическую стоимость» подобной работы в других регионах страны. Из-за противоречия между способностью адаптации человеческого организма и постоянно сменяющимися социально-экологическими условиями возникает состояние неустойчивости иммунной системы, создаются предпосылки для развития патологических процессов. И в этом смысле нет разницы между влиянием Севера на психологическое здоровье человека в прошлом и сейчас, если, конечно не рассматривать возможности большого города для релаксации и восстановления организма.

Есть еще один аспект, который указывает на различие психологического состояния человека в прошлом и сейчас.

Произошедшие в последние два десятилетия глубокие изменения политических и социально-экономических условий, затронувшие все сферы жизни общества – падение качества и уровня жизни, рост социального неравенства и деструктивных процессов в обществе – оказали определенное неблагоприятное влияние почти на каждого жителя страны. Но особенно остро они проявляются в регионах повышенной экстремальности и сложности проживания, снижая способности человека. Поэтому в этом аспекте психологическое здоровье вахтовика характеризуется более высокой степенью тревожности и депрессивности.

Отношение к работе и привязанность к месту жительства

При рассмотрении данного аспекта необходимо отметить такое отличие работы вахтовиков в прошлом от работы вахтовиков в настоящее время, как энтузиазм, что диктовалось, конечно же, особенностями эпохи. Необходимо отметить энергию, беззаветную преданность людей, работавших на месторождении 20 лет назад. Люди в основном работали не покладая рук, спали по 2-3 часа в сутки, греясь в мороз паяльной лампой. Нигде и никогда за одну пятилетку не строили семь газопромыслов! Можно привести следующий пример. В декабре 1978 года на УКГП-1 взорвалось здание котельной. При больших морозах промысел без котельной эксплуатировать было невозможно. Котельную, которую до этого строили полгода, восстановили за три дня. Таких темпов строительства на Уренгое не знали ни до, ни после (Лучников/Казмирович 2008). За 10 лет был построен город, 15 газопромыслов, освоено порядка 2,5 млрд. рублей капиталовложений в год.

Все причастные к «гигантской стройке» отмечают энтузиазм и гордость за проделанный труд, считают свою работу сродни «творчеству и любви», запуски первых ниток газопроводов многие называют самыми счастливыми днями в их жизни. За годы работы на месторождении они поистине «вросли корнями в эту землю». Люди не считались со временем, и если случались какие-то накладки, задержки с тем же цементом, оставались на буровых до тех пор, пока работа не была сделана.

Необходимо также отметить разную степень привязанности к месту жительства у вахтовиков, которые участвовали в постройке нынешнего города, и тех вахтовиков, которые приехали на работу в современное время

Особенности взаимоотношений человека и природы

В настоящее время в связи с глобальным экологическим кризисом целым рядом стран принята программа устойчивого развития человечества, в которой особое место отводится защите природных ресурсов, восстановления окружающей среды. Еще 20-30 лет назад этот вопрос не стоял так остро, как сейчас. И это не может не иметь отношения к работе современных вахтовиков всех уровней – от рабочих до высококвалифицированных специалистов, работающих на самом крупном газовом месторождении в мире. Сегодняшние рабочие, специалисты и руководители нуждаются в подготовке по биоэтике и реализации концепций устойчивого развития всего человечества.

Литература

Гиппенрейтер, Б. Г. Введение в общую психологию, Москва: Веста, 2002.

Лучников, А.И., О.С. Казмирович «Уренгойский шестой триллион», Италия: «Пента», 2008.

ООО «Газпром» Официальный сайт: <http://www.gazprom.ru> (последняя загрузка 03.01.2009).

Сулейманов, Р.С. , Г.А. Ланчаков «Созвездие большого Уренгоя», Москва: «Пента», 2003.

Источники фотографии

Р.С. Сулейманов, Г.А. Ланчаков «Созвездие большого Уренгоя», 2003, с. 41.

Р.С. Сулейманов, Г.А. Ланчаков «Созвездие большого Уренгоя», 2003, с. 216.

Р.С. Сулейманов, Г.А. Ланчаков «Созвездие большого Уренгоя», 2005; стр. 48.

Фото из частной коллекции

Comparative Analysis of Long-distance Commute Work in the Past and the Present under Conditions of the Far North

A.J. Rublyuk, Z.E. Borlakova

Abstract

Shift-labour was used for the first time in geology during the first gas-well drilling on Urengoy gas-field. The comparative analysis of long-distance commuting in the past and present under the conditions of the Far North was carried out. The research identified such comparison criteria as: shift-workers' conditions of life; observance of safety measures at work; necessity of social infrastructure; psychological health; attitude to the job and attachment to the place; peculiarities of human–nature interaction. Each comparison criterion is supplied with appropriate description and examples. Conclusions are made on the basis of literature investigated and interview with those who retired, shift-workers, today's managers.

Long-distance commute work was used on Urengoy gas-field for the first time in geology during the first gas-well drilling. Shift-workers took part in all kinds of work which every plan of disclosure of natural treasures foresees: a construction of rail- and highways, transmission facilities, pipelines, a creation and improvement of base settlements.

The comparative analysis of shift-labour in the past and present under the conditions of the Far North was carried out. Conclusions are made on the basis of literature investigated and interviews with those who retired, shift-workers, and today's managers.

As a result of analysis of the collected material, we identified a number of comparative criteria of different aspects of shift-workers' life and activity in different periods of Urengoy gas-field development:

- shift-workers' conditions of life
- observance of safety measures at work
- necessity of social infrastructure
- psychological health
- attitude to the job and attachment to the place
- peculiarities of human–nature interaction

Conditions of life

Comparing conditions of life of long-distance commute workers in the past and in the present we can see obvious differences. Now, there are plenty of shift-workers' settlements, besides a base town. At the beginning, long-distance commute workers had to live in barracks, remained from prisoners, and in carriages-cottages. More than just a one family lived in the carriage-cottage. As eyewitnesses remembered, such difficult conditions in a small carriage-town as in Novy Urengoy were nowhere. Old-residents assert that from 1973 to 1980 they survived as they could here. Such difficult transport system of materials and equipment delivery, as to Novy Urengoy, the builders did not meet before (Sulejmanov and Lanchakov 2005). On this account a fail of the centralized delivery of food stuffs happened very often. Among other difficulties of that time we can notice several floods in Novy Urengoy, as the result people had to sit on the upper floors for a few days; we can also notice the frequent outage of diesel power-stations. During the first two years they lived in general without electricity, burning candles and kerosene lamp (Luchnikov and Kazmirovich 2008).

Observance of accident prevention at drilling rigs

The work of the first shift-workers was not only difficult but also very dangerous. For example, in the past there were no special rescuers working near drillers in the event of a gas blowout. In those times there were not such accidents, although emergency situations were very common (Sulejmanov and Lanchakov 2005).

Today there is a concrete road to gas fields, and shift-workers can relax in comfortable «Ikarus»-buses on their way to work, take a nap, and in those times the builders had to overcome «difficult» kilometers – on snow-shoes in winter and in the opened car in summer to cross brooks and small rivers.

Necessity of social infrastructure

The important problem was development of educational and child's preschool institutions. Our research showed that mainly young people with families went at all times to Novy Urengoy, to improve the financial position. Today we already have a new generation, brought up here, in the North, which needs higher education. In the past there was a necessity of kinder-gardens and schools, as in young families, children were preschool and school age. The first school in Novy Urengoy was opened on October, 1, 1966, where about 90 students from 1 to 9 class began their study (Sulejmanov and Lanchakov 2005). Presently, as a growing generation has a necessity of getting higher education, the educational infrastructure actively has been developing in town – there is a number of branches of large educational establishments in town, among them: branch of Tyumen State University, Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics, Moscow Open Social University and others; new innovative educational technologies are being developed.

Psychological health

Of course, the Far North demands the human's organism to be strong to resist additional social and biological unfavorable influence of harsh environment both in the past and in the present (Hippenraiter 2002). Among conditions, which create this influence, are: arctic night and arctic day, which aren't usual for middle latitudes; low temperatures; extraordinary instability of weather; sharp atmospheric pressure falls; etc. To these factors, which characterize the work under the extreme conditions, we can add such psychological problem as isolation from "the large earth". Large influence on people of each of these factors affects the health and system of human's homoeostasis.

And there is another aspect which greatly influences on the psychological state of human-being in the past and present. In the last two decades deep changes of political and socio-economic conditions affecting all spheres of society's life, rendered certain unfavourable influence on almost every resident of the country. But especially they had their negative results in the regions with harsh environment causing complications in life residence, reducing the capabilities of a human. Therefore from this point of view the psychological health of shift-workers are characterized as having higher degree of anxiety and depression.

Attitude to work and attachment to the place

Discussing this aspect it is necessary to notice such a factor as enthusiasm of shift-workers in the past time and in the present time. It is different. It was dictated, certainly, by the peculiarities of the time. It is necessary to emphasize energy, selfless devotion of people, who worked on gas fields 20 years ago. People worked tirelessly, slept for 2-3 hours a day, warming up in a frost by a blowtorch. Since then never and nowhere people would build seven gas fields in 5 years! Such fast building, as in Novy Urengoy, is not known neither before nor after (Luchnikov and Kazmirovich 2008). In 10 years the city was built, 15 drilling rigs, 2.5 billion of roubles of capital investments is mastered in a year. All participants of «giant building»

tell about enthusiasm and pride for their labour. They really «put down roots in this earth», working on gas field for years.

It is also necessary to notice the different degree of attachment to the place of shift-workers, who participated in the building of the present city, and shift-workers, who arrived to work in modern time.

Peculiarities of human-nature interaction

Nowadays a great number of countries accept the program of sustainable development, in which the special stress is placed on natural resources protection, renewal of environment, because of a global ecological crisis. This question wasn't stand so sharp 20-30 years back, as nowadays. Today workers, specialists and managers have to be acquainted with the program of sustainable development and agreeably trained.

References

ООО Gazprom (2008) Official site: <http://www.gazprom.ru> (last download 03.01.2009).

Hippenraiter, B. G (2002) Vvedenie v obshchuj psihologiiuj [Introduction to General Psychology]. Moscow: Vesta.

Luchnikov, A. I. and O. S. Kazmirovich (2008) Urengo'jskii shestoj trillion [The Sixth Billion of Urengoy]. Italy: Penta.

Sulejmanov, R. S. and G. A. Lanchakov et al. (2003) Sozveznie bolshogo Urengoya [The Constellation of Greater Urengoy] Moscow: Penta.

Picrture credits

Sulejmanov, R. S. and G. A. Lanchakov et al. (2003) Sozveznie bolshogo Urengoya [The Constellation of Greater Urengoy] Moscow: Penta, page 41.

Sulejmanov, R. S. and G. A. Lanchakov et al. (2003) Sozveznie bolshogo Urengoya [The Constellation of Greater Urengoy] Moscow: Penta, page 216.

Sulejmanov, R. S. and G.A.Lanchakov (2005) Sozveznie bolshogo Urengoya [The Constellation of Novy Urengoy], page 48.

Picture from private collection

Координирующая роль дизайна в формировании «Новой Субкультуры» вахтового метода жизнедеятельности. На примере нефтегазового комплекса Западно-Сибирского региона РФ

А.Н. Зелинский

Согласно энергетической стратегии России главной нефтяной базой страны является Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция. Труднодоступность региона обуславливает развитие экспедиционно-вахтовой системы труда. Работники съезжаются на чуждую для них в климатическом и культурном плане территорию. В результате человек попадает в дискомфорт в физическом плане – климат, жилье, работа; в душевном – чуждое окружение, не соответствие характеров, отрыв от семьи; и в духовном плане – традиции, верования, мировоззрение.

Экологические проблемы, связанные с производственными процессами газо-нефтедобычи, бесхозяйственность и стихийность освоения природных ресурсов вызывают к вахтовикам отрицательное отношение у коренного населения, что формирует негативный стереотипный образ «вахтовика» в регионе. Люди, приехав на работу в чрезвычайно тяжелые экстремальные условия, чувствуют себя чужими – «вахтовиками-вредителями». Вернувшись домой, также происходит процесс отчуждения, но уже от ценностей своей родной культуры. Происходит ломка старого и стихийное формирование нового «климата» в семье.

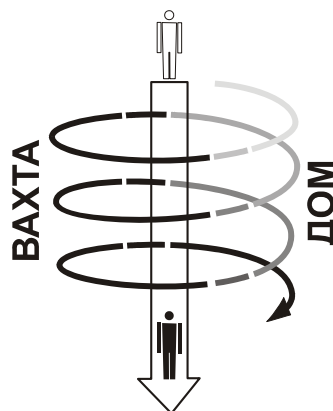
Стихийное развитие вахтового метода сформировало свой образ жизни, систему организации быта, условия приема на работу и т.д. Естественным образом за этот небольшой исторический период на вахтах сложились свои традиции и правила – своя социально-профессиональная субкультура ВМТ. Подобное формирование субкультуры происходит, например, на подводных лодках, в космических кораблях, в армии или в местах лишения свободы, где люди также живут в замкнутом «пространстве», отдаленном от очагов общественной жизни. В таких условиях психика человека одновременно запускает защитные и адаптивные механизмы. Естественным образом вахтовик старается с одной стороны защитить себя от «чуждой» субкультуры ВМ, с другой стороны он стремится к сближению и слиянию с ней. Что в свою очередь начинает незаметную «ломку» устоявшихся жизненных ценностей и предпочтений. Как заметил А.С. Выготский, при смене социальных условий, человек оказывается неадаптированным в разных аспектах, начиная с восприятия окружающих людей и кончая ценностными ориентациями (Розин В.М.). Вышесказанное говорит о существовании глубокого внутреннего кризиса в человеке, вызванного межкультурным конфликтом при вахтовом режиме жизнедеятельности.

Существующие ценностные ориентиры и организация жизнедеятельности на вахте, влияют на обустройство и предметное наполнение пространства жилой среды. Следует отметить, что субкультура вахты отражена в имидже и социальном статусе вахтовиков. А визуальный образ еще многих вахтовых поселений скорее можно отнести к среде тюремной зоны. В свою очередь есть аналоги хорошо оборудованных жилых блоков с точки зрения комфорта (это зависит от степени финансового положения компании), но и там проблема остается нерешенной. Суть в том, что в сегодняшней системе вахтового метода отсутствуют механизмы компенсации стрессового влияния межкультурного конфликта, социальной изоляции и цикличности вахтового метода. Это естественным образом отражается на психофизиологическом состоянии людей. Что приводит к острым и порой критическим межличностным и межгрупповым конфликтам. Как результат – огромная текучка кадров, не говоря уже о понижении, а иногда и полном отсутствии производительности труда.

Тем не менее, при наличии столь глубоких социальных проблем, исследования Дорожкина Ю.Н., Суханова Н.В., Хайтуна А.Д., Борисова Д.В. говорят о производственной и экономической эффективности применения вахтового метода труда в экстремальных условиях Севера, метод вахты

Полный вахтовый цикл

Стрессогенное влияние ВМТ на человека

на сегодняшний день является оптимальным способом освоения наиболее перспективных ресурсных регионов страны.

При нынешней ситуации степень комфортности полевого поселка, качество бытового обслуживания и оснащённость помещений для отдыха не дают возможности для полноценного отдыха и восстановления физиологического и психологического состояния человека. Замкнутость пространства, оторванность от культурных центров, затрудняют привычное для человека проведение досуга (Дорожкин Ю.Н.). Анализ суточного цикла на вахте показывает, что наибольшее стрессогенное влияние человек получает не на производстве, а в свободное от работы время, особенно когда он «один на один» с собой. Неорганизованное свободное время в условиях вахты – основной очаг деградации личности, а основными стрессогенными факторами является культурная, информационная и социальная изоляция.

В этой связи для изучения стрессогенного влияния вахтового метода мы рассматриваем его как цикличную, развивающуюся по спирали систему (см. рис.) В которой полный вахтовый цикл состоит из четырех этапов: «Дорога – Вахта – Дорога – Дом». Спиралевидность системы отражает тенденцию развития во времени и накопительный характер стрессогенности. Соответственно незначительное влияние одного цикла вахты на человека приводит к катастрофическим изменениям личности при постоянной цикличности с течением времени.

Комплекс проблем, связанных с стрессогенным влиянием существующей субкультуры вахты на физиологическое и психологическое состояние человека (Матюхин В.А., Разумов А.Н., Лебедев В.И., Дорожкин Ю.Н. и др.), требует формирования новой модели образа жизни вахтового поселка.

Состояние человека зависит от степени восполнения физиологических, экономических, социальных, психологических и эстетических потребностей. Первые три аспекта на вахте решаемы путем функционально-эргономической организации поселения (комфорт), технологическим оснащением и административно-управленческими методами. В большинстве случаев без внимания остаются психо-эмоциональная и эстетическая составляющие. Но именно эти аспекты являются определителем качества удовлетворения «средовых потребностей» (Жилина Ю.Н.). В этой связи представляет интерес процесс художественной коммуникации с т.з. Розина В.М.⁷⁸ Особенность

⁷⁸ В работе «Визуальная культура и восприятие» Розин В.М. обращает внимание на то, что «В отличие от обычной коммуникации (например, в контексте трудовой деятельности) художественная коммуникация решает специфические задачи: вводит в реальность, отличающуюся от обычной действительности, реальность, которая обеспечивает художественную рефлексивность, погружение в мир идеального. Все это делает неэффективным прямое изображение действительности, непосредственную опору на нее.» (Розин В.М).

диалогичных возможностей искусства выдвигает его на первое место, среди возможных средств взаимодействия с человеком. Генисаретский О.И. говоря о дизайне, отмечает, что «... проектировать – означает вмешиваться во взаимосвязь образа жизни и предметной среды, а потому влиять не только на значение средовых объектов, но и на ценностный смысл образжизненных событий и состояний, из которых складывается поток переживаний жизни как целого» (Процепт).

В этом ключе В. И. Пузанов в своей работе «Дизайнерская модель культуры»⁷⁹ обращает внимание на то, что именно дизайн, внедряясь в самые разные области деятельности, возрождает эстетическую традицию, играет при этом роль культурообразующего фактора в самых неожиданных для нас ситуациях.

Подход к дизайн-проектированию, в основе которого лежит идея превращения в художественную реальность всего пространства жизнедеятельности человека в условиях ВМТ получил рабочее название «Арт-практика». Процесс художественной коммуникации транслирует зрителю (вахтовику) эстетический, психо-эмоциональный ряд, который трудно передать другими средствами. Используя сценарный метод проектирования, дизайн играет координирующую роль в формировании «новой» субкультуры.

«Театрализация» всего пространства вахтового поселения направлена на взаимодействие с эмоционально-душевыми аспектами личности, поскольку корень проблемы межкультурного конфликта формируется в сознании. Находясь на вахте, человек вступает в диалог с предметно-пространственной средой, который в свою очередь обуславливает взаимоизменение – субкультура изменяет человека, а человек, в свою очередь, влияет на саму субкультуру. В этой связи одной из задач, которые можно решить, используя арт-практику, является «возвращение к прежнему себе» – возвращение в свое культурное пространство, что способствует достижению цели сохранения личностных качеств человека.

Процесс снятия стрессогенности вахты при жизнедеятельности в условиях полевого поселка обуславливает размещение следующих дифференцированных зон: административная, технологическая, зона жизнеобеспечения (физиология), адаптационная, зона релаксации, досугово-развлекательный комплекс, личное жилое пространство. Компонировочное и технологическое решение внутреннего пространства должно предусматривать возможность трансформации образного и психо-эмоционального состояния среды.

В процессе жизнедеятельности в вахтовом поселке люди перемещаются по тем или иным маршрутам, в зависимости от производственной или бытовой ситуации. В силу замкнутости пространства, «точек» приложения труда и жесткой технологической последовательности производственных процессов. Можно выстроить схему перемещения человека на протяжении суточного цикла по зонам полевого поселка. Дизайн-модель пространства вахтового поселения должна представлять гибкую систему «Точек внимания» на всех уровнях физического восприятия человека начиная от внешнего образа вахтового поселения – до дверной ручки и мельчайших деталей.

В связи с этим считаем целесообразным использование модели вахтового поселка как гостиницы, поскольку эта модель имеет следующие преимущества:

- позиционирование работника (вахтовика) как «Гостя»
- возможность реализации сценарных проектов (Арт-объектов) закладывается на стадии проектирования поселка

⁷⁹ Пузанов В.И. «Дизайнерская модель культуры»//ТЭ, 1989, №11, с.16-19

- вахтовый поселок – гостиница как отдельная сервисная структура – противопоставление жесткому «техногенному» образу жизни
- психо-эмоциональный, стереотипный образ гостиницы соответствует понятному образу жизни человека в культуре города
- использование услуг узкоспециализированных фирм по обеспечению сервиса, продуктами питания, обслуживающим персоналом и т.д. способствует повышению комфортности процессов жизнедеятельности на вахте

Арт-практика как метод предупреждения и снятия стрессогенных процессов предполагает проектирование (режиссура) психо-эмоциональных «всплесков» с учетом производственно-бытовых ситуаций и в тесной взаимосвязи с периодом вахтового и суточного циклов (индивидуальный подход). Это позволит коренным образом изменить атмосферу в вахтовых поселениях, а следственно и компенсировать стрессогенность существующей субкультуры вахты на человека.

Литература

Дорожкин Ю.Н. «Социальные проблемы экспедиционно-вахтовой системы деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса Севера»//Нефть и газ, 2003. – №5. – с.154-161.

Гольд Г.С. Анализ социального положения геологоразведчиков Ханты-Мансийского автономного округа //Министерство природных ресурсов РФ, РАН, ВИЭМС – М., 1999.

Жилина Ю.Н. Влияние потребностей человека на организацию архитектурной среды: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры//УралГАХА, Екатеринбург, 2003.

Лебедев В.И. «Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции: Учеб. пособие для вузов»//ЮНИТИ-ДАНА. – М., 2002.- 407 с.

Матюхин В.А., Разумов А.Н. «Экологическая физиология человека и восстановительная медицина»//Под ред. И.Н. Денисова. – М., ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. – 336 с.

Процент <http://procept.ru/publications/default.htm> (29.03.2007).

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир //Изд.2-е. Едиториал УРСС. М., 2004.

Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования //Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117 – 127. <http://www.countries.ru/library/typology/subkultura.htm> (11.10.2006).

Титов А.Л. Организация архитектурной среды и поведение человека Дис. канд. Архитектуры//Екатеринбург: УралГАХА, 2004.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры // <http://subculture.narod.ru/texts/symbolism/index.html> (15.05.2007).

Coordinating Role of Design in Forming a “New Subculture” in Shift-Labor as Life-sustaining Activity

On the example of the oil and gas complex of the West Siberian region of the Russian Federation

A.N. Zelinsky

Shift labor method of work is considered as a cyclical system which consists of four stages: Trip – Camp – Trip – Home. The continuous nature of the system results in cumulative stress. There are no mechanisms for compensation of the negative influence on a person in the system of the shift labor method.

Although there is increased dwelling comfort in the camps, it does not allow having adequate rest and recovering one’s psycho-physiological condition. Unorganized free time is the main factor of the personal degradation, and the main stressors are cultural, informational and social isolation.

An approach to “design-projection” which is based on the idea of transformation of the entire space of man’s habitation into artistic reality under the conditions of the shift labor method was given a working name “Art Practice“.

The dialogue stipulates for mutual changes. The habitat changes the man and the man, in his turn, influences upon the habitat and the subculture itself. The design has a coordinating role in forming a “new” subculture. Thereupon one of the tasks which is possible to be solved is “returning to the former one” – returning to the person’s own cultural habitat which promotes achieving a task of preserving personal characteristics of the man.

A design model of the interior space of the camp is to be presented by a flexible system of the “points of attention“ at all levels of the man’s physical perception beginning with the external look of the camp to the door handle and all the smallest details.

In this connection we think it is advisable to use a model of a camp as a hotel with its own service infrastructure in opposition to the currently strong “technogenic” way of life.

Нефтяники из семей оленеводов между нефтяным городом Когалым и оленеводческим стойбищем

С. Дудек

1. Тема диссертации

В данный момент я нахожусь на полевых исследованиях в связи с диссертацией по теме «Разнообразие жизненных стилей коренных жителей между нефтяным городом Когалым и оленеводческим стойбищем».

В последние десятилетия отношение между нефтяниками и коренными жителями оленеводческих стойбищ менялись в ходе политических (перестройка) и экономических (рынок) перемен. Кроме того, образование новых городов и соответствующей инфраструктуры, то есть дорог, нефтепроводов, линий электропередач и появление новых технологий влияли на изменение жизни коренного населения. Несмотря на чувствительные изменения, оленеводы Ханты и Ненцы продолжают жить на стойбищах, на родовых угодьях в регионе освоения нефтяных месторождений.

2. Нефтяной город и коренные жители

Когалым – это молодой город с населением 60 тысяч жителей, расположенный в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на железной дороге, соединяющей Тюмень с Новым Уренгоем. Нефтяные месторождения вокруг города принадлежат компании «Лукойл», которая является градообразующим предприятием.

В городе прописано 200 жителей коренной национальности. Жители лесных стойбищ прописаны по бывшим национальным поселкам из-за отсутствия возможности прописаться на оленеводческих стойбищах. Здесь колхозы, госпромхозы, рыбные заводы и подобные предприятия перестали быть работодателями жителей стойбищ, которые стали частниками.

3. Нефтяники из числа коренных малочисленных народов Севера

Только в последние десятилетия членов семей оленеводов, рыбаков и охотников стали принимать на работу в нефтяные компании. Еще в начале 90-х годов прошлого века коренных жителей почти не брали на работу на месторождения, якобы из-за пьянства и неспособности привыкнуть к рабочей дисциплине.

3.1. Какие условия влияли на изменение ситуации?

Со стороны правительства ХМАО:

- политика занятости не признаёт частных оленеводов как имеющих рабочее место и направлена на создание рабочих мест для коренных жителей в качестве наёмного труда
- благодаря государственным льготам на образование выросло число коренных жителей, получающих образование
- в типовые договоры между жителями ТТП и нефтяными компаниями включили финансирование образования

Нефтяные компании:

- заинтересованы в перемещении жителей со стойбища в города и поселки и в уменьшении ТТП пересекающих месторождения
- заинтересованы в улучшении отношений с жителями стойбищ, которые находятся на лицензионных участках
- стараются брать на работу детей из семей, на угодьях которых они начинают осваивать новые месторождения или строят новые объекты, и включают предоставление рабочих мест для детей оленеводов в экономические соглашения с семьями живущих на месторождении
- переняли функции «начальства» от советских предприятий, распорядившихся данным регионом, предоставляющих рабочие места и стабильный доход для коренных жителей (как форма патернализма)

Ханты и Ненцы:

- оленеводы требуют от нефтяных компаний принимать их (или их детей) на работу для того, чтобы увеличить денежные доходы в качестве компенсации за ущерб при отводе земли
- стремятся расширять возможности выживания путем диверсификации экономической базы семьи
- совмещают жизнь на стойбище с работой на месторождении, что стало возможно благодаря появлению частных автомобилей и дорог, ведущих прямо до стойбища
- нефтяники получают жилье в городе и могут помогать своим родственникам, живущим в лесу, предоставляя им место, где остановиться, когда они приезжают:
- запастись продуктами и реализовать свою продукцию на рынке
- с целью попасть на приём к представителям администрации нефтяных компаний и государственных органов
- поддерживать социальные связи, налаживать контакты
- посетить врачей в поликлиниках и больницах
- отдыхать и развлекаться, используя возможности города

3.2. Кем работают нефтяники коренной национальности?

- простыми рабочими, вахтовиками: например, операторами по добыче нефти и газа, работницами заправки, лаборантками
- на рабочих местах, где используются навыки и знания коренных жителей: например, обходчиками, пожарниками, начальниками по работе с коренным населением
- на фиктивных рабочих местах: оленеводами, которые получают зарплату, но не фактически работают. Это способ неформальной компенсации ущерба за работу нефтяных компаний на их территории

4. Условия труда

Режим работы, сознательное отношение к труду и структурирование рабочего времени наемного труда существенно отличаются от работы в лесу.

На месторождении:

- рабочее время структурировано по часам и в соответствии с указаниями начальников («без бумаг они не могут работать»)
- рабочие должны выполнять приказы, не понимая совокупности рабочего процесса

- родственные и дружественные связи формально не должны влиять на отношения начальства и подчиненных
- рабочие должны соблюдать рабочую дисциплину

В лесу:

- человек организует работу сам для себя, глядя не на часы, а на солнце и погоду
- человек может отменить свои планы спонтанно и работать по настроению
- человек должен слушаться только старших родственников и помогать родственникам и соседям
- человек видит сразу и непосредственно результат своей работы и может сам пользоваться им

Одним из самых ярких отличий работы на месторождении и в лесу является появление свободного времени у людей, работающих нефтяниками.

У нефтяника:

- день состоит из рабочего времени и свободного времени
- месяц состоит из вахты и свободной вахты

У оленевода:

Свободное время как таковое не существует. Он отличает обычную работу от праздников, религиозных ритуалов, поездок на охоту, поездок к соседям и родственникам, но все это связано с определенным образом жизни. Особенную роль играют поездки в город, во время которых могут случаться «загулы»: нарушения моральных границ, употребление алкоголя и возможно насилие.

Рабочая дисциплина у оленеводов.

Интернатское воспитание и военная служба играют большую роль в привыкании коренной молодежи к рабочей дисциплине. Но и начальство на месторождениях часто относится мягче к нарушениям рабочей дисциплины со стороны коренных работников. В интересах предприятия «закрывать глаза» на такие нарушения, поскольку они не хотят ухудшить отношения с семьями оленеводов, на чьих землях они работают. Кроме того, это также в личных интересах начальников, поскольку они часто получают продукты леса от своих работников и могут выезжать на охоту или рыбалку к ним на угодыя.

5. Чувство принадлежности

Чувство географической принадлежности зависит от системы речных бассейнов, но в настоящее время происходит переход к ориентации на инфраструктуру, соединяющую нефтяные месторождения и город.

До 80-х годов прошлого века система реки и притоков влияла на все области жизни, структуру поселения, экономику, родственные связи, политическую систему и религию.

Ханты и ненцы живут в двух системах координат:

Месторождение:

- дороги ведут на месторождения, где налаживаются неформальные отношения с рабочими
- дорога в поселок или город, где находится квартира, которая посещается когда нужно закупить и реализовать продукты, посетить родственников, школу, поликлинику или больницу, вести переговоры с нефтяниками
- дорога в районный центр к государственным учреждениям

Система рек:

- социальная организация, в том числе и родственные связи ориентированы по реке
- религиозная система
- летом река является важным транспортным путем

Indigenous Oil Workers between the Oil Town of Kogalym and Reindeer Herder's Camps in the Surrounding Area

S. Dudeck

1. Theme of my dissertation

I am conducting research on the plurality of indigenous lifestyles between the oil town of Kogalym and reindeer herder's camps in the surrounding area.

Oil companies have been extracting oil from deposits below Khanty reindeer pastures and hunting- and fishing grounds for decades. The relations between industry and the indigenous residents of the Taiga have changed significantly in the last thirty years due to rapid political (perestroika) and economic (market economy) changes. Moreover, the construction of new cities and infrastructure, such as roads, pipelines, railways and electrical lines as well as the introduction of new technologies has also contributed to these changes. As a result, indigenous livelihoods in the XMAO have diversified, yet reindeer herding, fishing and hunting remain the mainstay of survival for Taiga residents.

2. Developing oil deposits and reindeer herding around Kogalym

Kogalym is a city of approximately sixty thousand inhabitants and was founded in the eighties. The headquarters of the oil-company Lukoil are located in the city. The oil fields around the city also belong to Lukoil.

200 Khanty are registered in the city because registration at the Taiga camps is impossible. Most of them are living on "rodovye ugodiia" having a flat in the city. There are four former indigenous villages in the Region the reindeer herders belong to.

3. Indigenous oil-worker

In the last 10 years more and more of the Khanty and Nenets in this region have become oil workers. In the beginning of the nineties oil companies refused to hire indigenous. They were considered notorious alcoholics and incapable to cope with the working discipline needed on the oil fields.

3. 1. Preconditions for the rising number of indigenous oil-workers

State:

- policy of the regional government to consider private reindeer herders and fisherman as unemployed.
- there are more Khanty and Nenets with an appropriate education
- agreements between reindeer herders and oil companies include the financing of education for children

Oil industry:

- strategy of the oil companies to settle the Khanty and Nenets in the cities to make them abandon their land in the forest
- having better relations with reindeer herders whose children are working in the company
- oil companies prefer to hire children of reindeer herders, especially if they start work on new oil-fields; they are bound by contract to hire the children of the reindeer herders living in the area
- the taking over of the function of “начальство” (people at the top) from the soviet state enterprises by the oil companies ruling a specific area, securing employment and income for indigenous population in the region (a form of paternalism)

Khanty and Nenets:

- demand of the reindeer herders to oil companies working on their land to hire them or their children to secure additional income as part of compensation for the loss of land to extractive industry
- strategy of the reindeer herders to broaden the chances for their children
- the appearance of roads close to the forest camps and of private cars allows living in the forest and working on the oil field
- indigenous workers secure a basis in the city for their relatives living in the forest
- overnight stay for selling and buying products
- dealing with state and industry representatives and building informal relations with non-indigenous
- access to medical treatment and education for the children
- access to entertainment facilities

3.2. What are the indigenous oil workers doing?

- ordinary jobs as “вахтовики” (shift-worker): operator, machine man, worker at the crude oil fill-up station or laboratory assistant
- jobs the indigenous have special skills for: „обходчик “ (controller, patrolling along the pipelines), forest fire fighter, management worker responsible for the negotiations with the forest inhabitants
- pretended jobs: reindeer herders that are being paid without really working at the oil field or in the oil company drilling on their land; „вахтовики“ (shift worker) pretending to work but paying their supervisor with meat and fish in return for staying absent

4. Working conditions

The working regime, working ethics and the off time structure in wage labour jobs differs from the work in the forest

At the oil field:

- working time is structured by the clock and by order of the management (“without a paper they do not work”)
- workers have to follow orders without understanding the entirety of the working process
- workers officially have no social ties with colleagues and supervisors
- workers have to keep to the working discipline

In the forest:

- people have to organise working processes by themselves (following not the clock but the sun and the weather)
- people can change decisions spontaneously and follow their inner feelings
- people have to obey elders only and help relatives according to kinship structure
- people see an immediate result of their work and can benefit from it

One of the main differences between the work process on the oil field and in the forest is the occurrence of spare time for oil workers

Oil-worker:

The day is divided between work and leisure time, the month between shift time and free days

Reindeer herder:

Spare time does not exist. One distinguishes ordinary work and feasts, religious obligations, visits, journeys but all is connected with physical labour. A special role play visits to town. It is the place for transgression and dissipation, the breaking of moral rules, drinking alcohol and potential violence.

Boarding schools and the army play an important role in teaching and getting the young indigenous used to the working discipline of wage labour jobs.

The supervisors (начальники) on the oil fields show consideration towards the difficulties of young Khanty and Nenets because of the employment policy of the oil companies and the informal relations (fish and meat, hunting on indigenous land).

Nevertheless, especially young Khanty and Nenets experience difficulties with the different labour ethics and the opposing organisation of work on the oil field and at the forest settlement.

To cope with the opposite time structure and ethics, forest inhabitants working on the oilfields develop strategies of setting up boundaries between the two areas. They are switching between different communication spaces, using different languages and changing the value system.

But that doesn't mean life in the Taiga and in the city is completely divided. Everyday practices are travelling from the town to the forest and vice versa. For instant raw meat and fish are to be found in every

indigenous household in the city and complicated cakes are now prepared at the forest settlement with the help of electricity.

5. Feelings of belonging

Spatial orientation has switched from following the river system and the “national settlements” to being led by the infrastructure connecting oil cities and oil fields. Up to the eighties the geography of the river system as the main arteries influenced all areas of life, the structure of settlements, the economy, the kinship system, the political system and religion. The development of the extractive industry brought a completely new net of infrastructure to the region. The railway and the roads are linking the main cities and the oil fields.

Khanty and Nenets are now living in a double reference system:

The oil fields:

- road to the next settlement for selling and buying products, owning a flat, visiting relatives, school and medical care
- link to the centre of the rayon and the responsible state institutions
- negotiation with oil companies about compensation
- informal relations with oil workers and towns people

The river system:

- indigenous social organisation and kinship system is river system oriented
- in summer time rivers are ways of transport
- religious system is river system oriented

Уровень адаптации среди коренных поселковых и тундровых жителей Ямала

М.А. Романюк

Процесс интенсивного освоения Крайнего Севера приводит к нарушению традиционного бытового уклада коренных жителей, что связано как с вовлечением коренных жителей в промышленные трудовые взаимоотношения, так и с сокращением среды естественного обитания, в результате техногенного загрязнения и экологической агрессии. Происходит разделение коренных жителей на тундровый и поселковый типы.

Цель исследования

Изучение уровней адаптации среди коренного поселкового и тундрового взрослого трудоспособного населения в возрасте 20-59 лет. Изучалась распространенность ХНИЗ (хронические неинфекционные заболевания) и ФР (факторы риска) при различных уровнях адаптации.

Исследование проводилось по единому протоколу и включало в себя опрос по стандартной анкете для выявления ХНИЗ (СД – сахарный диабет, АГ – артериальная гипертензия, ИБС – ишемическая болезнь сердца) и ФР (курение, ожирение, низкая физическая активность, дислипидемия), измерение АД, антропометрические данные, регистрацию ЭКГ (электрокардиограмма) покоя. Проводился забор венозной крови для определения глюкозы и липидов крови. Для определения адаптационных резервов нами был рассчитан в баллах индекс функциональных изменений по А.П. Берсеновой (1991). Критерии нарушения липидного обмена использованы в соответствии с рекомендациями ВНОК (2004).

Результаты исследования

Было установлено, что распространенность различных уровней адаптации среди жителей тундры составила: УА (удовлетворительная адаптация) – 69,9%, НМА (напряжение механизмов адаптации) – 19,9%, НА (неудовлетворительная адаптация) – 10,2% и СА (срыв адаптации) среди тундровых жителей нами не выявлен; в поселковой коренной популяции: УА – 69,9%, НМА – 6,8%, НА – 8,1% и СА – 0,3%.

Распространенность УА в тундре и поселках превалировала среди женщин (71,2% против 68,6% у мужчин в тундре и 70,9% против 63,6% у мужчин в поселках), но статистически значимых различий не выявлено. Наибольшая распространенность УА в тундре и поселках отмечена среди молодых мужчин и женщин (88,9% и 96,6% – в тундре и 83,3% и 96,8% – в поселках). Встречаемость НМА в тундре и поселках превалировала в мужской популяции (20,7% против 18,8% среди женщин тундре и 9,0% против 6,5% среди женщин в поселках). Наибольшая распространенность НМА в тундре среди мужчин выявлена в возрастном диапазоне 30-39 лет – 39,1% и среди 50-летних женщин – 33,3% и меньше всего среди молодых мужчин и женщин (7,4% и 3,4%). В коренной поселковой популяции наибольшая встречаемость НМА среди мужчин выявлена старше 50 лет – 23,1% и среди женщин в пятом возрастном десятилетии – 12,8%.

Распространенность НА в тундре лидировала среди мужчин (10,6% против 9,9% у женщин), в поселках – среди женщин (8,5% против 7,2% у мужчин). Наибольшая распространенность НА в тундре отмечена среди 50-летних мужчин и женщин – 31,3% и 33,3% и в поселках среди 50-летних женщин – 35,0% и мужчин в возрастном диапазоне 40-49 лет – 9,7%. Меньше всего лиц с НА мужского пола в тундре выявлено среди молодых – 3,7% и среди поселковых мужчин в возрастном диапазоне 30-39 лет – 5,3%. Срыв адаптации выявлен только в возрасте старше 50 лет, как в женской, так и в мужской поселковой популяции, – 7,7% и 1,7% соответственно.

При НМА в тундре из основных ХНИЗ превалировала распространенность ИБС (2,5% против 1,0% среди коренных поселковых жителей) и СД (2,5% против 0,2% среди коренных поселковых жителей), тогда как среди коренных поселковых жителей незначительно преобладала распространенность АГ (2,0% против 1,7% среди жителей тундры). Среди ФР при НМА в тундре превалировала распространенность ДЛП (9,0% против 3,4% среди коренных поселковых жителей, $p < 0,05$) и курения (8,0% против 1,6% среди коренных жителей поселков, $p < 0,01$); в поселковой коренной популяции при НМА преобладала распространенность ожирения (5,7% против 3,4% среди жителей тундры) и НФА (4,0% против 1,0% среди жителей тундры, $p < 0,05$).

При НА в тундре превалировала распространенность АГ (6,6% против 5,5% среди коренных жителей поселков) и ИБС (2,2% против 1,8% у коренных поселковых жителей). Среди изучаемых нами ФР при НА в тундровой популяции превалировала распространенность курения (2,3% против 1,6% среди коренных поселковых жителей) и среди коренных поселковых жителей преобладала распространенность ДЛП (5,6% против 3,8% среди жителей тундры), ожирения (5,7% против 3,3% среди жителей тундры), НФА (4,0% против 1,6% среди тундровых жителей).

В коренной поселковой популяции срыв адаптации составил 0,3% и включал сочетанную патологию: СД+ИБС+АГ и сочетание ДЛП+ИМТ+НФА, но статистически значимых различий нами не выявлено.

Выводы: По данным исследования уровень УА был одинаковым среди коренных жителей тундры и поселков, тогда как среди жителей тундры превалировала распространенность НМА и НА. Распространенность СА характерна для коренных жителей поселков. Увеличение распространенности ДЛП среди тундровых жителей свидетельствует об изменении традиционного характера питания, что может привести к росту числа заболеваний, связанных с нарушением липидного обмена. При переходе к поселковому образу жизни резко увеличивается распространенность гиподинамии и ожирения, что, вероятно, связано с отсутствием постоянной занятости в поселках и, как следствие изменившегося характера питания, – ДЛП. Профилактика этих факторов риска может оказать существенное влияние на эпидемиологическую ситуацию в отношении хронических неинфекционных заболеваний в ближайшие десятилетия.

Adaptive Level in Native and Tundra Residents of Yamal

M.A. Romanyuk

Intensive exploration of the Far North impacts upon the traditional lifestyle of native people by means of ecological changes, technogenic pollution, and the involvement of natives in industrial relations.

The aim

To study the adaptive level of adult employable residents aged 20-59 in native villages and in tundra. The prevalence of chronic non-infectious diseases (CNID) and their risk factors (RF) was studied at different adaptive levels. By means of a questionnaire such RF as smoking, obesity, low physical activity, dislipidemia and such CNID as diabetes mellitus (DM), arterial hypertension (AH), and coronary heart disease (CHD) were examined. ECG and blood pressure level were also registered. For determination of adaptive reserves, the index of functional changes was calculated.

Results

Among tundra natives, satisfactory adaptation (SA) comprised 69.9%, adaptive mechanisms tension (AMT) – 19.9%, and unsatisfactory adaptation (UA) – 10.2%. Adaptive breakdown (AB) was not

revealed among tundra residents. In the village population the same criteria were measured as SA – 69.9%, AMT – 6.8%, UA – 8.1%, and AB – 0.3%.

The greatest number of people with SA was defined both in tundra and villages among young men and women (88.9% and 96.6% in tundra and 83.3% and 96.8% in villages). AMT prevailed in men, in tundra at the age of 30-39 (39.1%) and in villages at the age over 50 (23.1%). In tundra and villages women's AMT was mostly revealed at the age of 50 (33.3% and 12.8% respectively). UA in tundra prevailed in men (10.6% vs. 9.9% in women), and in villages it prevailed in women (8.5% vs. 7.2% in men). The lowest number of persons with UA was stated among young tundra men (3.7%) and in village men aged 30-39 (5.3%). AB was registered only in village residents (both men and women) at the age over 50 (1.7% and 7.7% respectively).

In AMT tundra persons' CHD (2.5% vs. 1.0% in villages) and DM (2.5% vs. 0.2% in villages) prevailed. In turn, in AMT village residents' AH (2.0% vs. 1.7% in tundra) prevailed. In AMT tundra persons such RF as dislipidemia (9.0% vs. 3.4% in villages, $p<0.05$) and smoking (8.0% vs. 1.6% in villages $p<0.01$) prevailed. In AMT village residents' obesity (5.7% vs. 3.4% in tundra) and low physical activity (4.0% vs. 1.0% in tundra, $p<0.05$) prevailed.

In UA tundra persons' AH (6.6% vs. 5.5% in villages) and CHD (2.2% vs. 1.8% in villages) and such risk factors as smoking (2.3% vs. 1.6% in villages) prevailed. In UA village residents' dislipidemia (5.6% vs. 3.8% in tundra), obesity (5.7% vs. 3.3% in tundra) and low physical activity (4.0% vs. 1.6% in tundra) prevailed.

Adaptive breakdown was registered in 0.3% of native village residents and included combined pathology: DM + CHD + AH and dislipidemia + obesity + low physical activity.

Conclusion. SA was at the same level both in tundra and village natives. AMT and UA prevailed in tundra residents. AB was defined only in village populations.

Increase in the prevalence of dislipidemia among tundra residents is evidence of the changes in traditional nutrition, which could lead to an increase in morbidity. Upon moving to villages, low physical activity and obesity dramatically increase. Prevention of the aforementioned risk factors can significantly influence the population's prevalence to chronic non-infectious diseases in the next decades.

Адаптация органов дыхания к условиям Крайнего Севера

А.А. Лобанов, С.В. Андронов, Р.А. Кочкин, Е.В. Кабанова

В условиях Крайнего Севера органы дыхания несут колоссальную нагрузку, увлажняя и согревая вдыхаемый воздух. Но этим не ограничивается их физиологическая роль. Легкие являются одним из органов, где наиболее интенсивно идут процессы перекисного окисления. Увеличение оксидантной активности является универсальным механизмом повреждения клеточных мембран и формирования целого спектра заболеваний органов дыхания и кровообращения. Следовательно, разработка методов неинвазивной диагностики активности перекисного окисления липидов в легких позволила бы оценить адаптивные процессы и диагностировать ряд патологий на доклиническом уровне. Наиболее удобен для этих целей конденсат выдыхаемого воздуха (КВВ), так как данный субстрат образуется непосредственно в легких.

Цель исследования

Разработать и апробировать метод изучения оксидантной активности конденсата выдыхаемого воздуха, пригодный для массового применения в условиях Крайнего Севера.

Материал и методы

Проведено исследование оксидантного статуса легких у 1020 жителей Ямала. У всех обследованных с помощью портативных конденсоров было собрано 2 мл конденсата выдыхаемого воздуха. В полученных пробах на аппарате «Биохемилюменометр-07» определены показатели, характеризующие оксидантную активность I max (максимальная индуцированная люминесценция), S (светосумма) и антиоксидантные резервы tg2a. Для оценки равновесия между показателями оксидантной и антиоксидантной активности вычислен индекс (S/tg2a). Показатели перекисного окисления, полученные в различных поселках, сравнивались между собой с помощью метода Манна-Уитни, который был выбран на основании теста Шапиро-Уилка.

Полученные результаты

В ходе проведенных исследований выявлено, что возрастание оксидантной активности в северном направлении совпадало с широтными климатическими поясами. Возрастание оксидантной активности с запада на восток совпадало со снижением температуры и влажности воздуха в зимний период в восточном направлении.

Так в городе Надым, расположенном южнее и западнее других населенных пунктов (65°с.ш. 72°в.д.), получены наименьшие значения (S/tg2a) – 2,0. В расположенных севернее поселках Яр-Сале-2,8 (67°с.ш. 72°в.д.) и Се-Яха – 2,8 (70°с.ш. 72°в.д.) наблюдалось смещение равновесия в сторону оксидантной активности. В восточном направлении так же наблюдалось возрастание оксидантной активности п. Красноселькуп – 3,3 (65°с.ш. 84°в.д.).

Наиболее значительное смещение оксидантного равновесия в сторону прооксидантов наблюдалось в п. Самбург, расположенном на северо-востоке от Надыма -4,2 (67°с.ш. 78°в.д.). Различия по показателю (S/tg2a) достигало уровня статистической значимости между Надымом и поселками, расположенными севернее (p<0,04) и восточнее (p<0,007). Кроме того, при продвижении на север и восток оксидантное равновесие достигалось при значительно большем напряжении антиоксидантной системы.

Заключение

Изменение оксидантной активности конденсата выдыхаемого воздуха соответствует климатическим условиям проживания, что может быть использовано для районирования территорий Крайнего Севера в зависимости от величины адаптационной нагрузки на органы дыхания.

Adaptation of the Respiratory System to the Conditions in the Far North

A.A. Lobanov, S.V. Andronov, R.A. Kochkin, E.V. Kabanova

The respiratory system, which makes inspired air humid and warm, undergoes great stress in the conditions of the Far North. Besides peroxidative processes being most intensive in the lungs, the increase in antioxidant activity is the universal mechanism of damage to cell membranes that leads to the arising of many respiratory diseases. The aim of the study was to develop and test the method of research of oxidative activity in expired condensed air.

Material and methods

The examination of lung oxidative status was carried out in 1,020 Yamal inhabitants. Expired air was condensed at a volume of 2 ml. The indices, defining oxidative activity (maximal induced luminescence (I max), lighting-sum (S) and antioxidative reserves (tg2a)) were defined. The data were statistically processed.

Results

It is shown that oxidative activity increased in the northern direction and coincided with latitudes and climatic zones. Increase of oxidative activity from west to east coincided with temperature and humidity decline. Thus, in the city of Nadym, which is situated in the southeastern point of the range of our research, the least indices were defined. Moving to the north (Yar-Sale village) and to the east (Krasnoselkup village) we revealed increasing oxidative activity. The most prominent shift to prooxidants – (S/tg2a – 4.2) was stated in Samburg village, which is situated to the northeast from Nadym. The difference in the studied indices was statistically significant when we compared Nadym city and more northern ($p < 0.04$) and more eastern ($p < 0.007$) villages.

Conclusion

Change in oxidative activity in condensed expired air coincide with climatic conditions; this fact can be used for regional dividing of the northern territories taking into account the adaptive stress of respiratory system.

Качество жизни в зависимости от удовлетворенности своей рабочей деятельностью на примере поселка Сеяха

Д.В. Долгов, С.И. Мамедова, А.И. Попов, В.А. Лобова

Возможность получить точную информацию о показателях качества жизни индивидуума, группы людей, популяции позволяет дать достоверную оценку качества жизни общества в его различных срезам в динамике. Это определяет эффективность многочисленных реформ и программ, направленных на повышение уровня благополучия и улучшение качества жизни населения, в том числе реализуемых в нашей стране в настоящее время приоритетных национальных проектов.

Цель исследования

Определить, на какие параметры качества жизни оказывает влияние удовлетворенность работой.

Материалы и методы

Всего было опрошено 157 респондентов, работающих и проживающих на территории поселка Сеяха. По гендерному признаку опрошено 53 мужчины и 104 женщины. По национальному признаку опрошено 60 коренных и 97 пришлых жителей поселка. Средний возраст респондентов составил 37,8 лет. В работе использовали русскоязычную версию вопросника качества жизни – SF-36 (John E. Ware, Sherbourne C.D., 1992). Методика SF-36 является общей, оценивающей качество жизни, независимо от патологии.

Данный метод рассматривает 8 шкал, оценивающих качество жизни респондента: «физическая активность» (ФА), «ролевое физическое функционирование» (РФ), «боль» (Б), «общее здоровье» (ОЗ), «жизненная сила» (ЖС), «социальная активность» (СА), «ролевое эмоциональное функционирование» (РЭ), «психическое здоровье» (ПЗ). Респондентов опрашивали однократно.

Так же в работе был использован метод оценки удовлетворенностью работой (Кузьмин А.А., 2005), который позволяет изучить удовлетворенность работника микроклиматическими условиями труда, содержанием деятельности, взаимоотношениями с руководителями, коллегами и другими факторами.

Статистическая обработка проводилась при помощи программы «Statistica 6.0.». Для обработки и проверки статистических данных среди выборок с нормальным распределением был использован t-критерий Стьюдента с поправкой Бонферрони. Принимаемый уровень значимости при использовании t-критерия Стьюдента-0,05, с учетом поправки Бонферрони при трех попарных сравнениях, $\alpha=0,05/3$; $\alpha=0,017$. Для расчета качественных признаков использовался критерий χ^2 (для таблиц сопряженности со структурой 2*2-с поправкой Йейтса). При множественных попарных сравнениях качественных данных делалась поправка на Бонферрони. Полученный уровень значимости при использовании χ^2 -0,005, с учетом поправки Бонферрони при трех попарных сравнениях, $\alpha=0,005*3$; $\alpha=0,015$.

Результаты

По результатам исследования удалось выявить 63 респондента довольных своей работой, 76 не вполне удовлетворенных и 18 неудовлетворенных своей профессиональной деятельностью.

У респондентов удовлетворенных своей работой показатель физической активности превышал показатель физической активности респондентов неудовлетворенных своей

профессиональной деятельностью – $82,1 \pm 16,7$ против $70,3 \pm 14,7$ ($p < 0,017$). Респонденты удовлетворенные своей работой оценивали свое здоровье выше, чем их коллеги неудовлетворенные работой – $58,01 \pm 17,6$ против $45,3 \pm 14,2$ ($p < 0,017$). Помимо этого респонденты не вполне удовлетворенные своей работой так же оценивали свое здоровье выше, чем те, кто вовсе был недоволен своей работой $55,9 \pm 17,1$ и $45,3 \pm 14,2$ соответственно ($p < 0,017$).

Показатель жизненной силы (ЖС), у респондентов удовлетворенных своей работой ($58,7 \pm 15$) оказался выше, чем у респондентов не вполне удовлетворенных своей работой ($51,8 \pm 15,6$, $p < 0,017$) и неудовлетворенных своей профессиональной деятельностью ($43,3 \pm 20,1$, $p < 0,017$). Показатель психического здоровья у респондентов удовлетворенных работой $62,8 \pm 13,9$ выше, чем у лиц не вполне удовлетворенных ($55,6 \pm 13,6$, $p < 0,017$) и неудовлетворенных ($48,2 \pm 16,3$, $p < 0,017$).

Основной причиной недовольства для большинства неудовлетворенных своей работой стала недостаточная заработная плата за их труд. Причем наибольшее число недовольных своей заработной платой наблюдалось среди работников умственного труда – 68,57%; среди работников, совмещающих умственный и физический труд в своей работе, неудовлетворенные своей зарплатой составили 42,85%. В то же время лишь каждый 4-ый работник с физическим типом труда испытывал потребность в более высокой оплате своего труда ($\chi^2 = 10,48$; $v = 2$; $p < 0,01$).

Стоит заметить, что различия между группами работников умственного и физического труда являются статистически значимыми ($\chi^2 = 9,74$; $v = 1$; $p < 0,015$).

Таким образом, удовлетворенность работой оказывала влияние на такие параметры качества жизни как: физическая активность, общее здоровье, жизненная сила и психическое здоровье. Основной причиной вызывающей неудовлетворенность работой является недостаточная заработная плата. Работники умственного труда более недовольны оплатой своего труда, нежели работники физического труда.

Life Quality Dependence on Occupational Satisfaction: The example of Se-Yakha village

D.V. Dolgov, S.I. Mamedova, A.I. Popov

Information about life quality of an individual, a group of people and the population on whole, allows for the assessment of life quality in a society in a cross-sectional and dynamic way. By such assessment one can define the efficiency of many national programmes aimed to improve life quality in the population.

The aim

To define the parameters of life quality which depend on occupational satisfaction.

Material and methods

157 residents (53 men and 104 women, mean age 37.8 yrs.) of Se-Yakha village took part in the study. Among them, 60 native and 97 non-native people were tested. The work was based on the SF-36 questionnaire (John E. Ware, Sherbourne C.D., 1992), aimed to assess life quality independently of the presence of any diseases. Eight scales were used: 1) physical activity (PhA) 2) role of physical functioning 3) pain 4) general health 5) life vigour 6) social activity 7) role of emotional functioning, and 8) psychic health. The method of assessment of occupational satisfaction, which allows us to reveal the satisfaction of a person by interrelations in collective, microclimatic conditions of labour and other factors, was also used. All the data were statistically processed.

Results

The study showed that there were 3 groups of respondents: 1) 63 persons – satisfied with their work, 2) 76 persons – not quite satisfied 3) 18 persons – unsatisfied with their work. In the first group indices of physical activity and health were higher than in the third (82.1 ± 16.7 vs. 70.3 ± 14.7 , $p < 0.017$ – PhA; 58.01 ± 17.6 vs. 45.3 ± 14.2 , $p < 0.017$ – health). Respondents who were not quite satisfied with their labour also appraised their health better in comparison to people unsatisfied with their work (55.9 ± 17.1 vs. 45.3 ± 14.2 , $p < 0.017$).

Life vigour was higher in the first group than in the second (58.7 ± 15 vs. 51.8 ± 15.6 , $p < 0.017$) and third (58.7 ± 15 vs. 43.3 ± 20.1 , $p < 0.017$). The index of psychic health in persons satisfied with their work was higher than in unsatisfied respondents (55.6 ± 13.6 vs. 48.2 ± 16.3 , $p < 0.017$).

The main cause of discontent was insufficient salary, especially among those working in intellectual jobs (68.57%), among respondents who combined intellectual and physical work the percent was lower (42.85%). And only every fourth worker engaged in physical labour was unsatisfied with their salary. The differences were statistically significant ($\chi^2 = 9.74$, $v = 1$, $p < 0.015$).

Thus, occupational satisfaction influenced such parameters of life quality as physical activity, general health, life vigour and psychic health. The main cause of dissatisfaction by labour was insufficient salary. Intellectual workers were more unsatisfied with their salary than physical workers.

II

Дети, молодежь и социализация человека в северном промышленном городе: Новый Уренгой – Children, Youth and Socialisation in a Northern Industrial City: Novy Urengoy

Повышение качества жизни населения – основная стратегическая задача органов местного самоуправления

И.И. Костогриз⁸⁰

Новый Уренгой – город, который может служить площадкой для отработки государственной политики в отношении моногородов Крайнего Севера. Многие из них создавались исключительно для нужд производства – обустройства и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, которыми так богат приполярный Урал, районы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. Новый Уренгой возник после того, как было принято решение о разработке гигантского по своим масштабам Уренгойского месторождения. В 1973 году здесь, в зоне абсолютно экстремальной по своим климатическим условиям, началось строительство не только первых производственных объектов – газовых промыслов, но и города. Жилье и социальная инфраструктура в восьмидесятые годы прошлого столетия создавались исключительно в рамках потребностей предприятий, занятых в производстве и транспортировке углеводородного сырья. Можно ли было в тот период использовать исключительно вахтово-экспедиционный метод в обустройстве и эксплуатации месторождения, как в дальнейшем это было обеспечено при строительстве вахтового поселка – Ямбург?

Теоретически – да. Но на практике строительство стационарного поселения было необходимо, так как для освоения богатейших природных ресурсов не только приполярного Севера, но и Заполярья нужны были базовые поселения с хорошо развитой транспортной и социальной инфраструктурой, которые впоследствии служили бы отправными точками дальнейшей промышленной экспансии на Север.

Новый Уренгой сегодня является именно таким базовым поселением. Здесь создана надежная научно-техническая база, на Уренгойском месторождении отработывались технологии бурения, производства и транспортировки природного газа и жидких углеводородов в условиях Крайнего Севера.

Речной порт, железная и автомобильная дороги, воздушный транспорт – полностью обеспечивают доставку необходимых для производства грузов и людей.

В этом отношении Новый Уренгой ничем не отличается от городов других регионов России, так как имеет круглогодичную связь с «большой землей», и не нуждается в так называемом «северном завозе».

Сфера влияния Нового Уренгоя распространяется на территорию в радиусе трёхсот километров. Это очень важно, так как имеется возможность предоставлять социальные услуги населению Красноселькупского, Тазовского, Пуровского районов, где сосредоточены и национальные поселения коренных народов Севера.

Основная задача органов местного самоуправления – создание условий для качественной жизни горожан. Задача непростая, поскольку все ресурсы, которые затрачиваются на создание благоприятной социальной среды, к примеру, в средней полосе России, у нас нужно увеличить, учитывая природно-климатические условия, как минимум в три раза.

⁸⁰ Глава муниципального образования город Новый Уренгой

К примеру, отопительный сезон в городе продолжается в среднем девять месяцев, с августа по май. И стоимость жилищно-коммунальных услуг соответственно в три с половиной раза превышает стоимость ЖКУ в других регионах России.

Между тем, надежность бесперебойного функционирования систем тепло-, водо-, энергоснабжения без преувеличения является жизненно важным условием безопасности проживания горожан. Именно поэтому практически все системы жизнеобеспечения имеют резервные мощности.

Другой не менее важной характеристикой качества жизни населения является наличие комфортного жилья. В период освоения Уренгойского месторождения ударными темпами строилось временное жилье. Вначале это были «бочки» и «вагончики», приспособленные для проживания, затем стали возводить деревянные, так называемые, «бамовские» дома. Срок эксплуатации этих сооружений составлял пятнадцать лет. Сегодня многим из них уже более тридцати, и таких домов у нас свыше трёхсот, в них до сих пор проживают люди, несмотря на то, что ресурс этого вида жилья еще лет десять назад был фактически исчерпан.

В конце восьмидесятых годов прошлого века Новый Уренгой переживал настоящий строительный «бум». В год вводилось до двухсот тысяч квадратных метров жилья, но его социальные и строительные стандарты закладывались по самому минимуму. Хотя для того периода – это было большое благо: не смущали ни маленькие кухни, ни совмещенные комнаты. Проекты застройки микрорайонов не предусматривали наличия паркингов, автостоянок. Не предусмотрена была и ливневая канализация. Таким образом, уже в то время создавались основы тех проблем, которые приходится решать сегодня. Конец девяностых годов двадцатого века, как и по всей стране, ознаменовался спадом капитального строительства.

Оживление жилищного строительства начинается в 2002 году.

Специалистами администрации в сотрудничестве с Институтом территориального развития «Град» города Омска разрабатывается новый Генеральный план города, вся необходимая градостроительная документация.

Созданы «Фонд развития муниципального образования город Новый Уренгой» и Фонд «Развитие ипотечного жилья». В период с 2003 по 2008 год наблюдается рост инвестиций в жилищное строительство, помимо средств окружного и местного бюджетов, это средства предприятий и самих граждан. К примеру, только в 2008 году всеми кредитными учреждениями было выдано 963 жилищных ипотечных кредита на сумму более 2 миллиардов рублей.

Принятые меры позволили за последние шесть лет ввести в эксплуатацию более трёхсот тысяч квадратных метров жилья.

Начиная с 2000 года, отмечается рост населения города. Сегодня в Новом Уренгое проживает 118,6 тысяч человек, для сравнения – в 2000 году – 98,6 тысяч человек. В городе с монопрофильным производством постепенно возникает диспропорция между потребностями в трудовых ресурсах предприятий города и количеством трудоспособного населения, многочисленная часть которого по своему профессиональному составу не отвечает запросам газодобывающих предприятий и организаций социальной сферы.

С такой проблемой сталкиваются многие монопрофильные города. Так, в девяностые годы прошлого века даже рассматривался вопрос о закрытии города и переходе в полном объеме на вахтово-экспедиционный метод работы. К счастью, в решении этого вопроса возобладал государственный подход, в чем немалая заслуга Губернатора ЯНАО Юрия Васильевича Неелова.

Для решения этой проблемы администрация города в Концепции социально-экономического развития города на среднесрочную и долгосрочную перспективы определила одной из основных задач – задачу диверсификации экономики. В условиях Нового Уренгоя – это развитие перерабатывающей промышленности, энергетики, сферы логистических и девелоперских услуг, внедрение современных технологий и инновационных методов в городское хозяйство и управление муниципальным образованием.

Одновременно особое внимание органами местного самоуправления стало уделяться развитию малого и среднего предпринимательства как основы диверсификации экономики и, как следствие, увеличения емкости рынка труда. О благоприятных тенденциях развития данной сферы свидетельствует ежегодный рост показателей деятельности предприятий малого и среднего бизнеса.

За 2008 год объем производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) составил 24 млрд. рублей, что в общем объеме произведенной промышленной продукции, работ и услуг составило 11,4%.

Необходимо отметить, что малый и средний бизнес Нового Уренгоя в основном представлен в сфере строительства, торговли, предоставления услуг населению, и мало восприимчив к применению инновационных подходов, что сегодня, несомненно, является необходимым условием для дальнейшего эффективного развития бизнеса в любых отраслях.

Как механизм расширения инновационного уклада, создания малых, высокотехнологичных производств в 2008 году при поддержке администрации Ямало-Ненецкого автономного округа был создан Региональный технологический парк.

Задача технопарка состоит в том, чтобы аккумулировать достижения науки, техники, современного менеджмента, в которых сегодня нуждается город и без которых диверсификация экономики так и останется благим пожеланием, а город будет развиваться по экстенсивному сценарию, что в условиях монопроизводства – абсолютно тупиковый путь.

Между тем, для создания инновационного уклада Новый Уренгой имеет необходимые условия: газодобывающие предприятия ООО «Газпром добыча Уренгой», «Газпром добыча Ямбург», филиал «Уренгой бурение», другие предприятия газодобывающего комплекса, которые являются высокотехнологичными производствами, обладают большим научным и высококвалифицированным кадровым потенциалом, имеют специализированные внедренческие подразделения (научно-технические центры), осуществляющие поиск, экспертизу инновационных разработок и их применение в производстве.

Серьезной научной базой являются филиалы Тюменского государственного университета, Ямальского нефтегазового института (филиал Тюменского Государственного нефтегазового университета). Кроме того, в Новом Уренгое осуществляют образовательную деятельность еще пять филиалов ВУЗов страны.

Не менее важным является и наличие учебных заведений начального и среднего профессионального образования: профессионального училища № 31, Новоуренгойского техникума газовой промышленности, педагогического колледжа, филиала Салехардского медицинского училища. Нельзя не отметить и высокий уровень общеобразовательных учреждений Нового Уренгоя.

Таким образом, единый образовательный комплекс, высокотехнологичное производство, на базе которого уже как неизбежность и требование сегодняшнего дня будут создаваться предприятия перерабатывающей промышленности, рост среднего и малого предпринимательства, априори нуждающегося в условиях конкуренции в новых технологиях и товарах, емкий потребительский

рынок – являются той основой, на которой будет происходить формирование инновационного уклада Нового Уренгоя.

Абсолютно логично, что преобразования в экономике осуществляются не ради самих преобразований, их главным результатом должно стать дальнейшее повышение качества жизни населения. Для органов местного самоуправления это является основой всей деятельности: комфортное жилье, безотказная работа систем жизнеобеспечения, социальная защита населения, охрана семьи и материнства, высокое качество услуг здравоохранения, образования, молодежной политики, физической культуры и спорта, культуры и искусства, досуга, создание безопасной среды проживания, – ежегодно эти статьи расходов составляют свыше восьмидесяти процентов от общего объема бюджетных расходов.

Как результат – устойчивый рост показателей по основным направлениям социально-экономического развития, непосредственно влияющих на качество жизни населения.

Так, на протяжении ряда лет сохраняется положительная демографическая динамика. Коэффициент рождаемости, то есть количество новорожденных на тысячу населения, в 2008 году составил 13,01, в тоже время коэффициент смертности – 3,8.

Растет количество трудоспособного населения муниципального образования город Новый Уренгой: в 2008 году оно составило 74,2%, или 118% к уровню 2007 года.

Ежегодно отмечается рост благосостояния граждан. Так, сегодня средняя заработная плата по городу составляет около 50 тысяч рублей. Конечно, существует существенный разрыв между доходами работающих на предприятиях газовой промышленности и доходами работников бюджетной сферы. Но думаю, с введением новой системы оплаты труда, доходы бюджетников существенно возрастут.

У населения, и, прежде всего, молодежи постепенно формируется стремление к здоровому образу жизни. Способствует этому и политика администрации города, которая создает условия для расширения сферы массовой физической культуры и спорта.

Так, в среднем свыше 50 тысяч новоуренгойцев занимаются физической культурой, посещают спортивные секции, участвуют в спартакиадах города, из них более 18 тысяч – это дети и подростки. Возможности для физического развития горожан станут еще выше после введения в эксплуатацию двух спортивно-оздоровительных комплексов, строительство которых осуществляется за счет средств ОАО «Газпром».

Успешно стали внедряться новые технологии в здравоохранении. Врачами Центральной городской больницы используются самые современные методики в лечении болезней, связанных с проживанием людей в экстремальных условиях Крайнего Севера. Для этого ежегодно приобретает новое оборудование для диагностики, хирургического лечения, применяются медицинские препараты последних поколений, в частности, для лечения онкологических заболеваний. Задача – с помощью новых технологий создать принципиально новые условия для обеспечения поступательного роста качества медицинских услуг населению.

Важнейшим фактором повышения качества жизни является стремление граждан к получению хорошего образования. В современных условиях образовательная система требует постоянного совершенствования. Именно поэтому на нужды образования последние три года направляется порядка двух миллиардов рублей, что позволяет осуществлять переоснащение материально-технической базы образовательных учреждений, развивать информационные технологии.

И, конечно, для горожан немаловажным является безопасность среды проживания, экология города. По данным Роспотребнадзора состояние атмосферного воздуха в городской черте, почвы, водоемов соответствует нормам СанПиНа, а качество питьевой воды является одним из лучших в России. Но, есть понимание того, что, к примеру, ежегодное увеличение автотранспорта может ухудшить состояние окружающей среды. Поэтому в планах администрации – строительство еще одной объездной дороги, а в черте города – паркингов и автостоянок. В настоящее время уже усилен экологический контроль за состоянием водоемов, формируется «зеленая» зона внутри города, проводится кампания по воспитанию у горожан и гостей Нового Уренгоя бережного отношения к окружающей среде.

В концепции благоустройства города, в частности, зафиксировано, что «при формировании архитектурного пространства города необходимы новые подходы, основанные на значительном расширении географии благоустроительных работ, что позволит обрести городу «свое лицо», сделает его неповторимым и узнаваемым».

Подводя итог вышесказанному, подчеркну, что это далеко не полный перечень мер, которые уже принимаются или будут осуществляться в будущем органами местного самоуправления Нового Уренгоя для того, чтобы абсолютное большинство горожан проживали в комфортных, безопасных во всех отношениях условиях. Реализация каждого направления детально проработана специалистами и отражена в Комплексной программе социально-экономического развития, которая ежегодно уточняется с учетом меняющейся ситуации.

Improving the population's quality of life as a strategic aim of the local government in Novy Urengoy

I.I. Kostogriz⁸¹

Here in Novy Urengoy we can see the experimental policy of the state concerning the construction of cities in the Far North, where only one branch of industry is developed (i.e. mono-industrial cities). In 1973, in the extreme conditions of the polar North, construction work began on the industrial development of the gas fields as well as the city itself. The building of such a settlement was necessary, as a site with well-developed transport and infrastructure was required in order to fully exploit the rich natural resources, not only in the North, but also across the Arctic Circle.

A permanent settlement was proposed as a starting-point to allow future industrial expansion further north. Housing and social infrastructure in the 1980s were created only within the framework of the needs of the industries which dealt with hydrocarbon resources extraction and transportation. This begs the question: would it have been more practical to utilize only long-distance commute work (vakhtovyy metod) for the development and exploitation of the gas fields, as was the case a few years later in Yamburg – an exclusively commuter-settlement?

Theoretically, the answer is yes. But in practical terms, there was also the need to build permanent settlement as a base town for the future development of the territories rich in natural resources. These base towns serve as a departure point for the industrial expansion further north. Novy Urengoy has become a base for the Yamburg and Zapolyarnoye gas-field facilities, their construction and supply.

Furthermore, Novy Urengoy's sphere of influence has spread to encompass a territory with a radius of 300 kilometres. This is of particular importance since this allows us, the administration, to provide public

⁸¹ I.I. Kostogriz is the town mayor of Novy Urengoy

services to the population of neighbouring regions where many settlements of the indigenous population of Yamal are located.

In 2008 the population of Novy Urengoy was 118.6 thousand people, compared to 98.6 thousand in 2000. In mono-industrial towns we can see a gradual change in the demographic where now the majority of the population does not meet either the requirements of the gas-extraction industries or the public sector, and are therefore not employable. In the 1990s the question of the closing the town and switching fully to the long-distance commute working system was under consideration. However, thanks to the considerable efforts of Jurij Vasil'evich Neelov, the governor of YNAO, this did not come about.

Economy

The main focus of development today is on the diversification of the economy in the areas of the manufacturing industry, power engineering, logistic and development services, as well as the application of modern technologies and innovative methods in managing the municipality. Not only that a regional technology base has been created in Novy Urengoy with the founding of the business centre Yamal. The concrete results of this can be seen in the well-drilling technologies at the Urengoy gas-field, the production and transportation of natural gas and hydrocarbon products under the conditions of the Far North. Furthermore, a river port, air transport, railway and motorways make up the infrastructure for provision of daily goods as well as the transport of the workforce and goods necessary for industry.

Housing market

The main aim of the local municipal government is to provide a high standard of living for the city's inhabitants. Accommodation is now the most critical problem for the city as temporary habitation had been hastily set up during the development of the Urengoy gas field. Although the life-span of such structures was expected to be around 15 years, more than 30 years have now passed, with more than 300 buildings remaining on the city territory whose resources were exhausted about 10 years ago. Reconstruction of the accommodation began in 2002:

- investment has been attracted to accommodation building
- more than 300 000 m² of living space has been built in the last 6 years
- there is a thriving mortgage market (in 2008 credit institutions granted 963 mortgages totalling more than 2 billion roubles)
- there is project development for private houses
- housing and communal services have been reformed, and changed to a market mechanism

The further development of the social services sphere

The main finance resources from the city budget are channelled into this area. According to demographic indexes, in the last three years there has been strong growth: the maternal mortality in the last six years was zero; in 2008 the birth rate (i.e. the number of newborns) was 13.01 per 1000 people, and the death rate was 3.8 in the same year. The number of able-bodied citizens in the municipality Novy Urengoy has grown, in 2008 it was 74.2%, 118% of the level of this index in 2007. This may reflect the increase in investment in mass physical training and sport as the main factor in maintaining a healthy life-style.

The building of two multifunctional cultural and sport centres is in the final stages thanks to the investment of OAO Gazprom. More than 40 kinds of sport are catered for and about 50 000 people sports, visit sport clubs and take part in sport competitions in Novy Urengoy. More than 18 000 are children and young people.

Great attention is paid to the education and leisure activities of the population. About 2 billion roubles have been spent on education in the last 3 years, which was invested in the technical retooling of the equipment in educational institutions as well as in developing information technology and IT-communication. The system of complementary education has been completely retained.

Today Novy Urengoy is the cultural capital of the Yamal thanks to the early creative development of children and a systematic development of an infrastructure for cultural and leisure activities.

Общественные формирования и социальное партнерство как ресурс городского самоуправления

В.И. Нуйкин

Мы говорим: мы – новоуренгойцы. Но часто ли мы отдаем себе отчет в том, как мы себя в этом качестве ощущаем? Нам нравится наш красивый город. Замечательно, что власти много для него делает хорошего. Но делаем ли мы сами достаточно для того, чтобы жить в нашем городе с каждым днем становилось лучше? Участвуем ли мы на деле в местном самоуправлении?

Разделение власти на государственную власть и местное самоуправление имеет не только исторические корни, но и вполне современное обоснование – наиболее эффективное решение проблем, связанных с организацией повседневной жизни, возможно лишь на местном уровне. Из Кремля не разглядеть чисто ли в нашем подъезде, вывозится ли мусор из нашего двора, и есть ли в нем место для занятий спортом наших детей.

Разделение власти на государственную и местную предполагает существенно более высокую степень вовлеченности граждан в систему управления на местном уровне.

Это участие осуществляется через:

- выборы органов местного самоуправления
- общественный контроль над деятельностью исполнительных органов
- участие в обсуждении проектов наиболее важных решений местного уровня, в частности бюджета
- внесение инициативных предложений в программы социально-экономического развития
- непосредственное участие в мероприятиях по социально-экономическому развитию территории муниципального образования

Так должно и может быть. Однако наш опыт работы убеждает нас в том, что практическая реализация прав граждан на участие в местном самоуправлении, особенно, в случае крупных муниципальных образований, возможна в основном через общественные объединения и некоммерческие негосударственные организации (НКО).

Негосударственные некоммерческие организации, работающие на местном уровне, это:

- НКО, оказывающие услуги в сфере образования, культуры, медицины и спорта
- Объединения по интересам
- Органы территориального общественного самоуправления (ТОС)
- Объединения собственников жилья (ТСЖ)

Некоммерческие организации, устойчиво работающие по месту жительства, отличаются высокой степенью взаимного доверия их участников, люди в них знают друг друга, а результаты их деятельности – на виду.

Не смотря на свою разнопрофильность именно НКО, работающие на территории муниципального образования, реально могут представлять интересы населения. НКО обладают необходимым мобилизационным потенциалом, позволяющим вовлечь жителей муниципального образования в решение конкретных проблем по улучшению качества жизни, формированию дружественной городской среды.

В Новом Уренгое немало примеров того, что детские и подростковые клубы не только предоставляют возможности для дополнительного образования ребят, но и являются инициаторами экологических акций, в которых участвуют и дети, и взрослые. Неформальные клубы общения, объединяющие в основном людей среднего и старшего поколений, вовлекают в свои ряды молодежь. Органы ТОС и ТСЖ организуют жителей на благоустройство придомовой территории, устраивают праздники двора. Необходимо, чтобы вышеуказанные структуры самоорганизации граждан помогали в решении вопросов медицинского обслуживания пожилых людей, привлекали предпринимателей, чьи фирмы базируются в микрорайоне, к участию в благоустройстве, поддержке общеобразовательных школ, оказанию конкретной и адресной помощи наиболее незащищенным группам населения. На этом этапе их развития особенно актуальным становится сотрудничество не только с органами местной власти, но и с другими НКО. Опыт показывает, что объединение материальных ресурсов ТСЖ и энтузиазма, профессионального мастерства организаций, оказывающих услуги в социальной сфере, – эффективный путь повышения качества жизни в микрорайоне и городе.

Взяв на себя решение конкретных вопросов, будь то организация досуга детей, или озеленение дворов, деятельность в сфере обеспечения общественной безопасности и т.п., общественные объединения становятся реальными участниками процесса самоуправления. Посредством членства или участия в работе НКО жители микрорайона оказываются вовлеченными в самостоятельное решение социально значимых проблем. Опыт совместных действий, самостоятельное решение пусть даже не очень сложных вопросов сокращают разрыв между населением и органами местной власти. А этот разрыв, отчуждение порой оказывается весьма значительным. Парадоксально, но факт – мы часто, по укоренившейся привычке или под массивной атакой средств массовой информации, куда более ответственно относимся к выборам Президента страны, чем к выборам депутатов городской думы.

Некоммерческие организации, участвующие в решении социально значимых проблем муниципального образования, представляющие интересы определенных групп населения, способны стать мостиком между жителями и органами местной власти. Однако, для того, чтобы это партнерство сложилось, необходимо с одной стороны понимание муниципальными служащими того, что НКО – реальные участники социально экономического развития города. С другой стороны – лидеры общественных организаций также должны осознать эту свою миссию, научиться сотрудничать друг с другом, почувствовать коллективную ответственность за успешность развития муниципального образования.

Работая с НКО и управленцами муниципального звена, мы стремимся к тому, чтобы возникало и устанавливалось взаимное доверие между лидерами негосударственных некоммерческих организаций, работающих на территории города, доверие между НКО и органами местного самоуправления и, конечно же, доверие населения к деятельности общественных объединений и некоммерческих организаций. Решение этой чрезвычайно важной задачи требует применения специальных социальных технологий, так называемыми технологиями социального партнерства. Это и образовательные семинары для лидеров НКО и муниципальных служащих, способствующие формированию новых представлений о роли НКО в обществе; и подготовка и издание буклетов о деятельности наиболее эффективных НКО, работающих на территории города; и проведение ярмарки НКО, которая вот уже в третий раз проходит в Новом Уренгое, а также Новоуренгойского гражданского форума; и конкурсы социально-значимых проектов НКО.

Как показывает практика, применение этих технологий способствует установлению доверия, развитию содержательных контактов власти и представителей гражданского общества, формированию социального партнерства. И всё это работает в нашем городе.

Ряд проблем, тесно связанных с расширением роли НКО в жизни местного сообщества и их участием в процессе местного самоуправления требует своего решения.

Наиболее актуальной проблемой на сегодня является проблема помещений. Необходимо на городском уровне создать приоритетные возможности использования нежилых помещений некоммерческими организациями, выполняющими социально значимые программы.

К сожалению, пока в Новом Уренгое не стала привычной и тем более обязательной практика участия общественных объединений в формировании программ социально-экономического развития муниципального образования. Как правило, органы местного самоуправления лишь знакомят, информируют общественность о принятых программах. Признание описанной выше роли НКО требует нормативного закрепления участия негосударственных некоммерческих организаций в планировании социально-экономического развития территории. Этому должен способствовать готовящийся к утверждению закон ЯНАО «О взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с некоммерческими организациями в Ямало-Ненецком автономном округе».

В большинстве развитых стран мира происходит так называемая приватизация социальной сферы. Суть этого процесса в том, что органы власти поручают непосредственное оказание услуг, гарантированных государством, некоммерческим организациям, выделяя для этого соответствующие суммы бюджетных средств и сохраняя за собой право контроля их расходования. У нас же на сегодня отсутствует правовое обеспечение передачи части полномочий органов местного самоуправления по социальной поддержке населения наиболее эффективным НКО. С другой стороны, упомянутый выше проект закона ЯНАО «О взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с некоммерческими организациями в Ямало-Ненецком автономном округе» создает рамки, позволяющие органам местного самоуправления в нашем городе уже сегодня искать приемлемые формы конструктивного сотрудничества с НКО, а в перспективе и приватизации социальной сферы. Сегодня необходимо смелее экспериментировать.

Постепенное, но систематическое решение перечисленных задач будет не только способствовать развитию негосударственных некоммерческих организаций, но и повысит эффективность работы органов местного самоуправления в Новом Уренгое.

Public Formations and Social Partnership as Resource for City Local Government

V.I. Nuykin

We say: We are people of Novy Urengoy. But do we often realize how we feel playing this role? We like our beautiful city. It is great that the local governments do a lot of good for it. But do we do enough for making the living in our city better every day? Do we take part in governing the city?

Separation of powers into state and local government has not only historical background, but an entirely modern basis. It means that solving problems connected with day-to-day activities are most effectively at the local level. Anyone from the Kremlin cannot see if it is clean in our stairwells, if our yards are unkempt or if a playground is provided for our children there.

The separation of powers into state and local government means a considerable higher degree of getting the citizens to take part in the governing at the local level.

This participation is exercised as follows:

- local government election
- social control of executive powers activities

- taking part in discussion of the most important projects at the local level, the budget in particular
- initiating proposals for the social and economic development program
- participation in social and economic development of the municipality

It can be and must be so. But we know from our experience, that the practical exercising citizens' right to take part in the local governing, especially in the large-scale municipalities, is possible through public associations and non-profit non-governmental organizations.

The non-profit non-governmental organizations working at the local level are:

- The non-profit non-governmental organizations providing educational, cultural, medical and sport services
- Associations according to the interests
- Territorial social forms of local government
- Housing cooperatives

The non-profit organizations working according to the domicile are distinguished with high degree of mutual trust. People know each other and can see the results of their activities.

In spite of their various activities, the non-profit organizations working on the municipal territory are really able to represent the interests of population. The non-profit organizations have an essential mobilization potential involving the population of municipality in solving specific problems to improve life quality and to build friendly city environment.

We can see a lot of examples in Novy Urengoy showing that child and youth clubs do more than only make opportunities for additional education but are initiators of environmental actions with the participation of children and adults. The informal communication clubs include people of all ages.

Territorial social forms of local government and housing cooperatives get people to take part in home improvements and to prepare neighborhood festivals. The organizations abovementioned are required to assist in settling matters of medical care for elderly people, to attract businessmen, whose firms are placed in locations, to participate in improvement, in support of schools, in relief actions for needy people group. At this stage of development cooperation not only with local government, but also with the other non-profit organizations is becoming more common. As we know from our experience integration of material resources of housing cooperatives and enthusiasm, professional skills of social service organizations are an effective way to improve quality of living in a district or in a city.

Solving different specific questions, such as arranging children leisure or green plantations in yards, activities for public security and others, social associations are becoming real participants of governing process. Being member of or taking part in non-profit organizations activities, the neighborhood population is being involved in resolving significant social problems. The experience of joint actions and self-solving of not very difficult questions reduce a gap between citizens and local government. But this gap and this alienation is quite significant sometimes. It may sound ironic, but it is a fact: by force of entrenched habit or under media blitz we often have more serious attitude to presidential election than to election of the City Duma deputies. The non-profit organizations taking part in solving significant social problems in our municipality, representing interests of certain population groups could connect inhabitants and local government.

However on the one hand to develop this partnership the local government employees must realize that the non-profit organizations are real participants of social and economic development. On the other hand

the leaders of public organizations must perform their mission, must cooperate with each other, and to feel joint responsibility for successful development of the municipality.

Working with the non-profit organizations and governing body of the municipality we aim for mutual confidence among leaders of the non-governmental non-profit organizations, working on the municipal territory, to the confidence among the non-profit organizations and the local government and also to the confidence of people to activities of public associations and non-profit organizations. The solving of this extraordinarily important problem demands application of specific social technologies, so-called social partnership technologies. These are educational seminars for leaders of the non-profit organizations and for local government employees promoting building new ideas for non-profit organizations role in society, edition of booklets about the most effective non-profit organization activities on the territory of the city, an annual fair for the non-profit organizations in Novy Urengoy for the third time and Novy Urengoy civil forum and competitions of social projects of the non-profit organizations.

In practice the application of these technologies help to build confidence, to develop important contacts among the powers and representatives of the civil society, and to form social partnership. And all things mentioned above work in our city.

A number of problems connected with the enlargement of the non-profit organizations' role in the local society life and its participation in the local governing process are still to be solved.

To date the most significant problem is that of facilities. It is necessary to create priority opportunities to use nonresidential facilities by the non-profit organizations performing social programs. Unfortunately it does not become an usual or obligatory practice in Novy Urengoy, when public associations take part in preparing programs for social and economic development of municipality. As a rule the organs of local government inform the community about accepted programs. Recognition of the non-profit organization role described above demand that participation of the non-profit organizations in planning social and economic development of the territory must be enacted. The law "About cooperation of State government and local government with non-profit organizations in the Yamal-Nenets Autonomous District" will be passed soon in our autonomous district.

A so-called privatizing of the social area is going on in the most of high developed countries of the world. The kernel of this process is in the following, the powers entrust the non-profit organizations with the immediate rendering of services, which are guaranteed by the State. The local government lays out budget money and controls its spending. At the present day we have no legislation to delegate a part of authority in the social area from the local government to the non-profit organizations, which work effectively.

On the other hand the mentioned above law "About cooperation of State government and local government with non-profit organizations in the Yamal-Nenets autonomous district" permits to the local government in our city to find ways for acceptable forms of constructive cooperation with the non-profit organizations by now, and in the future also for privatizing of the social area. We must experiment more bravely today.

A gradual and systematical solving of the listed tasks will improve not only development of the non-governmental non-profit organizations, but also will increase the efficiency of local government work in Novy Urengoy.

Социализация молодежи и инновационная инфраструктура – важные элементы устойчивого развития города

Ю.М. Золотов

Новый Уренгой был основан и большую часть своей истории развивался как база для освоения газовых месторождений и обслуживания газодобывающих предприятий. Этот факт определил направление строительства городской инфраструктуры – вахтовое поселение, где обращалось мало внимания на создание удобной среды обитания для жителей города. В сознании большинства людей преобладал менталитет временщиков. В 2000 году на конференции по перспективам развития муниципального образования, была поставлена задача разработки концепции социально-экономического развития города на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Следствием этой политики стало бурное строительство, развитие инфраструктуры, удобной не только для проживания газовиков и их семей, но и для полноценного развития личности каждого жителя нашего Приполярного города. Если проследить динамику развития строительства жилья, то в 2001 году это было 8 567 кв.м., 2005 – 20 974 кв.м., 2006 – 72 944 кв.м., в 2007 году уже 76 422 кв.м. В 2008 году было запланировано построить 82 тысячи кв.м. жилья при этом снести 74 ветхих и аварийных дома. Объектов соцкультбыта 2001 году было введено в эксплуатацию 8 единиц, а в 2005 – 12. На сегодняшний день в Новом Уренгое 38 дошкольных учреждений, 20 общеобразовательных школ, 2 музыкальных школы, техникум газовой промышленности, педагогический колледж, профессиональное училище, филиал медицинского училища, 7 филиалов ВУЗов. Постоянно действуют и модернизируются аэропорт, железная дорога и речной порт. Город действительно стал соответствовать представлению о «газовой столице России».

Не погружаясь в дела газового бизнеса, в Новом Уренгое были созданы такие структуры как «Фонд развития ипотечного жилья», «Фонд развития предпринимательства», целью которых является социально-экономическое развитие города. В октябре 2002 года начала свою работу Некоммерческая организация «Фонд развития муниципального образования город Новый Уренгой». Главные задачи её деятельности – изменение архитектурного облика, развитие деловой и инженерной инфраструктуры. На этих основных «структурных китах» мы и выстраиваем свою работу. Так в 2003 году началось строительство Делового центра «Ямал», который был сдан в июне 2007 года и на сегодняшний день, является одним из самых активных центров деловой жизни Ямало-Ненецкого автономного округа. Цель проекта – создание в Новом Уренгое Делового центра категории «А» для обеспечения города офисными, гостиничными и торговыми помещениями, комплексом услуг по организации досуга населения и гостей города.

У нас уже прошло большое количество серьезных Форумов, выставок, семинаров, о которых мы говорим уже во множественном числе. Среди них: газовые, гражданские, инновационные Форумы; региональные «Финансовые ярмарки», выставки «Малый и средний бизнес ЯНАО», компьютерные фестивали. С каждым годом количество мероприятий и их участников растёт.

В 2008 году начала действовать ведомственная целевая программа «Школа гражданских инициатив и публичного лидерства». В работе семинаров Школы приняли участие более 70 человек, представители некоммерческих организаций города, любительских объединений, клубов. Целью её создания является содействие развитию институтов гражданского общества и гражданской деятельности, развитию некоммерческого сектора экономики в Ямало-Ненецком автономном округе.

В Деловом центре «Ямал» один из лучших спортивных комплексов города. Спортивный зал оборудован по последнему слову техники. Он делится на 3 площадки, на которых можно одновременно проводить занятия по трем видам спорта. Уже состоялись мероприятия высокого уровня: Первенство России по мини-футболу, соревнования по Греко-римской борьбе, Кекусенкай карате и другие. Спортивный зал Делового центра посетили Олимпийский чемпион по

конькобежному спорту Евгений Куликов, двукратный чемпион Европы и мира по боксу Евгений Макаренко, трехкратный Олимпийский чемпион Александр Карелин, четырехкратный Олимпийский чемпион Александр Тихонов.

Великолепно проходят Ёлки Главы города.

В Деловом центре всем необходимым оборудован подземный паркинг – единственное сооружение подобного рода в городе.

Кроме того, Фонд выступил застройщиком 1-го и 2-го жилых комплексов в микрорайоне «Оптимистов» строительство, которых было начато в июне 2005г. и завершено в марте 2008г. В этих объектах практически 65 тысяч кв. м. жилья. 12 тысяч кв. м. отведено под офисные и торговые помещения. Также мы являемся со инвесторами спортивно – оздоровительного комплекса в северной части города.

Уже больше года в Новом Уренгое работает Совет по инновациям при Главе города. В него входят представители крупных градообразующих предприятий. Являясь членом этого Совета, хочу сказать, что у нас успешно развивается проект социальной адаптации молодежи, который подразумевает знакомство молодых людей с экономической составляющей города. Нашими активными помощниками в вопросах, касающихся молодого поколения, являются филиалы новоуренгойских ВУЗов. Совместно со студентами Тюменского государственного университета проведено более 10 конференций и семинаров, в том числе и эта Международная научно-практическая конференция. Студенты Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники проходят у нас преддипломную практику. Мы планируем найти применение их силам и знаниям в структурах Открытого акционерного общества «Новоуренгойский региональный технологический парк «Ямал». Это стопроцентное предприятие Фонда. В него вошли:

- бизнес-инкубатор инновационно-производственного типа
- клуб изобретателей и инноваторов
- центр трансфера технологий
- центр подготовки кадров для инновационной деятельности и другие необходимые подразделения

Выявлены проблемы, требующие решения на основе инновационных разработок, ведется поиск соответствующих инновационных разработок высокой степени готовности. Задача бизнес-инкубатора – создание условий для малых предприятий, начинающих освоение новых видов продукции и технологий, необходимых для решения проблем городского хозяйства и социальной сферы.

Бизнес-инкубатор – это структура, где молодая поросль будет получать навыки работы. Он расположился в жилом комплексе 2, в помещении размером 900 кв. м. Бизнес – инкубатор станет площадкой для формирования деловых качеств молодых людей. Предполагается создать и разместить в бизнес-инкубаторе бизнес-команды, которыми будет руководить специалист со стажем. В рамках работы бизнес-инкубатора мы планируем провести конкурс инновационных проектов для студентов, аспирантов и молодых специалистов. Впоследствии такая перспективная команда, может преобразоваться в «Общество с ограниченной ответственностью» и заниматься, например, наукоёмким бизнесом. В нашем городе это очень актуально, так как известно, что в Новом Уренгое, кроме газового бизнеса, мало, что имеет шансы на существование. Поэтому, на первом этапе работы планируется снижение затрат и применение новых технологий, которые в скором времени будут востребованы.

Начал свою работу с первыми группами слушателей «Центр подготовки кадров для инновационной деятельности». Одной из основных задач Центра является содействие непрерывному образованию и повышению квалификации и переквалификации трудоспособного населения, в этих целях обеспечение использования дистанционных технологий в изучении учебных дисциплин в рамках образовательных стандартов среднего профессионального и высшего образования.

Клуб изобретателей и инноваторов объединил изобретателей города. Проводит семинарские занятия по вопросам организации изобретательской деятельности, оказывает содействие членам клуба по оформлению заявок на изобретения.

Новоуренгойский технопарк успешно сотрудничает с технопарками Томска и Екатеринбурга, а так же с республиканским центром трансфера Республики Беларусь. В 2008 году он являлся оператором Ямальского инновационного форума, в котором приняли участие более 70 предприятий и организаций, и III городского компьютерного фестиваля. Уже сейчас есть интересные разработки, актуальные для города, такие как применение технологий укрепления грунтов, организация системы безопасности, георадарные исследования.

В заключении, можно с определенностью сказать, что Деловой центр «Ямал» и Некоммерческая организация «Фонд развития муниципального образования город Новый Уренгой», решением своих задач по социализации молодежи и развитию инновационного уклада экономики, обеспечивают важные элементы устойчивого развития нашего города.

Socialisation of Youth and Innovative Infrastructure as Key Elements for Sustainable Development

J.M. Zolotov

The rapid growth of building and the development of comfortable infrastructure, not only for gas workers but also for their families and the valuable progress of every inhabitant in our circumpolar town, are the result of a working conference on the perspectives of developing the municipal formation of Novy Urengoi. The non-profit organisation “The fund for developing the municipal formation of Novy Urengoi” began its work in October 2002. The main tasks of this non-profit organisation are: the change of the architectural face of our town and the development of the business and engineering infrastructure. A few significant projects have been realised by the Fund. Up to the present, the project of the social adaptation of the young people has developed successfully. Its object is to acquaint the young people with the economics of the town. Our active helpers are the branches of institutes of higher education, which are situated in Novy Urengoi. The students take part in finding solutions to the questions and problems of the young generation. More than ten conferences and seminars have been conducted together with the students of Tumen State University. The students of Tomsk State University have done the practical work in our organisation by taking care of the systems of operation and radio electronics. In the future they can use their force and knowledge in the structures of the open joint-stock company, Novourengoi Regional Technological Park, Yamal.

Экология как фактор становления личности

Г.А. Дзида

Мировое сообщество, подводя итоги XX столетия, приходит к выводу, что угроза его существования таится не столько в силе атома, сколько в катастрофической экологической ситуации. Как ни парадоксально, но главным врагом человечества сегодня стал именно человек. Символом нашего времени стали уже не полеты в космос, а загрязнение воды, воздуха и почвы, растущие горы промышленного и бытового мусора, постепенное превращение Земли в мусорный полигон. Возникла опасность глобальных экологических катастроф, которые могут привести к гибели разумной, высокоорганизованной материи, а возможно, и к гибели всего живого на нашей планете.

Для успешного решения задач, стоящих перед обществом в области экологии, большое значение имеют экологическое воспитание и образование людей, начиная с детского возраста. Многие просто не знают о надвигающейся беде и тех отрицательных последствиях воздействия человечества на окружающую его среду. Среда человека – это совокупность двух взаимосвязанных частей: природной и общественной. В своем сообщении сделаем акцент на общественной компоненте – материальной и духовной культуре.

Крайности и противоречия, определяющие духовный климат рубежа тысячелетий: ощущения мира как хаоса, «мира на краю», чувство утраты исторической традиции, защита демократии. Подготовка специалиста высшей квалификации, отвечающего современным требованиям мирового сообщества, требует формирования определенной системы ценностей, достаточно широких по составу и гибких по динамике изменения.

Ценность – значимость объектов окружающего мира для человека. Ценностная ориентация – избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, предпочтений, выраженная в поведении.

В зарубежной и отечественной философско-социологической литературе представлены разные способы классификации ценностей. С чисто формальной точки зрения ценности делятся на: позитивные и негативные (малоценность, отсутствие ценности), относительные и абсолютные, субъективные и объективные. По содержанию различаются вещные ценности, логические, этические и эстетические ценности; приятное, полезное и пригодное; истину, добро, прекрасное и пр. Ценности могут классифицироваться по субъектам или носителям ценностей: индивидуальные, групповые, классовые, общечеловеческие. А. Маслоу и ряд других философов выделяют ценности-цели, или высшие (абсолютные) ценности, и ценности-средства (инструментальные ценности). Различают ценности положительные и отрицательные, имея в виду их социальное значение и последствия их реализации. Можно выделять предметные и субъективные ценности (И.И. Осинский), «западные» и «восточные» ценности (Н.А. Дьяконова, В.В. Юртайкин), материальные и духовные ценности, экологические ценности и т.д. Все они находятся между собой в тесной взаимосвязи и единстве, и образуют целостность мира каждого человека.

Нет ничего вечного и неизменного, за свою жизнь человек может испытать и пережить массу перемен – социально-политических, экономических, профессиональных, личностных и пр. Следовательно, человек должен быть готов к переменам, научиться их адекватно воспринимать и адекватно на них реагировать. Главной ценностью становится ценность мобильности, изменения во имя приспособления, адаптации к быстро меняющимся условиям жизни.

В условиях переходного периода происходит смена ценностей и социальных приоритетов. Сегодня образованию предъявляются принципиально новые духовно-нравственные и социально-экономические требования.

Бесспорно, многое в области рынка, торговли и промышленности определяется эгоистическими желаниями. Но эти вещи не плохи сами по себе. Они не стоят непременно в противоречии с высшими целями, точно так же чувственные наслаждения не стоят в противоречии с истинными ценностями счастья и любви. Действительная движущая сила, дающая смысл и ценность жизни рынка и промышленности, – это идеал прогресса.

Технократизм и экономический фетишизм породили формулировку цели воспитания следующего порядка: «Личность, способная достичь карьеры».

Ход исторического развития и высокая культура опровергают такого рода решения проблемы цели путем постановки одного единственного вопроса: что есть средство и что есть содержание жизни? Карьера. Успех, добро, истина, красота, всестороннее развитие – это все область средства жизни и ничего из этого не может заместить собою цель жизни человека. А значит, и не может выступать в роли цели воспитания. Цель современного воспитания – «Личность, способная строить жизнь, достойную Человека».

Когда мы говорим о духовно-культурной компоненте экологии человека, то необходимо иметь в виду взаимовлияние культур, а не насильственное, агрессивное внедрение в сознание граждан зарубежной культуры. И, как правило, низкопробной массовой культуры, когда нормы и образы культуры приспособляются к неразвитым вкусам. В результате этого происходит выпадение человека из культуры.

Технические средства массовой коммуникации стерли границы влияния на умы и сердца людей. Но все равно, ни одна из культур не вправе навязывать свои образцы в качестве идеала для других культур. В любой культуре имеются нормы и оценки, которые позволяют внутри нее различать, что есть культура, а что бескультурье. Поэтому государство является защитником отечественной культуры от духовной агрессии извне. Культура, находящаяся в замкнутом пространстве, будет отставать от темпов мирового культурного развития, поэтому культуры должны взаимно обогащаться. Но это обогащение должно идти цивилизованным путем, где в качестве духовной экспортной продукции должны предлагаться образцы, несущие такие качества, которые способствуют становлению человека, потому что культура – это все-таки мера человеческого в человеке.

Всякий шаг в воспитании должен учить тому, чтобы истине, гармонии, прогрессу, доброте, красоте отдавалось предпочтение перед заблуждением, дисгармонией, регрессом, себялюбием и пошлостью. Но каждое вновь приобретенное знание должно в то же время делать человека способным к выполнению своей задачи. Его воля бессильна, если он не понимает окружающей природы, если он не понимает требований своего времени и техники удовлетворения этих требований. Он должен научиться тому, как быть на своем месте, как сделаться полезным для общего дела, как устроить свою жизнь, чтобы она способствовала поступательному движению человеческого прогресса, как достигнуть всего этого, – начиная со способности добывать себе средства к существованию и кончая способностью быть руководителем коллектива.

Высоко – квалифицированный преподавательский состав позволяет превратить простое обучение студентов в подготовку к освоению истинных ценностей. Пассивное усвоение заменить подготовкой к тому, чтобы быть полезным. Простое наслаждение должно уступить место счастью, где все стремления находятся в полной гармонии; низменные желания ушли с дороги истинного саморазвития, при котором разворачивается глубочайшая воля человека – воля иметь самоутверждающийся идеальный мир, стать личностью, отстаивающей идеалы жизни.

При перечислении идеалов жизни счастье, несомненно, не может быть пропущено, только его нужно правильно понимать.

Истинное счастье – это единство нашей внутренней жизни. Все наши стремления и переживания находятся в гармонии друг с другом, если все многообразие наших внутренних состояний представляет собой известное единство, подвижное равновесие, где разворачиваются все новые и новые волевые акты, гармонирующие с условиями жизни, тогда мы действительно достигли истинного счастья.

Для выявления системы ценностных ориентаций, определяющих направленность личностей студентов университета и составляющих основу ее отношений к себе, другим людям и окружающему миру, а также основу мировоззрения, ядро жизненной активности и жизненной философии, нами было проведено исследование. За основу взята методика, разработанная М. Рокичем. В виде теста студентам был предложен список десяти ценностных ориентаций двух типов: «Ценности-цели» и «Ценности-средства».

Максимальное значение среди ценностей-целей для студентов имеет:

- дружба и взаимопомощь – 90,5%
- наличие надежных и верных друзей считается наиболее значимым в возрасте 17-20 лет
- довольно высокий процент среди ценностей-целей отводится физическому и психическому здоровью (88,5%)
- студенты считают за счастье жить в дружной и полной семье
- минимальное значение в этом возрасте имеет власть – 11,5%
- Среди ценностей-средств
- максимальное значение для студентов первого и третьего курсов имеет чувства ответственности и долг -73,8%
- довольно высокий процент (65,6%) – повышение уровня компетенции, общей культуры и самообразования
- большое значение для молодых людей имеет умение настоять на своем, не отступать перед трудностями и опасностями – наличие твердой воли (60,6%)
- но студенты филиала предъявляют еще низкий уровень требований к себе и окружающим – 14,7%. Можно надеяться, что с возрастом уровень притязаний будет возрастать

В результате исследования можно сделать вывод, что студенты, обучающиеся в филиале Тюменского государственного университета в г. Новый Уренгой, – это молодые люди с активной жизненной позицией, положительной ценностной ориентацией. Это позволяет с уверенностью смотреть в будущее.

Известные поговорки гласят: «Где родился, там и пригодился», «В здоровом теле, здоровый дух». От того, в каких условиях живут, обучаются, с кем общаются, зависит экология разума и души молодых людей. Вот почему, в числе отработанных направлений развития профессионального образования особое значение имеет укрепление и модернизация материально-технической базы и инфраструктуры образовательных учреждений.

Ecology as a factor of personality development of the extreme North

G.A. Dzida

The world community has concluded that today's catastrophical ecological situation constitutes a threat to the human's existence. The symbols of our time are water and air pollution, shortage of the clean water, car exhaust fumes, industrial waste, cutting down tropical rainforests, nuclear problems, etc. Some of human activities are destroying the environment, damaging it so badly that soon parts will not exist. Because of these problems, there are many groups of people whose aim is the protection of the environment.

That is why one of the most urgent problems in the world today is ecological education. The principal terms, such as mental and cultural values, are examined and classified in the article. The main conceptions in this field of research are provided. The results of the corresponding experiment carried out among students are analysed.

Формирование адаптационной готовности молодежи в северном городе

Г.А. Дзида, Т.А. Вахрушева

Лаборатория «Теоретического обоснования и разработки программ развития образования» была создана в 2004 году в рамках деятельности Научно-исследовательского института Уральского отделения Российской Академии образования, работающего над темой «Развитие образования в условиях Приполярья», являющегося целостной структурой.

Сотрудники лаборатории вносят вклад в разработку проблемы «Формирование и развитие адаптационной готовности молодежи к изменениям в социально-экономической сфере в Приполярье».

В этом направлении проделана значительная работа. Разработан ряд теоретических моделей, которые служат основанием для решения основной проблемы. Модель включает в себя виды адаптационной готовности. В ней отражено поэтапное формирование и развитие адаптационной готовности личности. Этапы развития адаптационной готовности личности представляют собой следующие возрастные и образовательные периоды: дошкольный период, начальный школьный период, среднее звено школы, начальную профессиональную подготовку, высшее профессиональное образование.

Ведется исследование по профилактике девиантного поведения молодежи г. Нового Уренгоя. Результаты исследования представлены в коллективной монографии «Профилактика девиантного поведения молодежи в условиях Приполярья».

В последнее время лаборатория проводит исследование по выявлению особенностей труда и социализации человека на Крайнем Севере. Начато изучение вахтовиков и их семей, проживающих в экстремальных условиях.

В семье, в которой один или даже двое родителей работают вахтовым методом, формируется атмосфера, когда ребенок готовится к жизни зачастую большей частью самостоятельно. В проведенном нами опросе приняло участие 24 молодых человека: из них 8 человек – юноши, 16 человек – девушки. Возраст опрашиваемых – 15-17 лет – 8 человек, 18-20 – 16 человек. Молодым людям был задан вопрос: «Что для Вас является основной проблемой, когда родители на вахте?». На недостаток общения с родным человеком указали 13 человек. В основном поддерживают связь с родителями по сотовому телефону 19 человек, 16 человек из них – по мере необходимости. 13 человек находят успокоение, отдушину в общении с друзьями, 7 человек – в общении с любимым человеком. К отрицательным сторонам работы вахтовым методом на разлуку с семьей указали 20 человек из 24 человек, участвовавших в опросе. Повышенное внимание со стороны родителей, возвратившихся с вахты испытывают 12 человек из 24. В целом, необходимо отметить, что таким семьям нужна помощь со стороны общества. Большинство респондентов являются студентами филиала Тюменского госуниверситета (ТюмГУ). Хотелось бы остановиться на том, что делается обществом для северной молодежи. На базе филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой действует Научно-исследовательский институт Уральского отделения Российской Академии образования (НИИ УрО РАО) «Развитие образования в условиях Приполярья», который работает над проблемой формирования адаптационной готовности молодежи к изменяющимся социально-экономическим условиям в обществе. По результатам исследования даются рекомендации по организации досуга молодежи, материалы доводятся до широкой общественности, издаются монографии и научные труды.

Подразделением НИИ УрО РАО является Новоуренгойская студенческая Академия (НСА). Участниками НСА являются студенты филиала ТюмГУ в г. Новом Уренгое. Они исследуют проблемы региона. Традиционно в филиале проводится конференция «Современные проблемы

развития региона», на которой студенты выступают с результатами своих исследований. Эти исследования позволяют молодым людям заниматься самоанализом и лучше осмысливать будущее.

В филиале проводится широкая внеучебная работа: действует «Клуб веселых и находчивых», интеллектуальный клуб, работают спортивные секции и др.

Таким образом, филиал Тюменского государственного университета, НИИ Уро РАО выполняет социальный заказ общества, готовя молодого человека к жизни в изменяющихся социально-экономических условиях, формируя его адаптационную готовность.

Formation of the Adaptable Readiness of Youth in a Northern City

T.A. Vakhrusheva, G.A. Dzida

The laboratory “The theoretical concepts and practical programmes for the development of education” was created in 2004-2005 within the limits of the activity of the Scientific Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Education, which was working with the theme of “The development of education in the conditions of the Far North”.

Scientists of the laboratory contributed to identifying a problem to be addressed: The formation and development of adaptable readiness of youth to changes in new social and economic conditions in the Far North.

In this direction considerable work is underway. A number of theoretical models which form the basis for the decision of the basic problem have been developed. The model includes kinds of adaptable readiness and reflects stage-by-stage formation and development of adaptable readiness of the person. Stages of development of adaptable readiness of the person are presented following age and educational periods: the preschool period, the initial school period, initial vocational training, and higher vocational training.

Results of this research are presented in the collective monograph “Preventive maintenance of youth behaviour in the conditions of the Far North”.

Особенности социально-культурного развития детей в экстремальных условиях проживания

М.А. Павлова

Город Новый Уренгой – один из важнейших стратегических центров Ямала. Здесь добывают 30% от общего объёма газа страны. Город молодой. Ему – 33 года. Начинаясь он с освоения газовых месторождений комсомольскими отрядами первопроходцев. Анализ отечественной практики использования вахтово-экспедиционного метода работ позволяет выделить один из характерных признаков – наличие базового города с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры для постоянного проживания работников с семьями (сферы общественного питания, бытового обслуживания, культурно-спортивного отдыха и др.). При освоении ямальских природных ресурсов в качестве базового города был выбран Уренгой, расположенный в неблагоприятной для постоянного заселения приполярной зоне.

Сегодня Новый Уренгой – это современный город с развитой инфраструктурой. Население города насчитывает более 110.000 человек, треть из которого – дети и молодёжь. По сравнению с другими городами округа в г. Новый Уренгой – самая обширная образовательная система – более 60 образовательных учреждений.

Суровые климатические условия проживания в районах Крайнего Севера, отдаленность от крупных культурных центров страны, ограниченность пространства коммуникативного общения – всё это негативные факторы, сдерживающие духовное, нравственное и физическое развитие детей и молодёжи. Поэтому важнейшей задачей социальной политики города является не только качественное обучение детей в дошкольных, общеобразовательных учреждениях, учреждениях профессионального образования, но и занятость детей и подростков в системе дополнительного образования и внешкольной работы, организация содержательного свободного времени, досуга, усиление воспитательной составляющей образования.

В городе сформировалась развитая система вовлечения детей и молодёжи в разнообразные виды творческих, интеллектуальных, спортивных состязаний. Деятельность этой системы основывается на *сетевом взаимодействии* образовательных учреждений с организациями, подразделениями администрации муниципального образования. Многолетняя практика такой работы позволяет говорить о её высокой эффективности, в том числе в вопросе социально-культурного развития детей и молодёжи.

Значительный вклад в развитие навыков социально-культурного поведения детей и подростков вносит система дополнительного образования детей. Этим видом образования охвачено более 7000 учащихся в учреждениях дополнительного образования. Более 2000 школьников занимается дополнительным образованием на базе общеобразовательных школ. Общий охват детей и подростков дополнительным образованием составляет 1/3 от общего числа обучающихся.

В системе образования города действует 6 учреждений дополнительного образования детей: Дом детского творчества, Центр внешкольной работы «Истоки», Детская экологическая станция, Центр детско-юношеского туризма и экскурсий, Детско-юношеская спортивная школа, Детско-юношеский клуб физической подготовки «Контакт». В них обучаются воспитанники в возрасте от 5 до 18 лет. Учреждения дополнительного образования предоставляют возможность детям и подросткам заниматься самыми разнообразными видами творческой деятельности. Это: хореографическое, вокальное, театральное, изобразительное, декоративно-прикладное искусства, балльные танцы, визаж, моделирование и конструирование одежды, парикмахерское искусство, шахматы, футбол, волейбол, теннис, пауэрлифтинг, бодибилдинг, шейпинг, картинг, мотоспорт, автомоделирование, авиамоделизм, снегоходный спорт, журналистика, английский язык, русский язык, компьютерные курсы, музейное дело, краеведение, детская общественная организация и многое другое.

В Новом Уренгое проводится большое количество городских мероприятий и разного рода программ с приглашением к участию детей и подростков из разных образовательных учреждений города, организаторами которых являются учреждения дополнительного образования детей.

Отработан чёткий механизм сетевого взаимодействия с учреждениями и организациями города, позволяющий обеспечить эффективную работу по формированию у детей и молодёжи активной жизненной позиции, развитию навыков социального поведения и профессиональную ориентацию.

Для успешной реализации проектов и создания условий для работы с детьми, с целью предъявления результатов их творческой деятельности учреждения дополнительного образования активно вступают в партнёрские отношения с Управлением культуры города, Управлением физической культуры, спорта и туризма, Управлением молодёжной и семейной политики, Управлением социальной защиты, взаимодействуют с Советом ветеранов, Советом солдатских матерей, Советом воинов-интернационалистов, организацией «Ямал – потомкам», со средствами массовой информации.

Эти учреждения обладают штатом квалифицированных педагогов и специалистов, большим практическим опытом организации крупных массовых мероприятий разного рода для детей и молодёжи, они объединяют в сетевую систему все образовательные учреждения города.

Организация любого конкурса, состязания проходит несколько этапов: первый – на уровне образовательного учреждения, далее – на городском уровне, затем победители муниципального уровня направляются для участия в окружных, Российских, Международных конкурсах и соревнованиях.

Сложившаяся система предъявления результатов позволяет ежегодно вести мониторинг достижений наиболее талантливых воспитанников.

Кроме того, разрабатывается и ведётся портфолио лучших воспитанников, многим из них оно оказывает существенную помощь при поступлении в вузы по выбранному профилю.

Преемственность является одной из главных особенностей действующей системы конкурсов: воспитанники плавно переходят от одной возрастной группы участников к другой, постепенно наращивая своё мастерство, находясь в состоянии состязательности практически весь период детства и юности.

Все культурно-массовые и спортивные программы организуются ежегодно, образуя систему годового круга, цикла. Такой подход требует постоянного поддержания творческой или спортивной формы, совершенствования мастерства, наработки нового репертуара, материала, обновления реквизита, костюмов, декораций, фонограмм, что является необходимым условием участия воспитанников в новом учебном году в традиционных конкурсах.

Так, 13 лет в Новом Уренгое проводится один из любимых детьми Фестиваль детского и юношеского творчества «Радуга», прошёл в городе в 12 раз. Это цикл из 4 конкурсов по вокалу, хореографии, театру, художественной декламации, 8 мероприятий, в которых участвуют все школы города, учреждения дополнительного образования, ПУ-31, Педагогический колледж, с охватом детей – более 800 человек. Завершается фестиваль заключительным Гала-концертом, на котором демонстрируются лучшие номера, награждаются лауреаты и дипломанты, присутствуют представители Управления образования, Администрация города, что очень значимо для детей. Победители этого фестиваля направляются для участия в окружных, Российских, Международных состязаниях.

Для дошкольников от 4 до 7 лет в городе организуется Фестиваль детского дошкольного творчества «Семицветик». Он является «младшим братом» фестиваля «Радуга» в вопросе преемственности развития юных дарований.

Традиционными стали Вернисажи детского и юношеского творчества «Зимние узоры» и «Весеннее вдохновение» по изобразительному и декоративно-прикладному искусствам. Они проводятся ежегодно в течение 14 лет в образовательных учреждениях в дни каникул, их активно посещают родители со своими детьми, общественность города, гости. Вернисажи оценивает жюри, подводятся итоги, торжественно награждаются победители. Охват детей – более 1500 участников.

Юноши состязаются в городских соревнованиях по пауэрлифтингу и «жиму лёжа». Они проходят среди клубов в 3 этапа, охват подростков – около 300 человек, пропагандируют здоровый образ жизни, выявляют сильнейших спортсменов.

Учреждения дополнительного образования спортивной направленности организует городские соревнования по мини-футболу, настольному теннису, шахматам, которые привлекают большое число школьников, выявляют одаренных спортсменов.

Привлекая к совместному досугу как детей, так и родителей, в городе ежегодно проводится городская семейная спартакиада «Стартуем вместе!».

Учреждения дополнительного образования детей постоянно иницируют новые формы городских мероприятий с целью создания условий для развития разнообразных направлений детского творчества, поддержки одарённых воспитанников.

Сотрудничество учреждений с ведущей муниципальной газетой «Правда Севера» открыло перспективу обучающимся периодически размещать свои статьи на её страницах. Совместно с редакцией газеты организуются городские конкурсы юных журналистов «На острие пера». Работы школьников оценивают специалисты газеты, филологи, лучшие статьи печатаются на страницах газеты, что является огромным стимулом подросткам для дальнейшей работы в области журналистики.

В городе действует краеведческий музей. С целью реализации национально-регионального компонента образования в нём активно проводятся занятия, лекции для обучающихся и педагогов образовательных учреждений города. Музей является центром внимания гостей города и делегаций от разных организаций муниципального образования. На базе музея проводится интенсивная поисковая и исследовательская деятельность школьников города. По итогам краеведческих исследований детские работы направляются для участия в городском конкурсе юношеских исследовательских работ, в городской олимпиаде по краеведению, на окружной слёт поисковых отрядов, где завоёвывают призовые места.

С 2004 года Дом детского творчества является муниципальной экспериментальной площадкой и работает над проблемой «Повышение доступности и качества дополнительного образования в условиях Крайнего Севера на основе использования информационных технологий». Для этого в детских объединениях преподавание ведётся с применением компьютерных технологий, педагогами разработаны новые курсы по освоению компьютерных программ. В связи с этим иницированы новые городские конкурсы компьютерных технологий (проходят 5 лет):

- конкурсы WEB- сайтов
- конкурсы компьютерной графики
- конкурсы компьютерных открыток «С Новым годом!»
- конкурсы юных программистов
- Преимущества сетевого взаимодействия

В учреждениях дополнительного образования детей, которые являются методическими центрами сетевой системы взаимодействия, проводятся городские методические объединения педагогов по разным направлениям, на заседаниях которых обсуждаются проекты положений городских конкурсов, тематика репертуара, проводятся мастер-классы ведущих специалистов, методические учёбы, консультации, корректируется опыт прошедших мероприятий.

Лучшие произведения детского творчества, отобранные в результате конкурсных состязаний, активно используются в оформлении культурно-массовых мероприятий города, тем самым стимулируя детей и педагогов к совершенствованию исполнительского мастерства. На сценических площадках города проходят торжественные мероприятия ко Дню учителя, Дню знаний, Дню защиты детей, праздничные программы в День города, в Праздник народов Севера, церемонии открытия и закрытия городских конкурсов «Учитель года», знаменательные события. Это многочисленные концерты, выставки, показательные выступления.

Дети осваивают новые знания, стили, образы, посредством ежегодного участия в системе традиционных программ, которые посвящаются знаменательным датам и событиям. Например, многие городские конкурсы были связаны с памятными и юбилейными датами: 75-летием образования ЯНАО, 30-летием образования города Новый Уренгой, 60-летием Великой Победы в ВОВ, 200-летием со дня рождения А. С. Пушкина и др.

Ситуация постоянной конкуренции между творческими и спортивными коллективами и солистами стимулирует их на совершенствование исполнительского мастерства. В результате такой многолетней практики ряд талантливых воспитанников выбирают свою будущую профессию исходя из рода своего увлечения, получают профессиональное образование и возвращаются работать в родные учреждения, в родной город.

Привлекается внимание общественности к проблемам детского творчества, в целях развития через освещение событий культурно-спортивной жизни города в средствах массовой информации.

Формирование высокой нравственности подрастающего поколения через освоение высокохудожественного репертуара, здорового образа жизни, воспитание патриотизма, толерантности, общей культуры и интеллекта способствуют наивысшему уровню развития личности.

Peculiarities of Social-cultural Development of Children in Novy Urengoy

M.A. Pavlova

Severe climatic conditions of residents in regions of the Far North, remoteness from the large cultural centres of the country, and the limitation of space for communicative dialogue are all negative factors constraining spiritual, moral and physical development of children and youth. Therefore, the major concern of the social policy of the city is not only the qualitative training of children in preschool, educational institutions, and vocational training establishments, but also the need to engage children and teenagers in systems of additional education and out-of-school work, and the organisation of free time and leisure, thus strengthening the educational component in the process.

In the city there is a developed system for involving children and youth in various kinds of creative, intellectual, and athletic activities. The operation of this system is based on the network interaction of educational institutions with the organisations, divisions of administration of the municipal union. The long-term practice of such work allows us to speak about its high efficiency, including the question of development of children and youth.

Социализация и воспитание детей в семьях вахтовиков

А.А. Кузнецова, Т.А. Вахрушева

Социализация – это процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта. Социализация личности определяется как процесс становления личности путём освоения индивидом духовных ценностей, выработанных человечеством. Личность считается социализированной, если она научена думать и поступать в соответствии с возрастом, полом и социальной ситуацией. В соответствии с этим подходом воспитание понимается как разновидность социализации, которая происходит целенаправленно. Воспитание – есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает всё: люди, вещи, явления, но, прежде всего и больше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги.

Семья выступает как институт социализации сразу в нескольких аспектах: в качестве родительской семьи, так как по её модели люди выстраивают собственную семью. Можно сказать, что существует взаимосвязь между образовательно-воспитательным подходом в родительской семье и направленностью личности в зрелом возрасте.

Семья является институтом социализации личности в зрелом возрасте и в плане своей семьи, которую создаёт человек на дотрудовой стадии (вуз) или в период трудовой стадии социализации. Несомненно, что семья (супруги, дети, другие родственники) оказывает влияние на формирование личности: становление характера, изменения ценностей, ведущих приоритетов.

И.С. Кон отмечал, что семья как фактор социализации несколько потеснилась другими институтами – прежде всего, сообществом сверстников, однако не утратила своей роли.

Формирование ребёнка в семье происходит не только в результате целенаправленного воздействия взрослых (воспитания), но и в результате наблюдения за поведением всех членов семьи. Социальный опыт формирующейся личности обогащается и при общении с прародителями, и при конфликтах с младшей сестрой, и в результате подражания старшему брату. При этом не все из перенятого и «впитанного» опыта ребёнка может соответствовать представлениям его родителей о желаемом поведении, как и не все модели поведения, взятые собственно от матери и отца, соответствуют их призывам и требованиям к ребёнку (сформированным целям). Ребёнок (подросток) впитывает и неосознаваемые родителями формы их поведения, отношения к другим и к себе.

Исследователи выделяют факторы влияния семьи на социализацию личности. К ним относятся: состав семьи, или, точнее, структура семьи как единство функционирования её членов; позиция ребёнка в семье – включает в себя его роли в семье, которые могут быть при внешнем сходстве (жизнь в семье) совершенно различны. Например, ребёнок является внуком двух бабушек, сыном своих родителей, состоящих в браке, но сам никому не является братом. Либо: он является внуком бабушки и дедушки, которых посещает в деревне, сыном своей матери и пасынком приходящего отчима (сожителя матери), младшим братом по отношению к сестре и старшим братом по отношению к брату. Формирование личности в семье оказывается различным объективно, даже если мы не вдаемся в рассуждения о стилях воспитания. Опыт единственного ребёнка в полной семье отличен от опыта ребёнка, являющегося одновременно старшим по отношению к брату и младшим по отношению к сестре в материнской семье; основные (реальные) воспитатели-социализаторы, то есть те члены семьи, которые оказали наибольшее влияние на развитие ребёнка благодаря основному уходу за ним, и те из близких людей, кто был наиболее авторитетен для ребёнка – на кого он хотел бы больше походить; стиль воспитания в семье – можно рассматривать как преобладающий стиль основного воспитателя – социализатора (например, матери) и вспомогательных социализаторов (бабушки, отца, деда); собственно личностный, нравственный и творческий потенциал семьи. Вся совокупность позитивных человеческих качеств взрослых членов семьи: нравственных качеств и преобладающих в семье ценностей; волевых (наличие-отсутствие лидерских качеств,

мужественности, способности постоять за себя и за детей); эмоциональных (теплота – холодность в отношениях между людьми); интеллектуальных (уровень развития интеллекта старших); культурных (образование, особенности культуры, в том числе этнические особенности); познавательных и творческих особенностей.

На сегодняшний день, обстоятельствами, способствующими формированию антисоциальных ориентаций, являются алкоголизм и бытовое пьянство родителей, их социально-отрицательные взгляды, нежелание заниматься воспитанием детей, систематические скандалы в семье, примеры антиобщественного поведения. Опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями показывает, что бытовое пьянство, протекающее при попустительстве общественности и семьи, оказывает на подростков более разрушительное воздействие, чем фиксированный хронический алкоголизм, который единодушно порицается и не является нормой в обществе. Непоследовательное воспитание – резкая смена стиля от строгого к либеральному, от повышенного внимания к взрослеющим детям до их отвержения – это нарушение требований к ребёнку и неумение общаться с ним.

Дети без сложившейся системы ценностей растут в семьях, где родители непоследовательны в своих требованиях и поступках, не в состоянии владеть ситуацией, поддерживать дисциплину и собственным примером приучать взрослеющего ребёнка к самоконтролю и жизни, сообразной базовым принципам. В результате у таких детей довольно рано начинают проявляться склонности к «неправильным», с точки зрения общества, поступкам. Причём проявления эти очень разнообразны и не обязательно сводятся только к деструктивным или агрессивным формам. Основную их часть составляют попытки под любым предлогом уклониться от выполнения каких-либо неприятных, но обязательных дел. Психологическая помощь малоэффективна для этой группы детей. И всё-таки, такие дети нуждаются в определённой помощи, потому что, им не хватает примера того, как управлять собой, и базовых теоретических представлений. Таким детям необходимо сформировать собственную последовательную систему ценностей, и уже одно это сможет уберечь их от многих поступков. Возникает острая необходимость в повышении роли семьи в воспитании подрастающего поколения, ведь значение взаимодействия семьи и школы, в период формирования основных социальных навыков, становится решающим фактором на жизненном пути.

В связи с этим спрос на психологические услуги постоянно растёт. Клиенты ждут реальной профессиональной помощи в решении возникших проблем. Специалисты Центра социальной помощи подросткам и молодежи г. Новый Уренгой предлагают молодёжи города свою систему организации деятельности по ряду направлений.

Специалисты Центра осуществляют (апробируют) и реализуют инновационные методики формирования социально-психологической культуры подростков и молодежи, помогают решать задачи по сохранению социально-психологического здоровья в условиях Приполярья.

В центре разработана программа «Сигнал», направленная на первичную профилактику ПАВ в подростково-молодёжной среде, развитие волонтерско-лидерского движения. Действует программа «Школа социализации подростков «группы риска», которая решает вопросы профилактики безнадзорности, правонарушений асоциальных проявлений, содействует успешной социализации адаптации молодёжи в социуме, личностному росту несовершеннолетних подростков «группы риска». Программа «Лидер» направлена на развитие навыков общения, лидерских качеств молодых людей, программа «Отцы и дети» – на гармонизацию детско-родительских отношений. Программа «Клуб общения молодая семья» способствует развитию семейной и родительской культуры, здорового образа жизни и раскрытие творческого потенциала семьи. Социально-правовую культуру молодёжи формирует программа «Школа права». В Центре работает служба экстренной психологической помощи «Телефон Доверия», которая оказывает экстренную психологическую помощь гражданам г. Нового Уренгой.

Центром были проведены социологические исследования, которые выявили проблемы и потребности молодежи г. Новый Уренгой.

В результате проведения молодежного мониторинга с целью изучения социально-психологических проблем и запросов, нравственных ориентиров подростков и молодежи города Новый Уренгой, было выявлено, что большинство из них испытывают проблемы в общении с людьми из-за неумения общаться, понимать друг друга (87%). Это может быть связано со многими причинами, например: с воспитанием в семье – ребенок один или растёт необщительным, или тип его семьи можно определить как нуклеарный, т. е. не допускает входа в неё разновозрастных людей и, таким образом, препятствует получению ребенком опыта в общении с разновозрастными категориями. Это и проблемы общения с родителями, преподавателями. Молодежи не нравится излишняя опека, контроль, недоверие, нежелание их понять. К сожалению, решение социально-экономических проблем во многих семьях отодвинуло на второй план культурное воспитание своих детей, привитие им морально-этических норм, что и показал данный опрос. Материальные блага превалируют над духовной культурой, и именно этот факт удерживает многих жителей в г. Новый Уренгой. Большинство опрошенных респондентов предпочитает жить в Новом Уренгое.

Таким образом, в современных условиях семья выступает как один из институтов социализации. Формирование ребенка в семье происходит не только в результате целенаправленного воздействия взрослых (воспитания), но и в результате наблюдения за поведением всех членов семьи. К факторам, влияющим на социализацию личности относятся: состав семьи, позиция ребенка в семье, стиль воспитания в семье, совокупность позитивных человеческих качеств взрослых членов семьи: нравственных качеств и преобладающих в семье ценностей и др. Специалисты Центра социально-психологической помощи подросткам и молодежи г. Новый Уренгой уделяют особое внимание проблеме гармонизации детско-родительских отношений. Программа «Клуб общения молодая семья» способствует развитию семейной и родительской культуры, здорового образа жизни и раскрытие творческого потенциала семьи. Педагоги-психологи апробируют и реализуют инновационные методики формирования социально-психологической культуры подростков и молодежи, помогают решать задачи по сохранению их социально-психологического здоровья в условиях Приполярья.

Socialisation and Family Education of Children in Vakhroviki Families

A.A. Kuznetsova, T.A. Vakhrusheva

The process of the formation of family-marriage relations is substantially defined by the environment and process of the socialisation of youth. Socialisation is a process and result of mastering and the subsequent active reproduction of social experience by the individual.

According to this approach, education is understood as a version of socialisation which occurs purposefully. The formation of a child in a family occurs not only as a result of the purposeful influence of adults (education), but also as a result of the supervision over behaviour of all members of the family. Today, the circumstances promoting the formation of antisocial orientations are related to alcoholism; drunkenness of parents at home, their socially-negative sights, and their unwillingness to be engaged in the education of their children are examples of antisocial behaviour.

As a result, children begin to act "wrong" from the point of view of society. Parents use wrong education in the family such as, dominating, a raised moral responsibility, absence of control, cruel treatment and so on.

Инновационные здоровьесберегающие методы в формировании адаптационной готовности дошкольников в севере

В.В. Нестерова

Состояние здоровья детей в условиях Крайнего Севера и вахтового метода работы родителей характеризует степень адаптированности организма ребенка к среде обитания. Город Новый Уренгой характеризуется высокой техногенной нагрузкой северного промышленного города, суровыми природно-климатическими условиями, природным дефицитом микроэлемента – йода. За годы обучения число учащихся с нарушением остроты зрения, опорно-двигательного аппарата возрастает в пять раз, психоневрологическими отклонениями в два раза.

В северном городе, начиная с дошкольных образовательных учреждений, работа педагогов по сохранению здоровья обучающихся связана с разработкой особого междисциплинарного направления, которое можно назвать развивающей педагогикой оздоровления. Здоровьесберегающие технологии в педагогике характеризуются как система мер по охране и укреплению здоровья детей с учетом характеристики образовательной среды, условий жизни, влияющих на их здоровье.

В дошкольных образовательных учреждениях «Цветок Уренгоя», «Елочка», «Огонек», «Теремок» применяются следующие инновационные здоровьесберегающие методы: медико-гигиенические, физкультурно-оздоровительные и образовательные (организационно-педагогические, психолого-педагогические, учебно-воспитательные, экологические). В детских садах создана комплексная эффективная система укрепления здоровья детей в условиях Крайнего Севера и вахтового труда родителей. Ведущим оздоровительным направлением являются творческая работа коллектива квалифицированных педагогических кадров: воспитателей, психологов, врачей-педиатров, среднего медицинского персонала, логопедов, музыкальных руководителей, экологов, социологов, инструкторов по физической культуре.

Успешная реализация инновационных оздоровительных методов в этих детских садах обеспечивается работой специализированных кабинетов, оснащенных современным оборудованием: медицинские кабинеты; бар с лекарственными травами; солярий и сауна; спортивный и тренажерный залы; комната психологической разгрузки и кабинеты логопеда, психолога, музыкальный и игровой залы, разнообразная предметно-развивающая среда в группах. Ведущее направление современной оздоровительной системы дошкольников включает организацию специализированных детских групп: ясельных, для часто болеющих детей, логопедических, для детей средней и старшей групп, первый класс.

Мероприятия по укреплению здоровья дошкольников проводятся по следующим разделам оздоровительной программы: ведение мониторинга показателей здоровья дошкольников; выявление неблагоприятных факторов, влияющих на них; применение общих и индивидуальных инновационных здоровьесберегающих методов по укреплению здоровья и стрессоустойчивости воспитанников; формирование у детей и родителей здорового образа жизни, особенно работающих вахтовым методом. Критерием эффективности лечебно-оздоровительной работы коллектива детского сада является хорошее состояние здоровья воспитанников, которое контролируется текущими наблюдениями, результатами ежегодных профилактических медицинских осмотров и проведением мониторинга состояния здоровья детей.

Лечебно-оздоровительная работа в дошкольных образовательных учреждениях проводится не только с группами часто длительно болеющих детей, но и со всеми воспитанниками детского сада. Во всех детских группах организованы закаливающие процедуры: воздушные ванны; хождение детей по солевой дорожке; игры с водой; полоскание зева соленой водой и отварами лечебных трав; контрастное обливание ног. В течение учебного года проводится профилактика гиповитаминоза у

детей назначением курсов лечения витаминами: ревитом, поливитом, аевитом, аскорбиновой кислотой, пиридоксином, рибофлавином, токоферолом; витаминным травяным чаем.

В оздоровительных мероприятиях для дошкольников используются адаптогенные препараты для повышения защитных иммунных механизмов организма детей: чередование курсов приема экстракта элеутерококка, левзея, меда и витаминного чая из лекарственных трав с адаптогенным свойством; отвары витаминных лекарственных трав, витаминотерапия; посещение сауны. Особенно важно их применение у дошкольников в период роста частоты острых респираторно-вирусных инфекций. Ароматизация помещений дошкольных учреждений применяется для профилактики инфекционных заболеваний у детей распылением ароматических масел с бактерицидным действием.

В условиях полярной ночи у воспитанников отмечается высокая нагрузка на орган зрения, что неминуемо приводит к ослаблению мышц глаз и нарушению зрительной функции. Эффективность оздоровительных мероприятий, направленных на охрану зрения дошкольников, во многом зависит не только от врача, но и от педагогов, которые имеют представление об особенностях строения и функционирования органа зрения дошкольников и применяют оздоровительные педагогические, гигиенические методы в течение учебного года.

В детских садах разработаны развивающие педагогические методы для развития двигательной активности детей. Организуется ориентирование детей по заданному маршруту и с игровым сюжетом при посещении разных занятий. Преодоление детьми дорожек-препятствий и выполнение разных видов ходьбы. Проводятся педагогами занятия в секции по теннису и клубе «Атлет», физкультминутки в течение дня для снятия утомления глаз и массаж глаз. Применяется постепенное пробуждение детей под музыку с гимнастикой в кровати и преодолением полосы препятствий из 3-4 предметов.

Психологические методы для развития адаптационных возможностей детей дошкольного возраста включают упражнения для развития речи, слуха, познавательных процессов; развитие эмоционально-волевой сферы и коммуникативных способностей; работа с одаренными детьми; изучение правил безопасного поведения в социуме; занятия по формированию здорового образа жизни; занятия по экологическому и культурному воспитанию детей; систематическая работа по формированию здорового образа жизни в семье и осознанного отношения родителей к здоровью детей.

В дошкольных учреждениях обеспечивается такая система организации жизни воспитанников, которая предупреждает у детей, поступающих в детский сад, развитие психоэмоционального стресса. В последнее время отмечается заметный рост числа детей дошкольного возраста, у которых наблюдаются те или иные отклонения в психоэмоциональном развитии. Именно эмоциональное выпадение ребенка из коллектива ровесников является одним из первых признаков «социального вывиха» и может привести к отклонениям в формировании личности даже без выраженных нарушений в психоэмоциональном развитии. Кроме того, восемьдесят процентов родителей неадекватно оценивают возможности и проблемы своих детей, что существенно затрудняет формирование позиции сотрудничества с персоналом детского сада, а у детей затрудняется развитие устойчивой самооценки и мотивации к преодолению трудностей.

Особую значимость в системе организации коррекционно-развивающей помощи дошкольникам приобретает педагог-психолог, позволяющий создать оптимальные условия для адаптации и адекватного самоутверждения «проблемного» ребенка в семье и детской группе. В дошкольных образовательных учреждениях создана психологическая служба, задачами деятельности которой являются выявление проблем поведения у детей на раннем этапе развития; оказание помощи в обеспечении развития здоровой личности; коррекция разного рода затруднений в развитии ребенка.

Одним из ведущих показателей состояния здоровья воспитанников и эффективности проведения оздоровительных мероприятий в детском саду является число пропущенных дней ребенком по болезни. Анализ пропущенных дней по болезни одним ребенком за год по группам выявил, что у детей ясельных групп пропущенных дней больше, чем у детей старшего возраста: восемнадцать дней у ясельных групп и семь дней у детей детского сада. В среднем число пропущенных дней одним ребенком в детских садах составляет двенадцать дней. Сравнительный анализ этих показателей со средне-российскими показателями (четырнадцать дней) говорит о том, что уровень заболеваемости детей в дошкольных образовательных учреждениях в г. Новом Уренгое несколько ниже российских показателей.

Наиболее распространенная медицинская группа здоровья, которая наблюдается у воспитанников этих дошкольных учреждений – это вторая группа здоровья (восемьдесят процентов). Выявлены у дошкольников из второй медицинской группы следующие отклонения в состоянии их здоровья: дефект речи (двадцать процентов); часто болеющие острыми вирусными заболеваниями дети (двадцать процентов), из них пятнадцать процентов детей с хроническим тонзиллитом и пять процентов детей с аденоидитом. Нарушение осанки в сочетании с плоскостопием и нарушением зрения встречается у восемнадцати процентов воспитанников; тубинфицированность – у двенадцати процентов детей; последствия перинатального поражения нервной системы легкой степени – у десяти процентов дошкольников детского сада «Цветок Уренгоя».

Наименьшее число детей выявлено в третьей медицинской группе здоровья с хроническими заболеваниями разных органов и систем (хронические заболевания с сохраненной функцией органов) – пять процентов детей со следующими заболеваниями: патология центральной нервной системы легкой степени, респираторный аллергоз и патология мочевыводящих путей (инфекция мочевыводящих путей). Необходимо отметить, что в процессе здоровьесберегающей деятельности педагогов у дошкольников отмечается улучшение состояния здоровья детей и характеризуется тем, что общее число здоровых детей в возрастных группах с пяти лет до шести лет увеличивается в три раза по сравнению с ясельным возрастом.

В детских садах инновационные здоровьесберегающие методы в условиях вахтового труда родителей обеспечивает укрепление здоровья детей с высокой адаптационной готовностью к обучению в школе и различным изменениям в обществе.

Литература

Глебова Е.И., Бухарова Г.Д. Здоровьесберегающая педагогика: Истоки и перспективы развития. Екатеринбург: Изд-во ВГППУ, 2005.

Развитие адаптационной готовности молодежи: Коллективная монография / Науч. ред. Г.А.Дзида, Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008.

Innovative Methods in Health Preservation Aiming at Successful Adaptation of Pre-school Children to Northern Conditions

V.V. Nesterova

In the conditions of the Far North and commute method of work of parents the good health of children is the important factor of their ability to live and to participate actively in physical and mental activities, in public and private life.

Under pressure of the psycho-emotional sphere with the raised level of uneasiness, aggression is observed at children-northerners.

The modern system of health preservation of preschool children is provided with work of the qualified experts using innovative preservation of health methods, the organisation of the specialised offices, the special in detail-developing environment which strengthens the health of children with high adaptable readiness for various changes in the nature and in a society.

Сотрудничество семьи и дошкольного образовательного учреждения по воспитанию у детей активной жизненной позиции

З.Д. Ануфриева, Е.Ю. Кабаленова, Т.М. Трошкова

В настоящее время социальная нестабильность в стране, вахтовый метод работы на Крайнем Севере, постоянно возрастающий темп жизни, повышенное внимание к материальной обеспеченности семьи отвлекает родителей от задач воспитания и развития собственных детей. Происходит уменьшение общения матери и отца с ребенком; дефицит с их стороны внимания и душевного тепла; недостаток практического взаимодействия взрослых с ребенком; неумение разобраться в мотивах его поведения; игнорирование духовных потребностей; незнание содержания и методов воспитания дошкольников. Кроме того, большинство родителей чувствуют себя неуверенно в роли воспитателей своих собственных малышей.

Ближе всего к ребенку и проблемам его воспитания стоят педагоги дошкольного образования, которые заинтересованы в создании благоприятных условий для развития малыша, в повышении педагогической культуры родителей. Задача педагогов не просто привлечь на свою сторону родителей, а выработать совместную стратегию успешного развития ребенка. Позитивный настрой в общении, открытость, готовность к диалогу, компетентность в вопросах воспитания, единое пространство развития здорового ребёнка, личностные качества – вот инструменты для построения крепкой основы сотрудничества детского сада и семьи⁸².

Отсутствие внимания со стороны взрослых с раннего детства ставит перед ребёнком сложную задачу – преждевременно стать взрослым. Это порождает у него ощущение ненужности, одиночества. В такой семье создаются условия к формированию девиантного поведения детей, в том числе употреблению психоактивных веществ. Избыток в семье внимания к детям способствует развитию у них низкой самооценки, эгоцентризма, повышенной тревожности, а иногда и немотивированных страхов. Противоречивое воспитание, как правило, связано с внутрисемейными конфликтами, которые могут привести ребёнка к покорности, боязливости, эмоциональной скованности, депрессивности. Когда родители предъявляют к ребёнку завышенные требования и ограничения, не считаясь с его желаниями, тогда у ребёнка проявляется несамостоятельность, мнительность, скрытность, склонность к обману, заниженная самооценка

Воспитание детей одним родителем (в неполной семье) – психологи говорят о том, что дети в неполных семьях живут в состоянии постоянного чувства обделенности, неудовлетворенности. Очень часто такие дети пытаются показать себя социально-привлекательными для окружающих, а это может привести к слабхарактерности, чрезмерной вежливости, угодничеству.

Постоянная занятость родителей – принципиальным отличием такой семьи является ориентация на карьеру. В таких семьях у родителей не хватает времени на общение с детьми, их воспитанием занимаются бабушки, дедушки или гувернантки. Поэтому дети часто испытывают дефицит общения со взрослыми и сверстниками, так как их воспитание и образование часто носит индивидуальный характер. Дети в таких семьях, как правило, замкнуты, малообщительны, так как у родителей не хватает времени на общение с ними⁸³.

⁸² Доронина Т.Н., Жичкина А.Е., Голубева Л.Г. и др. Защита прав и достоинства маленького ребёнка. Координация усилий семьи и детского сада. М.: Просвещение, 2003.

⁸³ Николаева Я.Г. Воспитание ребёнка в неполной семье. Организация педагогической и социальной помощи неполным семьям: Пособие для психологов и педагогов. М.: Гуманитар.изд.центр ВЛАДОС, 2006.

В детском саду психолого-педагогические исследования свидетельствуют о том, что эффективность взаимодействия педагога с родителями во многом зависит от изучения семейной среды. Современные родители достаточно грамотны, имеют доступ к педагогической информации через периодические издания, Интернет и педагогическую литературу. Но часто они пользуются случайной литературой, бессистемно. Иногда воспитывают детей интуитивно, «как воспитывали меня», некритично относятся к тем или иным проявлениям развития ребёнка. Социально-психолого-педагогическая характеристика семей выявляет факторы риска, которые отрицательно сказываются на способности семьи воспитывать здоровых детей. Полученная информация психолого-педагогических исследований анализируется и объединяется в банк данных семей воспитанников.

Познавательная деятельность родителей реализуется через родительские собрания, дни открытых занятий, выпуск тематических газет; привлечение родителей к участию в проведении занятий, в работе кружков для детей; конференции, круглый стол, кино-университеты, клубы; информационные стенды. Родители помогают в оформлении и подготовке поощрительных призов, оценке результатов совместных мероприятий, непосредственно участвуют в мероприятиях, создавая собственные или смешанные команды.

В детском саду осуществляется эффективное взаимодействие педагогов и родителей по следующим направлениям:

психолого-педагогические исследования, которые позволяют увидеть особенности семейных отношений дошкольников, проблемы его воспитания в семье, понять причины возникновения этих проблем, оценить эффективность взаимодействия педагога с родителями и определить перспективы дальнейшего взаимодействия;

групповая работа по объединению усилий специалистов и родителей в совместной деятельности по воспитанию и развитию дошкольников. В детском саду создан коллектив как единое целое, как большая семья, которая сплочается, интересно живет заинтересованной деятельностью педагогов, детей и родителей. Активному включению педагогов в работу с семьей помогает использование инновационных моделей взаимоотношения семьи и образовательного учреждения;

индивидуальная работа с семьями обеспечивается созданием индивидуальной модели взаимодействия педагогов (специалистов) и родителей по развитию потенциальных возможностей конкретного ребенка.

Родительское собрание рассматривается как одна из основных форм работы педагогов с семьями воспитанников. Тематика собраний разнообразна: «Семейные традиции», «Будем знакомы», «Собрание бабушек и дедушек», «Искусство хвалить» и др.

Педагоги особое внимание уделяют общению отцов и детей: как привлечь отцов, многие из которых работают вахтовым методом, к воспитательной деятельности в группе, повысить их роль в воспитании ребенка? С этой целью организуются консультации, специальные встречи с отцами воспитанников, проводятся собрания «Мужская рука» и др. Эти собрания проходят в форме «круглого стола», тематических дискуссий родителей с приглашением специалистов, в которых заинтересована семья.

Родительский лекторий «Академия для родителей» способствует повышению педагогической культуры родителей, их психолого-педагогической компетентности в семейном воспитании, выработке единых подходов семьи и детского сада к воспитанию детей. В определении тематики мероприятий участвуют родители.

Сотрудничество семьи и детского сада с применением инновационных педагогических методов формирует единство их воспитательных воздействий, обеспечивает воспитание у детей активной жизненной позиции с успешной адаптацией в современном обществе в условиях Крайнего Севера.

Литература

Доронова Т.Н., Жичкина А.Е., Голубева Л.Г. и др. Защита прав и достоинства маленького ребёнка. Координация усилий семьи и детского сада. М.: Просвещение, 2003.

Николаева Я.Г. Воспитание ребёнка в неполной семье. Организация педагогической и социальной помощи неполным семьям: Пособие для психологов и педагогов. М.: Гуманитар.изд.центр ВЛАДОС, 2006.

Cooperation of a Family and Pre-School Educational Institution in Forming Active Vital Position of Children

Z. D. Anufrieva, T. M. Troshkova, E. JU. Kabalenova

The combination of the current social instability in the country, the commuting method to work in the Far North, the constantly increasing cost of living, and the special attention paid to material security of a family distracts parents from problems of the education and development of their own children.

Pre-school teachers, who are interested in creating favourable conditions for children's development, are closest to a child's problems with education.

In northern cities, teachers at pre-school educational institutions have created favourable conditions for the development of an active vital position for pupils and an increase in the pedagogical culture of parents.

The readiness of parents to engage in dialogue with openness and a positive spirit, combined with the pre-school teachers' competence on questions of the education of children, create a uniform space for development of a healthy child and his/her personal qualities. This is the basis for and benefit of effective cooperation between kindergarten and a family.

Профилактика метеотропных реакций, как фактор повышения качества образования

И.А. Гайдадина

Климат Нового Уренгоя относится к дискомфортным территориям с крайне интенсивным природным и нарастающим техногенным прессингом на здоровье людей, с сильным напряжением адаптационных систем организма. Основными климатообразующими факторами нашего региона являются: солнечная радиация, циркуляция воздуха и подстилающая поверхность. Под влиянием этих климатообразующих факторов при всех вариантах полярного климата создается своеобразная физико-географическая среда, общими чертами которой являются: отрицательный радиационный баланс, интенсивная циклоническая деятельность, общая неустойчивость и изменчивость погоды, резкие колебания метеорологических факторов, повышенная геомагнитная активность, изменение фотопериодизма.

Все эти факторы отрицательно влияют на здоровье человека, в том числе и на детей дошкольного возраста.

В мае 2006 года центру развития ребенка присвоен статус окружной экспериментальной площадки по теме «Комплексное формирование личности детей дошкольного возраста средствами физического воспитания, проживающих в климатогеографических условиях Крайнего Севера», научное руководство осуществляет группа учёных Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (кафедра дошкольного образования, научный руководитель проекта - профессор, доктор педагогических наук Ю.К.Чернышенко).

В рамках данного проекта была разработана методика профилактики метеотропных реакций и повышения общей резистентности организма, позволяющая нивелировать отрицательное воздействие климатопогодных факторов на формирующийся организм дошкольников.

Контрольные группы были организованы в МДОУ «Цветок Уренгоя». Изучалась метеочувствительность детей 3-6 лет в течение педагогического эксперимента, который выявил сведения, характеризующие частоту обращений с жалобами и особенностями поведения детей 3-6 лет при неблагоприятных метеорологических условиях.

Ежемесячно медицинскими специалистами ДООУ (врач-педиатр, старшая медсестра, инструктор ЛФК, медсестры по массажу, физиокабинета и бассейна), осуществлялся углубленный осмотр детей. По их рекомендациям разрабатывались программы оздоровительно-профилактических мероприятий (витаминотерапия, фитотерапия, ультрафиолетовое облучение, ионизация воздуха, инфракрасное излучение, водолечение (гидромассаж)).

При поступлении неблагоприятного прогноза погоды вносилась коррекция в терапию метеочувствительных детей. В эти дни и, по возможности, накануне уменьшалась доза ультрафиолетового облучения и других физиотерапевтических назначений, а также снижалась нагрузка при проведении лечебной физической культуры и занятий по физическому воспитанию.

Постоянное поддержание организма в реакции повышенной активации – лучший способ профилактики адаптационных нарушений у детей, проживающих на Севере. В слайде представлена система физкультурно-оздоровительных мероприятий для дошкольников 3-6 лет МДОУ ЦРР д/с «Загадка» в режиме дня, которые способствуют повышенной активации детей.

Во время физкультурных занятий на начальном этапе дети занимались в носках и без маек, а через месяц используется методика «босохождения» М.Н.Кузнецовой (1993). После занятий

двигательной активностью (утренняя гимнастика, физкультурные занятия, подвижные игры и т.д.) с детьми старшего возраста проводилось обширное умывание по методике В.Г.Алямовской (1993), а в младшем возрасте использовались элементы обширного умывания.

С детьми младшего дошкольного возраста полоскание рта проводилось кипяченой водой комнатной температуры после каждого приема пищи. Дети старшего дошкольного возраста после завтрака полоскали горло водой комнатной температуры.

В зависимости от погодных условий и видов деятельности в первой половине дня возможно смещение прогулки на более раннее время, что довольно часто происходит в связи с большими перепадами температуры. В час двигательной активности, в третье физкультурное занятие, которые приводят воспитатели групп, включены элементы дыхательной гимнастики, корригирующие упражнения для осанки. Если погодные условия не позволяют вывести детей на прогулку, она проводится в хорошо проветренном помещении (до 13-14°) в кофтах и колготках в зале двигательной активности. Дети имеют возможность выйти на прогулку в зимний сад. В коридорных помещениях, в залах и группах организуются подвижные игры.

Во время сна обеспечивается приток свежего воздуха в спальню, посредством проветривания соседнего помещения.

Значительная продолжительность темного времени суток (полярная ночь) в регионах Крайнего Севера отрицательно влияет на показатели зрения детей. В этой связи были расширены комплексы упражнений для профилактики нарушений зрения.

Необходимо отметить, что получение оздоровительного эффекта возможно при условии использования упражнений рационально сбалансированных по направленности, величине нагрузки, интенсивности и объему в соответствии с индивидуальными возможностями детей, при строгом соблюдении принципов постепенности и систематичности.

Так как воздействие неблагоприятных климато-географических факторов на организм ребенка происходит практически во все сезоны года, профилактические мероприятия у детей-северян проводятся круглогодично.

Изучение результатов, характеризующих показатели после педагогического эксперимента позволяют констатировать, с одной стороны, -увеличение количества негативных поведенческих реакций при неблагоприятных метеоусловиях у детей контрольных групп (на 8,3%) и уменьшение аналогичных параметров у детей экспериментальных (на 31,4%). Общее количество обращений с жалобами на головные боли и негативных проявлений в поведении (утомляемость, гипервозбудимость, немотивированное недомогание и снижение двигательной активности, эмоциональная лабильность, снижение аппетита) у детей 3-6 лет контрольных групп после эксперимента на 85% превосходит показатели экспериментальных.

Метеочувствительность у детей контрольных и экспериментальных групп как до, так и после эксперимента имеет одинаковую направленность. Установлено, что в обеих группах наибольшие относительные величины наблюдаются по показателям утомляемости, наименьшие – снижение аппетита. Остальные характеристики распределились следующим образом (по мере уменьшения значимости): гипервозбудимость, немотивированное недомогание, эмоциональная лабильность. Необходимо отметить, что аналогичная метеочувствительность в этом же возрастном диапазоне выявлена в предварительных исследованиях.

До эксперимента относительные показатели метеочувствительности детей контрольных и экспериментальных групп по всем изучаемым признакам существенно не отличались – от 0,3% по показателям возбудимости и немотивированного недомогания, до 1,2% признаков утомляемости.

После эксперимента установлены более существенные различия в относительных показателях. Так, признаки утомляемости, перевозбудимости и головные боли у детей экспериментальных групп в среднем превосходят на 1,9% аналогичные показатели детей контрольных групп. По остальным изучаемым признакам (немотивированное недомогание, эмоциональная лабильность, снижение аппетита и показатели уровня развития детей) наблюдается обратная картина, дети из контрольных групп превосходят детей экспериментальных в среднем на 2 %.

Очевидно, целенаправленные педагогические воздействия неоднозначно влияют на различные показатели метеочувствительности детей, как на общее состояние здоровья ребенка, так и на повышение качества образования.

В заключении можно отметить, что эффективность разработанной методики профилактики метеотропных реакций у детей косвенно подтверждается меньшими абсолютными показателями количества негативных поведенческих реакций, повышением уровня развития детей, но всем показателям в конце эксперимента в экспериментальных группах по сравнению с контрольными.

Prevention of Meteotropic Reactions among Children Aged 3-7 as One of the Factors for Enhancing Education Quality

I.A. Gaidadina

Climate in Novy Urengoy adds to the extremely intense natural and growing technogenic pressure on human health within this discomfort region. Climate-forming factors in all polar climates contribute to the establishment of a specific physical-and-geographical environment which adversely affects human health, including the one of preschool children.

Within the regional experiment "Integrated Formation of the Personality through Physical Education of Preschool Children Residing in the Climatic and- Geographical Environment of the Arctic", science guidance has been provided by the group of researchers of Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism. The team of teachers and educators at the Zagadka Kindergarten (Municipal Preschool Educational Institution, Child Development Center) located in Novy Urengoy has developed the methodology for preventing meteotropic reactions and enhancing the general non-specific bodily resistance, allowing adverse impact of climate/weather factors on forming organisms of preschool children to be prevented through means of physical education. Individual programs are developed for medical/pedagogical support to children, comprising the complex of therapeutic-and-prophylaxis, health-improving and intervention measures (vitamin therapy, pytho therapy, uvulizing, air ionization, infrared radiation, hydrotherapy (hydro massage). Information technologies are applied for complex automated prophylactic medical examinations (AKDO) of preschool children, which allow us to identify, with high accuracy, deviations in their health (up to 90%) for 24 profiles of pathologies at early stage of illness.

The efficiency of the research conducted by the pedagogic team during the experiment is confirmed by the credible growth of physical fitness indicators, higher indices of physical properties increase, lower morbidity rates, and reduced occurrence of meteotropic reactions.

Эстетический пласт культуры личности как результат обучения и воспитания в филиале вуза

Е.В. Шаповалова

В районах Крайнего Севера предусмотрено решение социально-экономических проблем студенческой молодежи, оказание содействия в ее трудоустройстве, развитие системы молодежного отдыха и оздоровления, развитие художественного творчества, массового молодежного спорта, поддержка студенческих общественных организаций.

Обладая огромными созидательными возможностями для развертывания своей жизненной траектории и участия в решении актуальных социальных, хозяйственных, экономических и других проблем социума, российское студенчество переживает период самоосуществления, сопровождающийся многочисленными трудностями и испытаниями. Зачастую это негативно сказывается на степени активности, самостоятельности молодых людей в обустройстве своей и окружающей жизни. Одним из механизмов повышения активности студенчества может стать педагогически целесообразное преобразование и развитие социокультурной среды вуза.

The Aesthetic Layer of the Culture of a Person as a Result of Training and Education in a Branch of High School

E.V. Shapovalova

In the Far North regions the decision of social and economic problems of student's youth, rendering assistance in its employment, development of system of youth' rest and employment, development of art creativity, mass youth sports, support of student's public organizations is stipulated. Author notes that Russian student experiences the period of self-realization, accompanied by numerous difficulties and ordeals. Frequently it negatively affects a degree of activity, independence of young men in arrangement of their own and surrounding life. One of the mechanisms of increasing students' activity can be pedagogically expedient transformation and development of high school socio- cultural environment.

Successful development of a society means an aspect of formation of high civilization, the feeling of a person, the perfection of a level of manufactured good's culture and its management. The culture of any socioeconomic structure or society at the given stage of its historical development includes a certain level and character of material and spiritual manufacture, all set material and cultural wealth, their distribution within society and the skills of people to actively and creatively develop and apply the given values in various practical activities on transformation of a society and the nature. Here again it is necessary to emphasize the distinctive features of material and spiritual culture of a society. The material culture is a standard of work, manufactured items, exchange and consumption of products and goods, and it is also the culture of a life. The spiritual culture is a culture of the management of a society, moral and aesthetic culture, culture of scientific thinking and behaviour, and the culture of language and communication. The level of development material, both cultural wealth and the degree of their distribution in a society, acts as the objective precondition of aesthetic culture's formation of the person. The familiarization of a person with these values, their creation, consumption, preservation and distribution leads to an indispensable condition of formation of the general and aesthetic culture of each person.

To have an opportunity to join in the material and cultural wealth, to create and use them, a person should possess known subjective abilities: to have a certain formation, taste, need, interest.

In modern Russia, in particular in our region, modernization of society assumes the transition from an industrial society to an information society in which processes of generation and distribution of knowledge become key. To a strong degree this process leans on the development of the educational system.

The modernization of a society also assumes the coming of a new culture in which values are independent action and enterprise is connected to values of joint liability for public welfare and steady interaction of society and nature. Formation plays a major role in this process, and every teacher should motivate students to increase their knowledge and interest in becoming engaged in a science.

At the same time in a modern society the work of the teacher is also focused on the development and education of the personality of the pupil, and not just on the transfer of a complex of knowledge and skills. Today, the internal desire to study and go deep into a subject and a science overcomes a few people, however everybody need to become a person! Still, Socrates approved: the main need of the person is the need for self-improvement, specifying dependence of destiny of the person on activity and efficiency of its work above itself. Classicist of German philosophy, I. Kant, speaking about self-value of each person, attached special significance to its moral becoming and perfection as to rod process of the general self-development. Another German philosopher, Hegel, considered that the person and its history are the result of his/her own activity on the basis of work of consciousness. Moreover, Hegel reduced all essence of the person to consciousness. Today many aspects of the world, except for the private world of a person, are opened; it is easier for a person to solve the secrets of the Universe, than the secrets of his/her own ego, i.e. to gain independence in a social and spiritual self-search.

Self-determination is the ability of an individual to put such purposes which are most adequate to its internal essence. The more clearly a person recognizes him/herself, the more distinctly he or she is able to express his/her self-determination and thus, self-realization is more probable. The person who has followed a way of self-determination, is capable of overcoming the need to search for support in external support as the ability to lean completely on him/herself is peculiar to him/her – to make an independent choice, to take of a position, to be open and ready to any new turns of the vital way. Such a person ceases to depend on external estimations, s/he approves of him/herself and finds an internal basis in him/herself, his/her idea is not clamped and not fixed by frameworks of standard interpretations, in contrast, it continuously develops, inventively answering a situation here-and-now.

Personal self-determination is inextricably connected with the way of the future – it is the choice of the future's vital way, caused by a need to find a place in the general stream of life, to find a purpose and sense of the existence which, it is possible to tell, lasts all life. Importantly, it arises at a youthful age at which intrapersonal discrepancy is not expressed in a 'weakness of will, but weakness of purpose'.

Assuming the attitude to the person as basic value of social development, the domestic pedagogies focus attention on the personality of the young man, the maximal disclosing and development of its individual potential, becoming of subject qualities. At the same time, modern society requires people with a high level of personal energy, responsibility, ability to active creative self-realization and productive finishing self-building for realization of individual and public interests. All this indicates that concerns of formation include increasing learning efficiency, civil education, and the creation of a mental potential of a society, or in other words, the all-around development of a person.

Realization of the law on the formation, proclaimed priority of free development of the person and pluralism in formation, includes two aspects closely connected among themselves. The first is the strengthening independent culture-creating functions of formation, its openness to innovations, close communication with dynamically varying society; the second is the orientation to the statement of personal self-value, transformation of formation on its deep essence in the internal process of personal becoming. The basic feature of a modern reality in the sphere of higher education is the requirement of fully disclosing the creative potential of the future expert, strengthening of his/her personal responsibility for social realization of his/her own applicability, and also the ability to make decisions about concrete problems.

In our region, the decision of social and economic problems of students' youth stipulates the rendering of assistance in employment, the development of the system of youth rest and improvement, the development of art creativity, mass youth sports, and support for students' public organizations. It is

necessary to note, that, possessing huge creative opportunities for expansion of the vital trajectory and participation in the decision of actual social, economic and other concerns of society, the Russian student body experiences the period of self-realization accompanied by numerous difficulties and ordeals. Frequently this negatively affects, to a degree, the activity in the independence of young men in arranging his own and surrounding life. One mechanism for increasing students' activity can be the pedagogically expedient transformation and development of socio-cultural environments of high school.

The socio-cultural environment of high school is the integrative factor of personal becoming of the student, whose influence is mediated through inclusion of the student in its various spheres. It represents a space of joint ability to the lives of students, teachers, and employees whose structure is determined by features of the educational establishment in the maintenance of a choice of values, the development of culture, vital senses, ways of cultural self-realization, and the disclosing of individual resources of the person. The character of such influence is caused by pedagogical characteristics of the environment of high school.

We have carried out research among students specialised in finance and credit, trained at Tyumen State University in 2002-2007. The research has shown: The test for definition of a degree of erudition was done on a group of first-year students in 2002. These were 24 students who had completed comprehensive school at the age of 17. The test represented a set of 40 tasks including various directions on which the degree of erudition is measured: knowledge of public data and facts from different fields of knowledge; an estimation of understanding of expressions' sense, abilities to make judgments and understanding of public norms ("common sense" in the sanction of social situations); presence of ingenuity and attention; connection to cultural wealth, etc. Each member of the group independently answered the test questions. Thus, the degree of erudition of each student has been revealed. The test has a 6-ball rating scale of a degree of erudition: 1 – very low, 2 – low, 3 – below average, 4 – above average, 5 – good, 6 – very good. I.e. 1 – the minimal point, 6 – maximal.

Results of testing (Appendix 1):

- 6 points – 0 students
- 5 points – 2 students (8.33%)
- 4 points – 6 students (25%)
- 3 points – 8 students (33.34%)
- 2 points – 5 students (20.83%)
- 1 point – 3 students (12.5%)

In the 5th year of the course we have led the repeated test of revealing a degree of erudition in the same group.

Results of testing (Appendix 2):

- 6 points – 2 students (8.33%)
- 5 points – 8 students (33.34%)
- 4 points – 4 students (16.67%)
- 3 points – 5 students (20.83%)
- 2 points – 3 students (12.5%)
- 1 point – 2 students (8.33%)

Thus, results of testing have shown that the number of people who gained the maximal points (5-6) has considerably risen, and the number of students who gained 1-4 points has decreased.

In the first year of the course, the majority of group members (33.34% from the general number of group) have received 3 points – a degree of erudition « below average », whereas in the fifth year of the course, the same majority has 5 points – a degree of erudition "good".

It testifies that students have received good knowledge for years of training not only on a speciality, but also from different areas. They have also attained skills of business dialogue and etiquette, of amenity. Clearly there is a process of education of the person to a level of aesthetic culture above the former.

Thus, the formation of aesthetic culture of the person in educational establishments which incur the important mission of training and education of youth depends on a precisely organized system, forms and methods of training and the education of young men about customs and traditions of an educational institution.

Certainly, the culture of the person is formed by such spheres as work, life, sports, dialogue with other people and nature. In each separate case it is reasonable to speak about the specificity and necessity of the purposeful educational process being adequate to handle panhuman problems of the formation of high aesthetic culture.

The process of the purposeful formation of aesthetic culture of the person should cover not only the sphere of his consciousness (feeling, tastes, ideals, needs, interests), but also the corporal organization. Under so-called "external culture" it is understood in this case not only culture of a body (corporal harmony), but also a standard of speech, movements, gestures, mimicry, etc.

In "Laws" Platon marked, for example, that in the same "heavy circumstances" gestures and speeches of the courageous soul and the cowardly soul will not be alike: for courageous people they are fine, for cowardly – are ugly. People do not speak so casually, that one in anger is fine, and another in love is disgusting. But it is quite clear that external displays of spirit of two courageous people of different education and a way of life (mimicry, movements, gestures) also will be different. A well brought up person possessing high aesthetic taste, developed enough physically, will be beautiful both in movement and in statics.

External beauty, however, is not an end in itself; it should be an expression of the internal culture of the person. Otherwise it turns out to be a beautiful environment hiding an internal emptiness. Practice shows that the general and aesthetic culture that appears in judgments of people does not always correspond to acts and affairs; it does not coincide with them.

The level of aesthetic culture of a person also as a level of aesthetic consciousness varies depending on individual development during one's life. To find effective ways and forms of development, formation and satisfaction of aesthetic needs, interests and tastes of youth is possible only on the condition that we shall know their maintenance and character, and also tendencies of their development and change.

Formation of the aesthetic attitude and aesthetic activity in all displays (work, dialogue, religion, attitude to nature) promotes the development of an inner world, i.e. it is a means of an all-around development of the person.

Aesthetic education acts as one of the major means of transformation of moral installations in the image of feeling a life and style of behaviour. The fact that public life is characterized by progressive economic, political and moral positions as something necessary and fair, from the aesthetic point of view is considered to be fine. Reunion in consciousness of the person of these aspects in the form of the complete emotional-rational attitude to the world serves both the mortgage, and a condition of its harmonious integrity.

References

Artamonova E.I. Philosophic-pedagogical basis of development of spiritual culture of the teacher // www.mpgu.ru

Kazakova S. Yu. Perfection of economic formation in a complex " School – college – high school ": report/ Collection of works of Interuniversity scientifically-practical conference " Modern problems of becoming of a high school teacher's professional-pedagogical culture". Rostov-na-Donu: Publishing house of Rostov state pedagogical university, 2006. – pp. 12-16.

Konakov E.V. Socio-cultural environment of high school as the pedagogical factor of personal becoming of the student // www.rspu.edu.ru

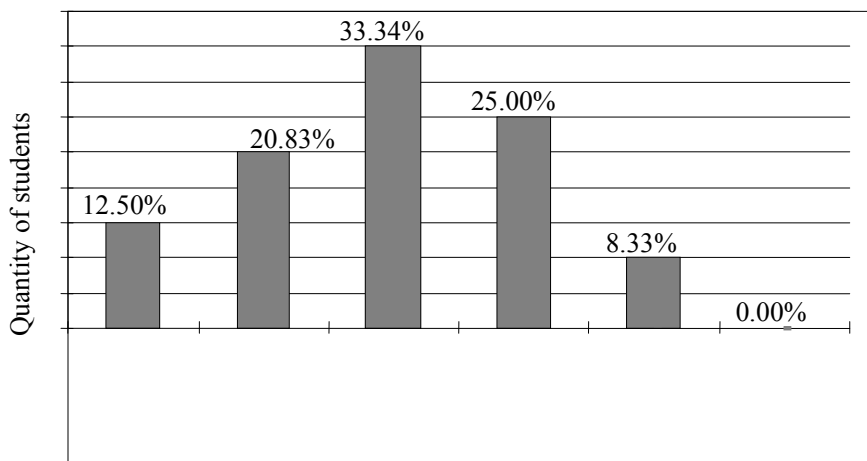
Litvinenko L.L. Methodological basis of aesthetic culture and aesthetic education: report/ Collection of works of Interuniversity scientifically-practical conference " Modern problems of becoming of a high school teacher's professional-pedagogical culture". Rostov-na-Donu: Publishing house of Rostov state pedagogical university, 2006. – pp. 5-8.

New tests IQ / Line « Psychological etudes ». – Rostov-na-Donu: "Phoenix", 2003. – 352 p.

Scherbina A.V. To a question on a modern condition of an education system of Russia: report/ Collection of works of Interuniversity scientifically-practical conference " Modern problems of becoming of a high school teacher's professional-pedagogical culture". Rostov-na-Donu: Publishing house of Rostov state pedagogical university, 2006. – pp. 21-2.

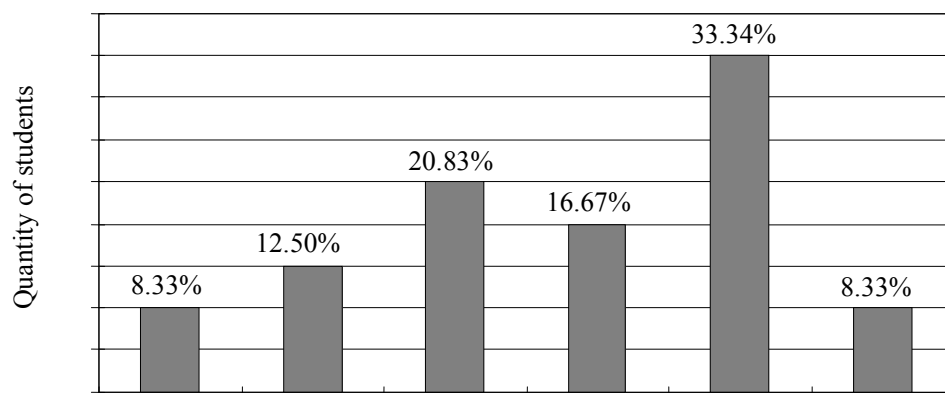
Zhuravlyov A.B. Development of social activity of pupils as the factor of becoming of value-orientational component of personal self-determination // www.rspu.edu.ru

Results of testing for definition of erudition degree of the 1st year of the group "finance and credit"

APPENDIX 1

Results of testing for definition of erudition degree of the 5th year of the group of "finance and credit"

APPENDIX 2

Высшее профессиональное образование в новых городах Крайнего Севера

Г.Ф. Куцев, Е.В. Фоминых

Относительно молодой состав населения новых городов Крайнего Севера Тюменской области определяет повышенные потребности получения высшего профессионального образования и повышения квалификации. Это связано еще и с характером и содержанием профессиональной деятельности, которая основывается на новых технологиях. Однако абсолютное большинство новых городов в условиях Крайнего севера не имеет необходимых учебных заведений. Именно поэтому здесь открываются филиалы крупных столичных региональных вузов, которые применяют самые различные формы организации учебной деятельности, такие как вахтовый метод обучения, дистанционные технологии, Интернет-образование и т.д. Все эти формы нуждаются в детальном научном анализе, чтобы обеспечить необходимое качество подготовки.

Higher Professional Education in the new Towns of the Far North

G.F. Kutsev, E.V. Fominyh

Relatively young population of the new towns in the Far North (Tyumen region) determines the demand for the higher education and raising the level of one's qualification. It mostly deals with the character of professional activity, which is based on new technologies. However, the vast majority of new towns in the Far North do not have necessary educational establishments. That is why the branches of large regional metropolitan higher educational establishments using a wide variety of educational activity such as long-distance commuting, distance technologies, internet-education, etc. are opened in the Far North. All these forms need detailed scientific analysis to provide the necessary quality of training.

Национальный проект «Образование» и его реализация на Крайнем Севере

Д.Т. Беруашвили

Нефтегазовая промышленность России благополучно модернизируется и уже использует самые передовые мировые и Российские технологии нефте-газодобычи. Одновременно роль России как одного из ведущих поставщиков энергетических ресурсов на европейские и мировые рынки эффективно растет и будет возрастать в обозримом будущем. Стабилизация производства в старых нефтяных и газовых регионах и разработка новых месторождений на Арктических шельфах, на Сахалине и в Восточной Сибири на основе существующих и разрабатываемых технологий во многом определяет устойчивость поставок нефти и газа на рынки сегодня и завтра. В одно и то же время производство нуждается в притоке высококвалифицированных кадров, обладающих способностью разрабатывать и использовать новейшее оборудование и технологии. Авторы представляют реализацию национального проекта «Образование» на крайнем Севере как самый важный путь обеспечения экономики государства молодыми, высокопрофессиональными специалистами через систему непрерывного эффективного образования.

Мы хотели бы начать с национального проекта «Образование»

Национальный проект создан президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов (протокол №2 от 21 Декабря 2005 года).

Государство стимулирует и поощряет учреждения и целые регионы, представляющие инновационные проекты и программы, также награждает лучших преподавателей, выплачивает премии талантливой молодежи. Разработчиком и ответственным исполнителем выступает Департамент образования округа.

Нам бы хотелось обратить ваше внимание на следующие вопросы

Актуальность проблемы: Основные условия – это укрепление политической и экономической роли и увеличение благосостояния населения. Также обеспечение конкурентоспособности и адаптации, создание условий для реализации образовательных и социальных траекторий развития. Главное конкурентоспособное преимущество связано с возможностью человеческого потенциального развития, которое во многих отношениях определено состоянием системы образования, где имеется источник устойчивого экономического роста.

Основная позиция Регионального образования сегодня: Система образования включает более 380 школ общего, музыкального, художественного образования и других школ, обучающихся более 25.400 человек. Департамент образования округа выполнил необходимую работу, нацеленную на анализ системы качества образования, чтобы оценить образовательные учреждения.

Большое внимание уделяется проблемам повсеместного образования в округе

Оценка реализации Национального Проекта с 2005: Помощник руководителя департамента образования администрации района Григорий Белинский информировал корреспондента о том, что на Ямале с 2000 года успешно введена система грантов. 28 февраля 2005 года губернатор Ямала Юрий Неелов подписал приказ о предоставлении целевых образовательных грантов за счет средств бюджета округа для профессионального обучения. Также Григорий Белинский отметил, что система образования в 2007-2008 гг. должна работать по новой системе, имея в виду множество нововведений для реализации приоритетного национального проекта. В Ямало-Ненецком автономном округе определены 14 школ – победителей конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих

инновационные образовательные программы. В целом в конкурсе в 2008 году приняли участие 33 общеобразовательных учреждения из всех 13 муниципальных образований округа. На реализацию приоритетного национального проекта «Образование» в Ямало-Ненецком автономном округе в 2006 году было израсходовано 95,1 млн. руб. из федерального бюджета, 119,9 млн руб. – из окружного бюджета, 74,5 млн. руб. – из средств муниципальных образований. По направлению «Внедрение современных образовательных технологий» за счет средств федерального бюджета с 13 октября по 1 декабря 2006 года к сети Интернет было подключено 50 школ Ямало-Ненецкого автономного округа.

И в дополнение к вышесказанному: проект находит свое отражение в жизненном стиле и стандартах местного населения. Жители округа замечают эффективную реализацию приоритетного национального проекта, особенно в сфере услуг, здравоохранения, образования.

Чтобы эта проблема была более понятна, мы хотим рассказать вам о направлениях национального проекта «Образование»:

Первое направление

- «помощь и развитие лучших образцов отечественного образования»

Состоялся конкурс общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы. Проходил он в 2 этапа: на муниципальном и окружном уровнях. В окружном этапе конкурса приняли участие 35 школ из 11-ти муниципальных образований Ямала.

Следующее направление

- «государственная помощь талантливой молодежи»

18 ямальцев стали обладателями премии Президента РФ в размере 30 тыс. руб. каждая. Помимо того, ещё 35 наиболее ярко проявивших себя жителей округа в возрасте от 14 до 25 лет поощрены денежными премиями по 10 тыс. руб.

Последнее направление

- «развитие материально- технической базы»

За счет средств федерального бюджета с 13 октября по 1 декабря 2006 года к сети Интернет подключено 50 общеобразовательных учреждений. Как объявило Министерство Телесвязи, школы на Ямале будут обеспечены лицензированным программным обеспечением летом 2008 года. Проект будет включать систему технической поддержки и Интернет образования. Министерство также планирует устанавливать открыто – исходное программное обеспечение во всех школах к 2009 году.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам

Лучшие результаты по реализации национального проекта в области «Помощь и развитие лучших образцов отечественного образования» были достигнуты в Пуровском районе. В результате 14 школ- победителей получили по одному миллиону рублей для реализации программ развития, одна школа стала обладателем гранта губернатора ЯНАО в размере 500 тысяч рублей. Самое большое количество учителей-участников было из Пуровского района.

В направлении «Государственная помощь талантливой молодежи» самые высокие результаты принадлежат Ноябрьску.

Наилучшие результаты в направлении «развитие материально-технической базы» принадлежат Ноябрьску и Лабытнанги. Школы-победители на Ямале получили 7 кабинетов, интерактивные доски и школьные автобусы.

На нацпроект «Образование» в 2009 году федеральный центр планирует израсходовать 30,9 млрд руб., а в 2010 и 2011 годах – по 7,9 млрд. руб. Из этих средств на развитие Южного и Сибирского федеральных университетов ежегодно выделяется по 3 млрд руб.

Университеты Западно-сибирского региона делают существенный вклад в обучение и подготовку молодых специалистов.

Литература

«Известия», 20 декабря 2008.

«Московские новости», 18 марта 2008.

«Правда Севера», 22 февраля 2008.

Официальный сайт администрации ЯНАО – www.adm.yanao.ru

Информационный сайт Ямало-Ненецкого Автономного округа – www.infoyanao.ru

Design Work – The National Project “Education” and its realization in the Far North

D.T. Beruashvili

The oil and gas industry of Russia has been appreciably modernized and already uses the most progressive global and Russian oil and gas recovery technologies. Simultaneously, the role of Russia as one of the leading suppliers of energy resources to the European and world markets effectively grows and will grow in the foreseeable future. Stabilization of production in the old oil and gas regions and development of new fields on the shelf of the Arctic regions and Sakhalin, in Eastern Siberia on the basis of existing and developed technologies in many respects determine the stability of deliveries of oil and gas to the markets today and tomorrow. At the same time, the industry needs inflow of highly skilled young personnel possessing the competence required for development and use of the latest equipment and technologies. Authors describe the realization of the national project, “Education”, in the Far North as the most important way of providing the nation’s economy with young experts through an ongoing and effective system of education.

The national project was created by presidium of the Russian Federation President Council on the realization of the national projects of priority (protocol № 2 from December 21, 2005). The state stimulates and encourages institutions and regions introducing innovative programmes and projects, it awards the best teachers and pays premiums to the talented youth.

The urgency of the problem: The basic conditions of the national project are the political and economic role in strengthening and increasing social well-being, while at the same time, maintaining competitiveness and adaptability to the conditions of international competition. The main competitive advantage is connected with an opportunity of human potential development, which is determined in many respects by conditions of the educational system, which is a source of steady economic growth.

The basic position of Regional Education today: The system of education includes more than 380 schools of secondary education, musical, art, and other schools, serving 25,400 people. Any other constituent legal person has no such weight of an educational network of establishments. The Department of Education has executed essential work aimed at the analysis of the quality of education to estimate educational institutions.

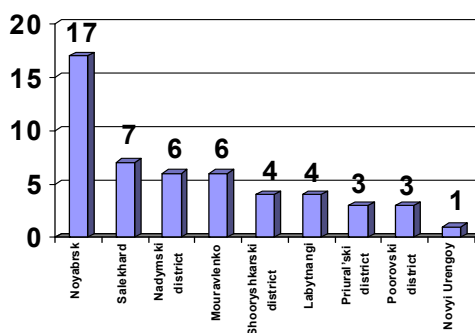
Great attention is paid to the problems of education everywhere in the district

Realization of measures for the national project since 2005: The chief assistant of the Department of Education in the district administration, Grigory Belinsky, informed correspondents that in Yamal since 2000 there has been a successful system of the target educational grant projects. On February 28, 2005 the Governor of Yamal, Yuriy Neelov, signed the order for the target educational grants. Grigory Belinsky noted that the system of education for 2007 and 2008 was to work on the basis of a new system. There were a number of changes connected, first of all, with the realization of the national projects of priority. In the district there are fourteen schools – winners among comprehensive schools – implementing innovative educational programmes. Thirty-three comprehensive schools from thirteen municipal formations of the district participated in the competition in 2008.

For the realization of the priority national project "Education" in the YANAD in 2006, 95.1 million rubles has been spent from the federal budget, 119.9 million rubles from the district budget, and 74.5 million rubles from municipal formations budget.

Due to the direction “Introduction of modern educational technologies” from October 13 until December 1, 2006 the federal budget provided a network for the Internet, to which fifty schools of the Yamal-Nenets autonomous district were connected.

Amount of awarded people in the direction "The state support of talented youth"

The addressees of the preferential grants become well known in Yamal

With the purpose of education development, the regional system reveals innovative practices on the maintenance of qualitative education, within the framework of the priority national project realization on education and according to the plans of the YaNAD' Department of Education professional's improvement skills of the workers within 2008.

Furthermore, the project finds its reflection in the living style and standards of the local population. The inhabitants of the district notice the effective realization of the national project's priority, especially in the spheres of services, education and public health.

In order to go more thoroughly into this problem I want to tell you about the directions of the national project “Education”:

The first direction

- “The support and development of the best samples of educational institutions in the country”

The competition of general educational establishments implementing innovative programmes was held in two levels: municipal and district levels.

Conclusion: As a result fourteen comprehensive schools have received 1 million rubles each for realization of the programmes of development, one school received the YaNAD’s governor grant of 500 thousand rubles. The most recipients among teachers were from the Poorovski district where 44 teachers won grants. The participants were awarded not only by the state, but also by such organizations as the OJSC “Gazprom” and the LLC “Yamalstroy”. The best results in realization of the national project in the field of “the help and development of the best samples of education in the country” are reached in the Poorovski district.

The second direction

- “The state support of the talented youth”

18 people became the winners of RF President’s premium (30 thousand rubles). Additionally, more than 35 of the brightest inhabitants of the district between the ages of 14-25 were awarded with the premiums of 1000 rubles. Conclusion: In the direction “the state support of talented youth” the highest results belong to the Youth of Noyabrsk.

The third direction

- “The financial development of technical base”

For the period of October 13th-December 1st, 2006, 50 educational establishments were connected to the Internet at the expense of the federal budget in Labytnangi, Noyabrsk, Novy Urengoy, Krasnoselkopski and Tazovski regions. Schools in the Yamal will be provided with licensed software in the near future. Conclusion: School winners in Yamal were gifted with seven studies, interactive boards and school buses. The best results were reached in Labytnangi and Noyabrsk.

Conclusion

The best results in realization of the national project in the field of “The support and development of the best samples of National Education in the country” have been reached in the Poorovski region. As a result, each of 14 comprehensive schools have received 1 million rubles to realize the development programmes, one of them is a winner of the Yamal Governor award of 500 000 rubles. In the direction “The state support of the talented youth” the highest results belong to the Youth of Noyabrsk. The best results in the direction “The financial development of technical base” have been reached in Labytnangi and Noyabrsk. School winners in Yamal were gifted with 7 studies, interactive boards and school buses. Plans for the national project "Education" include spending 30.9 billion rubles in 2009 and in 2010-2011, 7.9 billion rubles per year. Of these funds the development of Southern and Siberian federal universities will be invested in by 3 billion rubles annually. Universities of West Siberian region successfully contribute much in young experts teaching and training.

References

Newspaper “Izvestya”, from December 20th 2008.

Newspaper “The Moscow news”, from March 18th 2008.

Newspaper “Pravda Severa”, from February 22nd 2008.

Official site of the YaNAD Administration – www.adm.yanao.ru

Informational site of the YaNAD – www.infoyanao.ru

Удовлетворения культурных потребностей молодежи на Ямале

Т.В. Дацко

На сегодняшний день в округе сфера культуры, искусства и кино – развитая и устойчивая система, включающая более чем 250 учреждений культуры: около 100 общественных библиотек, более чем 80 клубных учреждений, более чем 40 учреждений искусства, 18 музеев и т.д.

Техническая основа большинства учреждений культуры округа не выполняет современных требований и нуждается в фундаментальном преобразовании. Большое количество учреждений культуры расположено в оборудованном помещении: из 250 зданий 18 находятся в плохом состоянии, 83 требуют полной перестройки. Самый низкий уровень развития материальной и технической базы находится все еще в сельской местности.

Часть средств обслуживания окружной программы была направлена на укрепление материальной и технической основы учреждений культуры в сельской местности. В 2005 году отдел культуры, искусства и кино администрации автономного округа также принял участие в выполнении множества окружных программ, например, «Культура, язык и традиционный образ жизни коренных народов северной части ЯНАО» (2003-2007).

Одно из первичных действий отдела – сохранение и развитие исторического и культурного наследия – стимулирует активную деятельность музеев. Устойчивая сеть музеев, рост основных показателей работы, функционирование информационных технологий – основные ориентиры развития этой сферы. Согласно статистике с 1 января 2005 года общее количество ресурсов музеев – 150800 единиц, которые составляют 6,7 процентов в 2003 году. Подобно в предыдущих годах, главные источники – этнографические, археологические, и исторические экспедиции.

В целом, ключевая проблема, главным образом музеев сельской местности, остается слабой материальной и технической основой, и недостатком возможностей увеличить квалификации штата. Другая ключевая деятельность в хранении культурно-исторического наследия – работа над обнаружением, регистрацией, и сохранением неподвижной культуры и памятников истории.

В ЯНАО сеть библиотек – все еще одна из наиболее фактических и устойчивых систем. С 1 января 2005 было 98 муниципальных общественных библиотек (включая 17 специализированных детских библиотек), 52 библиотеки расположены в сельской местности. Их популярность и количество посетителей этих учреждений увеличиваются ежегодно. Согласно статистике, мы можем прийти к выводу, что количество книг, полученных муниципальными библиотеками в последнее время устойчиво падает. Этот факт доказывает, что проблема финансирования приобретений библиотеками из муниципального бюджета приняла более критическое положение чем когда-либо. Самое серьезное положение этой проблемы находится в библиотеках сельской местности, но этот вопрос также становится актуальным и в городских библиотеках.

Государственная молодёжная политика является составной частью государственной политики в области социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа и представляет собой систему мер, направленных на создание необходимых условий для успешной социализации и самореализации молодых граждан, включения созидательного потенциала и активности молодёжи во все сферы общественной жизни.

Развитие системы гражданства и патриотического воспитания

Главные компоненты патриотического воспитания: в округе действуют военно-патриотические клубы, центры, и общества. На сегодняшний день более чем 120 учреждений этого типа привлекают более чем 3 000 подростков.

Ежегодно район проводит традиционные мероприятия патриотического плана: чемпионат на спортивных состязаниях прикладной силы «Патриот», чемпионат по прыжкам с парашютом, спортивно-военная игра «Командарм». Такие события вносят вклад в культивирование физического здоровья молодых людей, лелея чувства гражданства, способности работать в команде, получая некоторые навыки, необходимые при прохождении военной службы в вооруженных силах Российской Федерации.

Традиционные проекты вызывают увеличение гражданства и патриотического понимания среди молодых людей района, развитие моральных и этических традиций.

Заключение: Ежегодно проводятся спортивные соревнования, приносящие вклад в развитие физического здоровья молодежи, готовя их также к военной службе. Патриотические выставки и представления приводят к увеличению гражданства и патриотического воспитания среди молодых людей.

Помощь молодым людям в самореализации в социальной жизни

В согласии с этой окружной политикой осуществляется ряд образовательных проектов, преследуемых развитие новых путей и методов работы с мальчиками, стимулируя деятельность общественных союзов молодежи, признавая социально действенных молодых людей, поддерживая студенческие инициативы.

Поддержка самореализации молодежи на Ямале проводится в таких направлениях, как:

- развитие и поддержка творческих студенческих команд
- поддержка работы студенческих образовательных групп
- развитие системы интеллектуальных клубов среди студентов
- поддержка действующих проектов групповых студенческих инициатив

Заключение: Возможность для самореализации студентов обширная. Это обеспечено информационно-методологической поддержкой детских и молодежных клубов, школьного самоуправления.

Социальное и этическое воспитание молодых людей

Эта система должна иметь дело с проблемами предотвращения наркомании, склонности к алкоголизму среди молодых людей, пренебрежение алкоголем несовершеннолетних, замкнутость подростков. В настоящее время 40 учреждений различной специализации, работающих на основе решения проблем молодежи пытаются помочь приблизительно 15000 молодых людей. Главные цели их действий: развитие творческой и познавательной деятельности подростков, стимулирование интеллектуальной деятельности, артистическое, эстетическое, и спортивное воспитание, пешие туристические походы.

Работа над поддержкой спортивного развития на территории округа обеспечена комитетом округа и руководствами муниципальных учреждений физкультуры и спорта, при помощи деятельности 482 спортивных учреждений.

На слайде вы можете видеть процентное соотношение населения, регулярно посещающего спортивные учреждения от общего населения.

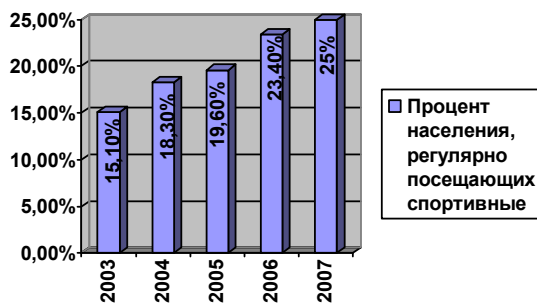

График №1

Как заключение я хочу сказать, что количество посетителей спортивных учреждений с 2003 года повысилось на 10%.

Развитие детского и молодежного отдыха, обучения персонала работе в лагерях округа

На основе лагерей округа есть многочисленные программы и проекты для молодых руководителей, журналистов, туристов, кадетов, членов патриотических клубов. Одно из главных условий успешной кампании отдыха – продолжать обучаться до специалистов в этой сфере. Благодаря окружной «Школе руководителей лагеря», лагеря используют их собственный педагогический состав и штат управления.

Большой процент среди молодых людей округа выбирает дешевые пути отдыха – туристские палатки, лагеря дневного пребывания. *Заключение:* Летняя кампания каникул позволяет быть выраженной независимо от творческой стороны, обучать экспертов, и т.д.

Поддержка молодых семей

Важный элемент молодежной политики – расширение общественных союзов молодых семей и клубов молодых семей. В муниципальных единицах автономного округа там выстраивают центры, клубы, которые являются независимыми и добровольными союзами молодых семейств. Они созданы, чтобы обеспечить помощь молодым родителям в воспитании их детей, усиливая обязательства брака, формируя полностью положительные представления ценностей семейной жизни.

График №2

Заключение: Центр поддержки и помощи молодым семьям. С 2003 года количество молодых семей увеличилось и достигло самой большой точки в 2007. Все это благодаря созданным центрам поддержки.

Поддержка творческих молодых людей, досуг для молодежи

Эта политика имеет дело с формированием системы обнаружения талантов, творческих способностей детей и подростков. Одна из самых интересных форм досуга – викторины для молодежных команд автономного округа. Проект развития викторин обеспечивает семинары окружного холдинга, игры, и фестивали.

Заключение: Проведенные действия поддерживают творческих молодых людей, также предлагают полезную занятость на досуге, таким образом, развивая молодежь. Фестивали субкультур объединяют молодежь в творческие команды, усиливаются творческие союзы.

Ободряющее чувство гражданства в местных молодых людях

Самые критические проекты на этой линии:

- районная этнографическая экспедиция «Зов Тундры», участие в которой позволяет узнавать новые вещи о региональной культуре, традиции коренных народов Севера, получение навыков выживания в естественных условиях окружающей среды
- экологическая трудовая команда – помогает решать проблему временной занятости, участвовать в социально важных проектах
- образовательное обучение, предлагая работу команде, вводя навыки лидерства

Заключение: Данное направление позволяет жителям крайнего севера быть сплоченными для защиты мнений и прав. Обучаясь региональной культуре, традициям коренных народов, участие в социально важных проектах и образовательном обучении это также стало возможным из-за руководства, поощряющего чувство гражданства в местных молодых людях.

На форуме информационного портала города Нового Уренгоя проводится опрос на тему : Какие постройки вы бы хотели увидеть в городе в ближайшее время? Результаты голосования самые разнообразные.

Платные развлечения	
Огромный центр развлечений с кафе	25,00%
Кинотеатр в северной части города	13,31%
Парк аттракционов	13,34%
Профессиональный скейтпарк	8,12%
Горнолыжный комплекс в пределах города	6,49%
Большой театр	6,49%
Футбольный стадион	5,84%
Местная конюшня с пони	5,52%
Космический центр туризма	4,87%
Закрытый теннисный корт	4,22%

В первую очередь, жители города хотели бы видеть в городе полноценный торгово-развлекательный центр, где можно было бы и по магазинам пройтись, и в кино сходить, и вкусно пообедать, да еще и повеселиться. Участие в голосование приняли более 120 человек. (Данные действительны на 25.08.08.)

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

4. Ежегодно проводятся спортивные соревнования, приносящие вклад в развитие физического здоровья молодежи, готовя их также к военной службе. Патриотические выставки и представления приводят к увеличению гражданства и патриотического воспитания среди молодых людей;
5. Возможность для самореализации студентов обширная. Это обеспечено информационно-методологической поддержкой детских и молодежных клубов, школьного самоуправления;
6. Количество посетителей спортивных учреждений с 2003 года повысилось на 10%;
7. Летняя кампания каникул позволяет быть выраженной независимо от творческой стороны, обучать экспертов, и т.д.;
8. Центры обслуживания и клубы созданы для поддержки и помощи молодым семьям. С 2003 года количество молодых семей увеличилось и достигло самой большой точки в 2007. Все это благодаря созданным центрам поддержки;
9. Проведенные действия поддерживают творческих молодых людей, также предлагают полезную занятость на досуге, таким образом, развивая молодежь. Фестивали субкультур объединяют молодежь в творческие команды, усиливаются творческие союзы;
10. Данное направление позволяет жителям крайнего севера быть сплоченными для защиты мнений и прав. Обучаясь региональной культуре, традициям коренных народов, участие в социально важных проектах и образовательном обучении это также стало возможным из-за руководства, поощряющего чувство гражданства в местных молодых людях.

Литература

Официальный сайт администрации ЯНАО – www.adm.yanao.ru

Информационный сайт Ямало-Ненецкого Автономного округа – www.infoyanao.ru

Газета «Правда Севера», февраль 2008.

Газета «Правда Севера», апрель 2008.

Газета «Правда Севера», июнь 2008.

Газета «Сигма», сентябрь 2008.

The Satisfaction of ‘Youth Cultural Desires’ in Yamal

T.V. Dazko

Today in the autonomous district the sphere of culture, art and cinema is a developed and steady system, including over 250 institutions of culture: about 100 public libraries; over 80 club institutions; over 40 educational institutions of arts and humanities; 18 museums, etc.

The technical base of most cultural institutions of the district does not meet the modern requirements and needs fundamental to modernization. Many cultural institutions are located in equipped premises; from a total of 250 buildings, 18 are in disrepair and 83 require complete overhaul.

The lowest level of development of the material and technical base is still in the countryside. In 2005 the department of culture, art, and cinema of the autonomous district administration also took part in the implementation of a number of district targeted programmes, for example, 'Culture, language, and traditional lifestyle of native local peoples of the northern part of the Yamal-Nenets Autonomous District (2003 – 2007)'.

One of the primary activities of the department – conservation and development of historical and cultural heritage – involves the efficient management of museums. The stable network of museums, growth of key performance indicators, and the implementation of information technology are the basic landmarks of development in this sphere. According to statistics, as of January 01, 2005, the total number of museum resources was 150,800 units, which is 6.7 percent more than in 2003. Like in previous years, the main sources of acquisitions were ethnographical, archaeological, and historical expeditions.

Altogether, the key problem, mainly of countryside museums, remains a weak material and technical base, and lack of opportunities to increase staff qualifications. Another key activity in keeping historic-cultural heritage is work on finding, filing, and conservation of immovable cultural and historical monuments.

In the Yamal-Nenets Autonomous District, the libraries network is still one of the most actual and stable. As of January 01, 2005, there were 98 municipal public libraries (including 17 specialized children ones), 52 libraries are located in the countryside. Their popularity and the number of visitors to these institutions increase annually. In 2007 in the centralized library system 265 cultural – leisure events (2006 – 264) were held, they were attended by 5,974 people (2006 – 5674). This includes children’s activities – 188 (2006 – 180), to which 4216 people (2006 – 4104) attended. In contrast, according to statistics, we can come to the conclusion that the number of books received by municipal libraries recently is steadily falling. This fact gives evidence that the problem of financing library funds acquisitions from the municipal budget is more urgent than ever. The gravest situation is in countryside libraries, but this situation is becoming urgent in city libraries, too.

Youth policy is an essential part of state policies in the sphere of the socio-economic development of the Yamal-Nenets Autonomous District. It offers a set of measures taken to create appropriate conditions for the dynamic encouragement of young people to achieve full self-realization, and to provide new ways of encouraging proactivity, initiative, and creativity of the young people, all done taking into account interests and needs of their ages.

The development of a system of citizenship and patriotic education

The main component of a patriotic upbringing in the autonomous district is acting in military-patriotic societies, centers, and associations. For the moment, over 120 institutions of this type bring together over 3,000 adolescents.

Annually, the district holds traditional events of a patriotic matter. These include: championships of applied-strength sports, 'Patriot', a parachuting championship, and the sports-military game, 'Komandarm'. Such events contribute to the cultivation of physical health of young people, nurturing citizenship feelings, abilities to work in a team, and obtaining certain skills necessary when doing military service in the Russian Federation armed services.

Traditional projects, like the district contest festival of patriotic songs 'Following the Roads of Generations', exhibitions and presentations of patriotic societies, centres, and associations, patriotic meetings 'Generation' (Novorossiisk) for winners of district events, search expeditions 'Taking the Roads of Glory', bring about the increase of citizenship and patriotic awareness among the young people of the district and the development of moral and ethical traditions.

Conclusion: Annually held sports meets contribute to the development of the physical health of youth, while also preparing them for military service. Furthermore, patriotic exhibitions and representations cause an increase in citizenship and patriotic understanding among young people.

Assistance to young people in self-realization in social life

In agreement with this policy, the autonomous district is implementing a range of educational projects targeted at the development of new ways and techniques of work with youngsters, stimulating activity of public youth unions, recognizing socially proactive young people and supporting student initiatives.

Self-realization support of the Youth in Yamal is held in the direction of:

- development and support of students' creative teams
- consolidation of student boards of universities and high schools of the autonomous district
- encouragement of work of student educational groups
- development of an intellectual clubs system among students
- support for project activities of student initiatives' groups

Conclusion: The opportunity for expanding the self-realization of students is provided in the informative-methodological support of childhood and the unions of youth and school self-management.

Social and ethical recovery of young people, extending the system of social services for youngsters

This line deals with the prevention of the problems of drug and alcohol addiction among young people, the neglect of those under age, and asocial phenomena among adolescents. Currently, 40 institutions of different orientation, working on the basis of youth problems departments, involve around 15,000 young people. The main goals of their activities are: the development of creative and cognitive activity of adolescents, stimulating intelligence abilities, artistic, aesthetic, and athletic upbringing, and tourist-hiking activities.

Work on the encouragement of mass physical culture and sport development on the territory of the district is provided by the district committee and governing bodies of municipal institutions of physical culture and sport through the activity of 482 sports establishments. Ninety thousand people (25% of the

population of the district) attend educational institutions of physical training. Preservation and strengthening of children's health, formation of a desire for a healthy way of life and physical perfection is one of the overall objectives of preschool and educational establishments and the sports organizations. Children and teenagers make up 64% of the common number of sports goers among youth. In particular in the city of Novy Urengoy in 2007, 46,586 people were involved in the work of recovery and physical culture (39.83% from the common number of inhabitants of municipal formation), in comparison with 2006 the number engaged in mass physical training has increased by 6,250 people, or by 5.5%.

Research shows that the number of sports goers has increased by 10% since 2003 (see Table №1).

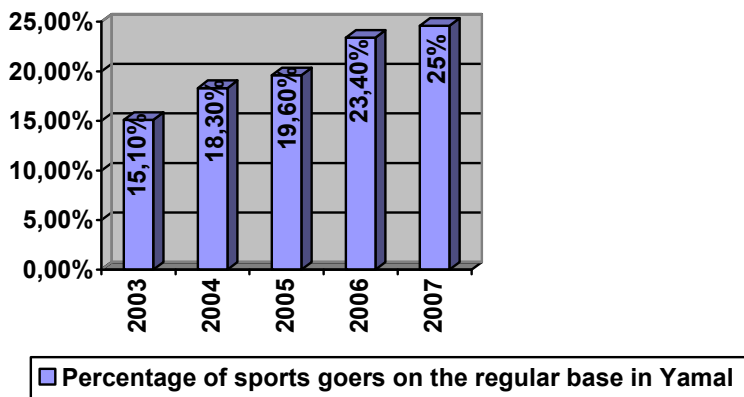

Table №1: changing percentage of regular sports in Yamal.

Development of childhood and youth recreation and personnel training for work in district recreation camps

On the basis of district camps there are numerous programmes and projects for young leaders, journalists, tourists, panel games lovers, cadet students, and members of patriotic clubs. One of the main conditions of a successful recreation campaign continues to be the training of specialists in this field. Thanks to the district 'School of Camp Leaders', camps employ their own pedagogical and management staff.

A great interest among young people of the district is paid to low-cost ways of recreation, for example, tourist tent camps and daylight-stay camps.

Conclusion: The summer vacation campaign allows independent expression from creative party, to train experts, etc.

the

Young families' support

An important element of youth policy is the expansion of public unions of young families and young family clubs. In municipal units of the autonomous district there are growing centers and clubs where young families can mix. These are independent and voluntary unions of young families which are created in order to provide help to young parents in the upbringing of their children, strengthening marriage bonds and thus encouraging the formation of positive complete images of family life values.

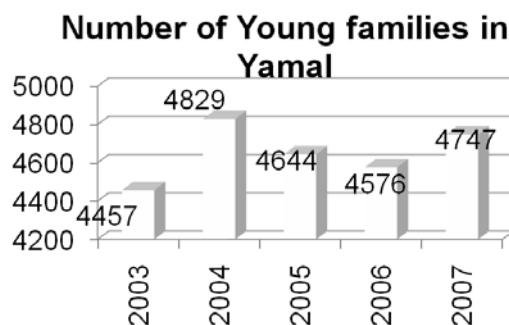

Table №2

The centers and clubs for young families provide help and support the maintenance of positive family values. Since 2003 the quantity of young families has been increasing and peaked in 2007.

Support of creative young people, arranging leisure for youngsters

This policy deals with forming the system of encouraging discovering talents, thinking and creative abilities of children and teenagers. One of the most fascinating forms of leisure is panel games for young teams of the autonomous district. The panel games development project holds district seminars, games, and festivals. Activities are carried out to support creative young people and offer useful employment in leisure, thus developing youth. Subculture festivals of youth unite creative commands thus strengthening creative unions.

Encouraging a sense of citizenship in local young people: forming home-base personnel reserve

The most crucial projects in this line are:

- the district ethnographic expedition 'Tundra's Call', participating in which allows learning new things about regional culture and traditions of the Northern locals, and the obtaining of survival skills in natural environment conditions
- ecological labour squad – helps to solve the problem of temporary employment, to participate in socially important projects, and facilitate in spending leisure usefully
- educational training, teaching team-working, introducing leadership skills

Studying regional culture and traditions of local peoples, participation in socially important projects and educational training became possible due to the direction “forming home-base personnel reserve” which encourages a sense of citizenship in local young people. The given direction has allowed people of the Far North to be united for protection of opinions and rights.

At a forum of an information portal of the city of Novy Urengoy a questionnaire was carried out asking: What constructions in the city would you like to see in the near future? The results vary (Diagram № 3)

Paid entertainment	
A huge center of entertainment with a cafe	25,00%
Cinema in the northern part of the city	13,31%
Park of attractions	13,34%
Professional skatepark	8,12%
Mountain-skiing complex within the city area	6,49%
A big theatre	6,49%
Football stadium	5,84%
Local stable with ponies	5,52%
A space center of tourism	4,87%
An indoor tennis court	4,22%

Table № 3:

First of all, city dwellers would like to see a high-grade trade/entertainment center where it would be possible to go shopping, visit the cinema, have a tasty lunch, and to just have fun. There were 120 respondents to the questionnaire (the data was collected on August 25, 2008).

Conclusion

Annually held sports meets contribute to the development of the physical health of youth, while also preparing them for military service. Furthermore, patriotic exhibitions and representations cause an

increase in citizenship and patriotic understanding among young people. The opportunity for expanding the self-realization of students is provided in the informative-methodological support of childhood and the unions of youth and school self-management. Research shows that the number of sports goers has increased by 10% since 2003. The summer vacation campaign allows independent expression from the creative party, to train experts, etc. The centers and clubs for young families provide help and support the maintenance of positive family values. Since 2003 the quantity of young families has been increasing and peaked in 2007. Activities are carried out to support creative young people and offer useful employment in leisure, thus developing youth. Subculture festivals of youth unite creative commands thus strengthening creative unions. Studying regional culture and traditions of local peoples, participation in socially important projects and educational training became possible due to the direction “forming home-base personnel reserve” which encourages a sense of citizenship in local young people. The given direction has allowed people of the Far North to be united for protection of opinions and rights.

References

Official site of the YaNAD Administration – www.adm.yanao.ru

Informational site of the YaNAD – www.infoyanao.ru

Newspaper “Pravda Severa”, February 2008.

Newspaper “Pravda Severa”, April 2008.

Newspaper “Pravda Severa”, June 2008.

Newspaper “Sigma”, September 2008.

Список авторов

Алешкевич Елена Сергеевна, Историк, докторант, научный сотрудник проекта Австрийского Научного Фонда FWF «Жизни в движении–вахтовика в Северно-Западной Сибири» в Венском Университете, Институт Географии и региональных исследований, Австрия

Андронов Сергей Васильевич, Научный сотрудник группы экспериментальной пульмонологии государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Ануфриева Зинаида Дмитриевна, Педагог – психолог дошкольного образовательного учреждения центра развития ребёнка – детского сада «Елочка», г. Новый Уренгой

Беруашвили Дарья Тенгизовна, Студентка 3-го курса экономического факультета, Филиал ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Борлакова Зайрат Эреджебовна, Кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой финансово-экономических дисциплин, Филиал ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Боровикова Ирина Анатольевна, Кандидат психологических наук, начальник отдела социально-психологических исследований ООО «Газпром добыча Уренгой»

Буганов Анатолий Алексеевич, Доктор медицинских наук, член-корреспондент РАМН, профессор, директор государственного учреждения НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Вахрушева Тамара Александровна, Кандидат педагогических наук, доцент, заведующая Лабораторией разработки и внедрения инноваций в образовательные системы Научно-исследовательского института «Развитие образования в условиях Приполярья» Уральского отделения Российской Академии образования, г. Новый Уренгой

Гайдадина Ирина Анатольевна, Заведующий муниципального дошкольного образовательного учреждения центра развития ребёнка – детского сада «Загадка», г. Новый Уренгой

Дацко Татьяна Васильевна, Студентка 3-го курса экономического факультета, Филиал ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Демин Дмитрий Александрович, Руководитель филиала ТюмГУ в г. Салехард

Дзида Галина Андреевна, Доктор педагогических наук, профессор, руководитель филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой, директор НИИ «Развитие образования в условиях Приполярья» Уральского отделения Российской Академии образования

Долгов Денис Владимирович, Научный сотрудник Лаборатории популяционных исследований государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Дудек Штефан, Докторант Института социальной антропологии им. Макса Планка, г. Хале, Германия.

Елифанов Андрей Васильевич, Кандидат биологических наук, доцент, декан биологического факультета ТюмГУ в г. Тюмень

Жуковская Дарья, Магистрант кафедры промышленного дизайна Уральской государственной архитектурно-художественной Академии, г. Екатеринбург

Зелинский Александр, Магистр дизайна, соискатель ученой степени Уральской государственной архитектурно-художественной Академии, г. Екатеринбург

Золотов Юрий Михайлович, кандидат социологических наук, исполнительный директор НО «Фонд развития муниципального образования город Новый Уренгой»

Кабаленова Елена Юрьевна, Заместитель заведующего муниципального дошкольного образовательного учреждения центра развития ребёнка – детского сада «Елочка» по воспитательно-методической работе, г. Новый Уренгой

Кабанова Екатерина Владимировна, Заведующая группы экспериментальной пульмонологии государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Костогриз Иван Иванович, Кандидат экономических наук, Глава муниципального образования город Новый Уренгой

Кочкин Руслан Алексеевич, Научный сотрудник группы экспериментальной пульмонологии государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Кривощёков Андрей Павлович, Заместитель главного врача по медицинской части ООО «Газпром добыча Уренгой», г. Новый Уренгой

Кузнецова Анжелика Анатольевна, Директор муниципального учреждения «Центр социально-психологической помощи подросткам и молодежи», г. Новый Уренгой

Куцев Геннадий Филиппович, Президент ТюмГУ, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, г. Тюмень

Липатова Людмила Федоровна, Старший научный сотрудник музейно-выставочного комплекса им. Шемановского г. Салехард

Лобанов Андрей Александрович, Кандидат медицинских наук, руководитель Лаборатории экспериментальной пульмонологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Лобова В.А., Научный сотрудник Лаборатории медицинской психологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Мамедова Сабина Исмаиловна, Кандидат медицинских наук, руководитель Лаборатории клинично-экспериментальных исследований государственного учреждения НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Мартынов Владимир Андреевич, Студент 1-го курса, филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Нестерова Валентина Владимировна, Кандидат медицинских наук, доцент, заведующая Лабораторией здоровьесбережения молодежи НИИ «Развитие образования в условиях Приполярья» УрО РАО, г. Новый Уренгой

Низамова Ирина Юрьевна, Научный сотрудник Лаборатории медицинской психологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, г. Надым

Нуйкин Владимир Ильич, Заместитель Главы муниципального образования город Новый Уренгой

Нуйкина Елена Владимировна, Социолог, Сотрудник проекта БОРЕАС-МУВ-ИННОКОМ, Арктический центр, Университет Лапландии, г. Рованиemi, Финляндия.

Павлова Марина Анатольевна, Заместитель руководителя филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Панин Сергей Владимирович, Кандидат медицинских наук, соискатель ТюмГУ, врач Железнодорожной больницы станция «Тюмень»

Панова Людмила Ивановна, Начальник управления по труду Департамент по труду и социальной защите населения ЯНАО

Попов Андрей Иванович, Кандидат медицинских наук, руководитель Лаборатории популяционных исследований государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Попова Татьяна Леонтьевна, Научный сотрудник Лаборатории медицинской психологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Романюк Мария Анатольевна, Научный сотрудник Лаборатории популяционных методов исследования государственного учреждения Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера Российской Академии медицинских наук, г. Надым

Рублюк Анастасия Юрьевна, Студентка 1-го курса филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Соловьёв Владимир Сергеевич, Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии и физиологии человека и животных ТюмГУ

Соловьева Светлана Владимировна, Кандидат медицинских наук, доцент кафедры внутренних болезней с курсами профпатологии и семейной медицины Тюменской государственной медицинской Академии, г. Тюмень

Стори Кит, Профессор Института Географии Университета Ньюфаунленд, Канада.

Телегий Надежда Григорьевна, Старший преподаватель кафедры финансово-экономических дисциплин филиала ТюмГУ в г. Новый Уренгой

Трошкова Татьяна Михайловна, Педагог-психолог муниципального дошкольного образовательного учреждения центра развития ребёнка – детского сада «Елочка», г. Новый Уренгой

Фоминых Елена Васильевна, Начальник Управления филиалов ТюмГУ г. Тюмень

Шаповалова Елена Владимировна, Кандидат философских наук, почетный работник общего образования Российской Федерации, руководитель филиала ТюмГУ в г. Ноябрьске

Штаммлер Флориан, Доктор наук в антропологии, руководитель проекта БОРЕАС–MOVE–INNOCOM, координатор исследовательской группы по антропологии и изучению Российского Севера, Арктический центр, Университет Лапландии, г. Рованиemi

Эйльмштейнер-Саксингер Гертруде, Социальный антрополог, Проект БОРЕАС–МУВ–ИННОКОМ, Финляндия. ААС–Рабочая Группа Арктика и Субарктика. Проект Австрийского Научного Фонда FWF «Жизни в движении–вахтовики в Северно-Западной Сибири» в Венском Университете, Институт Географии и региональных исследований, Австрия

Authors

Aleshkevich Elena Sergeevna, Historian, PhD. cand. AAS–Working Group Arctic and Subarctic. Scientific collaborator with the FWF project “Lives on the Move–Vakhtoviki in north-western Siberia” at the Department of Geography and Regional Research, University of Vienna, Austria

Andronov Sergey Vasilyevich, Junior Scientific Researchers of Experimental Pulmonology Group, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Anufrieva Zinaida Dimitrevna, Educational psychologist, Centre for Children’s Development – Kindergarten “Elochka”, Novy Urengoy

Beruashvili Dar’ya Tengizovna, 3rd-year student in the field of Economics, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Borlakova Zayrat Eredzhebovna, PhD in Pedagogic, Head of Chair for Financial and Economic Sciences, the Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Borovikova Irina Anatol’evna, Candidate of Psychological Science, Head of Social and Psychological research department, OOO Gazprom Dobycha Urengoy, Novy Urengoy

Buganov Anatoly Alekseyevich, Doctor, Corresponding Member of Russian Academy of Medical Sciences, Professor, Director of State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym.

Dazko Tatyana Vasilyevna, 3rd-year Student in the Field of Economics, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Djomin Dmitriy Aleksandrovich, Head of Tyumen State University Branch in Salekhard

Dolgov Denis Vladimirovich, Scientific collaborator with the Laboratory for Population Research, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Dudeck Stephan, PhD. cand. Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle, Germany

Dzida Galina Andreevna, Professor, Director of the “Research Institute for Education under Polar Conditions”, Head of Tyumen State University Branch in Novy Urengoy

Eilmsteiner-Saxinger Gertrude, Social Anthropologist, BOREAS-MOVE-INNOCOM, Arctic Centre Rovaniemi, Finland. FWF project “Lives on the Move – Vakhtoviki in north-western Siberia”, Dep. of Geography and Regional Research, University of Vienna. AAS – Working Group Arctic and Subarctic, Austria

Gaidadina Irina Anatol’evna, Head of the preschool educational establishment “Zagadka”, Novy Urengoy

Kabalenova Elena Yuryevna, Deputy head of the preschool educational establishment “Yolochka”, Novy Urengoy

Kabanova Yekaterina Vladimirovna, Head of the Laboratory of Experimental Pulmonology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Russian Academy of Medical Sciences, Nadym

Kochkin Ruslan Alekseyevich, Head of the Laboratory of Experimental Pulmonology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Russian Academy of Medical Sciences, Nadym

Kostogriz Ivan Ivanovich, PhD in Economics, the Mayor of Novy Urengoy

Krivoschyokov Andrey Pavlovich, Vice-head of Medical Department of LLC, OOO Gazprom Dobycha Urengoy

Kutsev Gennadiy Filippovich, President of Tyumen State University, Professor, Doctor of Philosophy, corresponding member of the Russian Academy of Education, Tyumen

Kuznetsova Ansshelika Anatolrevna, Head of the Centre for Social-Psychological Help for Children and Youth, Novy Urengoy

Lipatova Ljudmila Fedorovna, Senior Researcher, Shemanovskij Museum in Salekhard

Lobanov Andrej Aleksandrovich, Head of the Laboratory of Experimental Pulmonology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Russian Academy of Medical Sciences, Nadym

Lobova V.A, Laboratory for Medico-Psychology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Mamedova Sabina Ismailovna, PhD in Medicine, Head of Clinical-and-Experimental Research Laboratory, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Martynov Vladimir Andreevich, 1st-year student, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Nesterova Valentina Vladimirovna, Head of the Laboratory for Health Preservation, candidate of medical sciences, dotsent, Scientific Research Institute of the Ural Office of the Russian Academy of Sciences, Novy Urengoy

Nizamova Irina Jur'evna, Scientific collaborator with the Laboratory for Medico-Psychology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Nuykin Vladimir Il'ich, Vice Mayor of Novy Urengoy, Innovation and Development Issues, Novy Urengoy

Nuykina Elena Vladimirovna, Master in Social Sciences, Research assistant of the Project BOREAS–MOVE–INNOCOM, Anthropology Research Team, Arctic Centre, University of Lapland, Rovaniemi, Finland

Panin Sergey Vladimirovich, PhD in Medicine, Tyumen State University

Panova Ljudmila Ivanovna, Head of the Department for Work and Social Protection, Administration of Labour Affairs, Yamal Nenets Autonomous District

Pavlova Marina Anatol'evna, Vice-head of Research Department, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Popova Tatjana Leont'evna, Laboratory for Medico-Psychology, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Popov Andrey Ivanovich, PhD in Medicine, Head of Population Research Laboratory, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Nadym

Romanjuk Maria Anatol'evna, Junior Research Assistant at the Laboratory for Population Research, State Scientific Research Institute of Medical Problems in the Far North, Russian Academy of Medical Sciences, Nadym

Rublyuk Anastasia Jur'evna, 1st-year student in Applied Computer Science in Economy, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Shapovalova Elena Vladimirovna, Head of State Institute of Education, Candidate Phil., honorable worker for general education of the Russian Federation, Head of the Branch of the Tyumen State University in Noyabrsk

Solovyev Vladimir Sergeyeovich, PhD in Medicine, Professor, Head of Chair for Human and Animal Anatomy and Physiology, Tyumen State University

Solovyeva Svetlana Vladimirovna, PhD in Medicine, Assistant Professor, Tyumen State Medical Academy

Stammler Florian, Doctor, senior researcher, project leader BOREAS–MOVE–INNOCOM; head of the research group of Anthropology and Russian North Studies, Arctic Centre, University of Lapland, Rovaniemi, Finland

Storey Keith, Professor, Department of Geography, University of Newfoundland St. John's, Canada

Telegy Nadezhda Grigorevna, Senior Professor, Chair for Finance and Economy, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University

Troshkova Tatyana Mikhailovna, Educational psychologist of the preschool educational establishment "Yolochka", Novy Urengoy

Vakhrusheva Tamara Aleksandrovna, PhD in Pedagogic, docent, Head of Chair for Humanities, Novy Urengoy Branch of the Tyumen State University; Head of the Laboratory of Theory and Practical Programs for Development of Education, Ural Branch of Russian Academy of Education

Yeliphanov Andrey Vasilyevich, PhD in Biology, Dean of the Biology Department, Tyumen State University

Zelinsky Aleksandr, Magister in Design, Candidate in Arts, Ural State Academy for Architecture and Arts, Yekaterinburg

Zhukovskaya Darja, Master student of Industrial Design, Ural State Academy for Arts and Architecture, Yekaterinburg

Zolotov Juri Michajlovich, PhD in Sociology, Chief executive of the NPO Fund for Development, Novy Urengoy